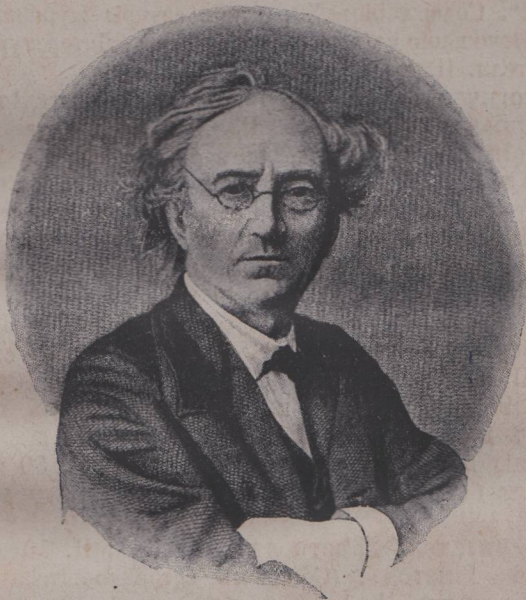

Федоръ Ивановичъ

ТЮТЧЕВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ

Сборникъ историко-литературныхъ статей

СОСТАВИЛЪ

В. И. Покровскій

Москва 1911.

Издание 2-е, дополненное.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

В. Покровскаго:

Щеголи въ сатирической литературѣ XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

Щеголихи въ сатирической литературѣ XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы. Ц. 50 к. *Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Содержаніе: I. Критика Бѣлинскаго — литературная школа для писателей и общества того времени. — II. Бѣлинскій и Мерзляковъ. — III. Бѣлинскій и Полевой. — IV. Бѣлинскій и Надеждинъ. — V. Бѣлинскій и Шевыревъ. — VI. Булгаринъ, Сенковский и Бѣлинскій. — VII. Бѣлинскій, какъ создатель исторіи новой русской литературы. — VIII. Взглядъ Бѣлинскаго на народную поэзію и древнюю книжную словесность. — IX. Ошибочность воззрѣній Бѣлинскаго на нѣкоторые произведенія новѣйшей литературы.

Поэзія, какъ главный факторъ эстетическаго развитія. Ц. 1 р. Изд. 2-е. *Включена Мин. Нар. Просв. въ „Каталогъ книгъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній“.*

Столѣтіе сатирическаго журнала „Что-нибудь отъ бездѣля на досугъ“. Содержаніе: Характеръ сатиры журнала. Общее содержаніе. Отношеніе къ предшественникамъ. Литературная дѣятельность писателя. Ц. 20 к.

О педагогическомъ значеніи класснаго чтенія отрывковъ изъ образцовыхъ писателей. Ц. 60 к. (Распродано.)

Отношенія А. С. Пушкина къ отечественнымъ писателямъ. Содержаніе: I. Введеніе. — II. Пушкинъ приглашаетъ другихъ поэтовъ къ служенію музамъ. — III. Радостное привѣтствіе Пушкинымъ произведеній поэтовъ. — IV. Живое участіе Пушкина къ дѣятельности поэтовъ. — V. Уваженіе Пушкина къ достоинству имени писателя. — VI. Альтруистическія и симпатическія чувствованія Пушкина къ писателямъ. Ц. 20 к.

„Мой досугъ или уединеніе“. (Страница изъ русской журналистики XVIII вѣка.) Ц. 20 к.

Дамскій журналъ. Ц. 50 к.

Журналъ для милыхъ. Ц. 25 к.

Рогоносцы въ эпиграммахъ XVIII вѣка. Ц. 50 к.

Смертодавы (врачи) въ сатирической литературѣ XVIII вѣка. Ц. 30 к.

Книга и читатель двѣсти лѣтъ назадъ. Ц. 50 к.

Жены декабристовъ. (Сборникъ историко-литературныхъ статей, съ портретами). Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ историко-литературныхъ статей В. Г. Бѣлинскаго по новой русской литературѣ. Ц. 1 р. (8^о, 428 стр.) *Допущенъ Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.*

Исторической хрестоматіи (Сборника историко-критическихъ изслѣдованій) выпуски:

I вып. О народной словесности. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.

II „ О книжной словесности XI—XVI вв. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

III „ О книжной словесности XVI—XVII вв. Изданіе 2-е. Ц. 2 р.

IV „ О Петровской и Елизаветинской эпохахъ и ихъ литературныхъ представителяхъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

V „ О ложно-классическомъ направленіи въ иностранной и русской литературахъ. Ц. 2 р. 50 к.

Федоръ Ивановичъ

ТЮТЧЕВЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

Изданіе 2-е, дополненное.

Цѣна 30 коп.

МОСКВА.

Складъ въ книжномъ магазинѣ В. СПИРИДОНОВА и А. МИХАЙЛОВА.

Моховая, уг. Тверской, д. Варварин. Акц. О-ва. Тел. 120—95.

1911.

ТИПОГРАФІЯ Г. ЛИСНЕРА И Д. СОВКО.

Москва, Воздвиженка, Крестовоздв. пер., д. 9.

1871

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во второмъ изданіи помѣщены слѣдующія новыя статьи: Духовная атмосфера въ Россіи ко времени возвращенія на родину Тютчева, *Пѣтухова*. — Тютчевъ — поэтъ-художникъ, мыслитель и поэтический борець, *Аммона*. — Тютчевъ, какъ поэтъ-созерцатель, *Круковскаго*. — Поэзія Тютчева, какъ выразительница внутренняго міра поэта, *его же*. — Тютчевъ, какъ поэтический изобразитель настроенія, *Пѣтухова*. — Тютчевъ — пѣвецъ природы, *его же*. — Художественные приемы въ изображеніи природы Тютчева, *Саводника*. — Историко-національныя отраженія лирики Тютчева, *Круковскаго*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Федоръ Ивановичъ Тютчевъ, его домашняя среда и дипломатическая дѣятельность, <i>Аксакова</i>	1
Духовная атмосфера въ Россіи ко времени возвращенія на родину Тютчева, <i>Плѣтухова</i>	10
Занятія Тютчева на родинѣ, <i>Ив. Аксакова</i>	11
Тютчевъ—поэтъ-художникъ, мыслитель и поэтический борецъ, <i>Н. Аммона</i>	12
Возвышенное въ поэзіи Тютчева, <i>Владимира Соловьева</i>	31
Тютчевъ, какъ поэтъ-созерцатель, <i>Круковскаго</i>	43
Поэзія Тютчева, какъ выразительница внутренняго міра поэта, <i>его же</i>	51
Тютчевъ, какъ поэтический изобразитель настроенія, <i>Плѣтухова</i>	52
Художественные приемы въ изображеніи природы Тютчева, <i>Саводника</i>	54
Тютчевъ—пѣвецъ природы, <i>Плѣтухова</i>	61
Картины природы въ стихотвореніяхъ Тютчева, <i>Ив. Аксакова, Н. Н.</i>	63
Историко-національныя отраженія лирики Тютчева, <i>Курковскаго</i>	71
Творчество Тютчева, <i>Аксакова</i>	73
Особенности содержанія и формы поэзіи Тютчева, <i>И. Т.</i>	76
Личность Тютчева, <i>Аксакова, Плѣтнева</i>	77

Федоръ Ивановичъ Тютчевъ, его домашняя среда и дипломатическая дѣятельность.

Федоръ Ивановичъ родился въ 1803 году 23 ноября въ родовомъ Тютчевскомъ имѣніи, селѣ Овстугъ, Орловской губерніи, Брянскаго уѣзда. Тютчевы принадлежали къ старинному русскому дворянству. Отецъ Федора Ивановича, Иванъ Николаевичъ, отличался необыкновеннымъ благодушіемъ, мягкостью, рѣдкою чистотою нравовъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Окончивъ свое образованіе въ Петербургѣ, въ греческомъ корпусѣ, основанномъ Екатериною въ ознаменованіе рожденія великаго князя Константина Павловича, и подъ вліяніемъ мысли о «греческомъ прожектѣ», — Иванъ Николаевичъ дослужился въ гвардіи до поручика и на 22-мъ году жизни женился на Екатеринѣ Львовнѣ Толстой, которая была воспитана, какъ дочь, родною своею теткою, графинею Остерманъ. Затѣмъ Тютчевы поселились въ Орловской деревнѣ, на зиму переѣзжали въ Москву, гдѣ имѣли собственные дома и подмосковную, — однимъ словомъ, зажили тѣмъ извѣстнымъ образомъ жизни, которымъ жилось тогда такъ привольно и мирно почти всему русскому зажиточному, досужему дворянству, не принадлежавшему къ чиновной аристократіи и не озабоченному государственною службою. Не выдѣляясь ничѣмъ изъ общаго типа московскихъ барскихъ домовъ того времени, домъ Тютчевыхъ — открытый, гостепріимный, охотно посѣщаемый многочисленною роднею и московскимъ свѣтомъ — былъ совершенно чужды интересамъ литературнымъ, и въ особенности русской литературы. Радужный и щедрый хозяинъ былъ, конечно, человекъ разсудительный, съ спокойнымъ, здравымъ взглядомъ на вещи, но не обладалъ ни яркимъ умомъ ни талантами. Тѣмъ не менѣе въ натурѣ его не было никакой узкости, и онъ всегда былъ готовъ признать и уважить права чужой, болѣе даровитой природы. Федоръ Ивановичъ Тютчевъ и по внѣшнему виду (онъ былъ очень худъ и малаго роста) и по внутреннему духовному строю былъ совершенною противоположностью своему отцу; общаго у нихъ было развѣ одно благодушіе. За то онъ чрезвычайно походилъ на свою мать, Екатерину Львовну, женщину замѣчательнаго ума, сухощаваго, нервнаго сложенія, съ склонностью къ ипохондріи, съ фантазіей, развитою до болѣзненности. Отчасти по принятому тогда въ свѣтскомъ кругу обыкновенію, отчасти, можетъ-быть, благодаря воспитанію Екатерины Львовны, въ домѣ графини Остерманъ, въ этомъ, вполнѣ русскомъ семействѣ Тютчевыхъ преобладалъ и почти исключительно господствовалъ французскій языкъ, такъ что не только всѣ разговоры, но и вся переписка родителей съ дѣтьми и дѣтей

между собою, какъ въ ту пору, такъ и потомъ, въ теченіе всей жизни, велась не иначе, какъ по-французски. Это господство французской рѣчи не исключило однако у Екатерины Львовны приверженности къ русскимъ обычаямъ и удивительнымъ образомъ уживалось рядомъ съ церковно-славянскимъ чтеніемъ псалтирей, часослововъ, молитвенниковъ у себя, въ спальнѣ, и вообще со всѣми особенностями русскаго православнаго и дворянскаго быта. Явленіе, впрочемъ, очень нерѣдкое въ то время, въ концѣ XVIII и въ самомъ началѣ XIX вѣка, когда русскій литературный языкъ былъ еще дѣломъ довольно новымъ, еще только достояніемъ «любителей словесности», да и дѣйствительно не былъ еще достаточно приспособленъ и выработанъ для выраженія всѣхъ потребностей перенятаго у Европы общежитія и знанія. вмѣстѣ съ готовою западною цивилизаціей заимствовалось и готовое, чужое орудіе обмѣна мыслей. Многие русскіе государственные люди, превосходно излагавшіе свои мнѣнія по-французски, писали по-русски самымъ неуклюжимъ, варварскимъ образомъ, точно съѣзжали съ торной дороги на жесткія глыбы торной что поднятой нивы. Но часто, одновременно съ чистѣйшимъ французскимъ жаргономъ, словно перенесеннымъ бурей революціи изъ Сен-Жерменскаго предмѣстья въ петербургскіе и московскіе салоны, — изъ однихъ и тѣхъ же устъ можно было услышать живую, почти простонародную, идиоматическую рѣчь, болѣе народную во всякомъ случаѣ, чѣмъ наша настоящая книжная или разговорная. Разумѣется, такая устная рѣчь служила чаще для сношеній съ крѣпостною прислугою и съ низшими слоями общества, — но тѣмъ не менѣе эта грубая противоположность, эта рѣзкая бытовая черта, рядомъ съ вѣрностью бытовымъ православнымъ преданіемъ, объясняетъ многое и очень многое въ исторіи нашей литературы и нашего народнаго самосознанія.

Иванъ Николаевичъ Тютчевъ умеръ въ 1846 году, а Екатерина Львовна въ 1866, на 90-мъ году жизни, когда ея сыну-поэту было около 63 лѣтъ. Старшій сынъ ихъ Николай, родившійся тремя годами ранѣе Федора Ивановича, не имѣлъ съ нимъ ни малѣйшаго сходства, ни физическаго ни нравственнаго. Человѣкъ очень умный и начитанный, Николай Ивановичъ не былъ надѣленъ какими-либо особенными талантами, но отличался строгою аккуратностью, точностью, необыкновенною добротою и скромностью. Страстно любя меньшаго брата, онъ былъ его постояннымъ геніемъ-хранителемъ, — при всякой бѣдѣ, всюду поспѣшалъ къ нему на помощь: привязанность къ «брату Федору» наполняла всю его жизнь. Дослуживши до чина полковника въ генеральномъ штабѣ, онъ вышелъ въ отставку и проживалъ потомъ то въ деревнѣ, то за границею, то въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ 1870 году.

Въ этой-то семьѣ родился Федоръ Ивановичъ. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ онъ оказался въ ней какимъ-то особнякомъ, съ признаками высшихъ дарованій, а потому тотчасъ же сдѣлался любимцемъ

и баловнемъ бабушки Остерманъ, матери и всѣхъ окружающихъ. Это баловство, безъ сомнѣнiя, отразилось впоследствии на образованiи его характера: еще съ дѣтства сталъ онъ врагомъ всякаго принужденiя, всякаго напряженiя воли и тяжелой работы. Къ счастью, ребенокъ былъ чрезвычайно добросердеченъ, кроткаго, ласковаго нрава, чуждъ всякихъ грубыхъ наклонностей; всѣ свойства и проявленiя его дѣтской природы были скрашены какою-то особенно тонкою, изящной духовностью. Благодаря своимъ удивительнымъ способностямъ, учился онъ необыкновенно успѣшно. Но уже и тогда нельзя было не замѣтить, что ученiе не было для него трудомъ, а какъ бы удовлетворенiемъ естественной потребности знанiя. Въ этомъ отношенiи баловницею Тютчева являлась сама его талантливость.

Къ чести родителей Тютчева надобно сказать, что они ничего не щадили для образованiя своего сына, и по десятому году, немедленно послѣ изгнанiя французовъ, пригласили къ нему воспитателемъ Семена Егоровича Раича. Выборъ былъ самый удачный. Человѣкъ ученый и вмѣстѣ вполне литературный, отличный знатокъ классической древней и иностранной словесности, Раичъ сталъ извѣстенъ въ нашей литературѣ переводами въ стихахъ Виргилiевыхъ «Георгикъ», Тассова «Освобожденнаго Иерусалима» и Ариостовой поэмы «Неистовый Роландъ». Въ домѣ Тютчевыхъ онъ пробылъ семь лѣтъ; тамъ одновременно трудился онъ надъ переводами латинскихъ и италiанскихъ поэтовъ и надъ воспитанiемъ будущаго русскаго поэта. Кромѣ того, онъ самъ писалъ недурные стихи. Въ двадцатыхъ годахъ, — уже послѣ того, какъ Раичъ изъ дома Тютчевыхъ перешелъ къ Николаю Николаевичу Муравьеву, основателю знаменитаго Училища колонновожатыхъ, для воспитанiя меньшаго его сына, извѣстнаго впоследствии писателя Андрея Николаевича Муравьева, — онъ сдѣлался центромъ особеннаго литературнаго кружка, гдѣ собирались Одоевскiй, Погодинъ, Ознобишинъ, Путята и другiе замѣчательные молодые люди, при содѣйствii которыхъ Раичъ и издавалъ нѣсколько альманаховъ. Позже онъ же два раза принимался издавать журналъ «Галатею». Это былъ человѣкъ въ высшей степени оригинальный, безкорыстный, чистый, вѣчно пребывавшiй въ мирѣ идиллическихъ мечтанiй, самъ олицетворенная буколика, соединявшiй солидность ученаго съ какимъ-то дѣвственнымъ поэтическимъ пыломъ и младенческимъ незлобiемъ. Онъ происходилъ изъ духовнаго званiя; извѣстный кievскiй митрополитъ Филаретъ былъ ему родной братъ.

Нечего и говорить, что Раичъ имѣлъ большое влiянiе на умственное и нравственное сложенiе своего питомца и утвердилъ въ немъ литературное направленiе. Подъ его руководствомъ Тютчевъ превосходно овладѣлъ классиками и сохранилъ это знанiе на всю жизнь; даже въ предсмертной болѣзни, разбитому параличомъ, ему случалось приводить на память цѣлыя строки изъ римскихъ историковъ. Ученикъ скоро сталъ гордостью учителя, и уже 14 лѣтъ перевелъ очень порядочными стихами посланiе Горация въ Меценату.

Раичъ, какъ членъ основаннаго въ 1811 году въ Москвѣ «Общества Любителей Россійской словесности», незамедлилъ представить этотъ переводъ Обществу, гдѣ, на одномъ изъ обыкновенныхъ засѣданій, онъ былъ одобренъ и прочтенъ вслухъ славнѣйшимъ въ то время московскимъ критическимъ авторитетомъ — Мерзляковымъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ чрезвычайномъ засѣданіи марта 30-го 1818 года, Общество почтило 14-лѣтняго переводчика званіемъ «сотрудника», самый же переводъ напечатало въ XIV части своихъ «Трудовъ». Это было великимъ торжествомъ для семейства Тютчевыхъ и для самого юнаго поэта. Едва ли, впрочемъ, первый литературный успѣхъ не былъ и послѣднимъ, вызвавшимъ въ немъ чувство нѣкотораго авторскаго тщеславія.

Въ этомъ же 1818 году Тютчевъ поступилъ въ Московскій университетъ, т.-е. сталъ ѣздить на университетскія лекціи, и сперва— въ сопровожденіи Раича, который, впрочемъ, вскорѣ, именно въ началѣ 1819 года, разстался съ своимъ воспитанникомъ. Въ университетѣ Тютчевъ близко познакомился со студентомъ Погодинымъ, который былъ старше его тремя годами и старше по курсу.

Со вступленіемъ Тютчева въ университетъ, домъ его родителей увидѣлъ у себя новыхъ, небывалыхъ въ немъ доселѣ посѣтителей. Радужно принимались и угощались стариками и знаменитый Мерзляковъ, и преподаватель греческой словесности въ университетѣ, Оболенскій, и многіе другіе ученые и литераторы: собесѣдникомъ ихъ былъ 15-лѣтній студентъ, который смотрѣлъ уже совершенно «развитымъ» молодымъ человѣкомъ, и съ которымъ всѣ охотно вступали въ серьезные разговоры и пренія. Такъ продолжалось до 1821 года.

Въ этомъ году, когда Тютчеву не было еще и 18 лѣтъ, онъ сдалъ отлично свой послѣдній экзаменъ и получилъ кандидатскую степень. По всѣмъ соображеніямъ родныхъ и знакомыхъ, предъ нимъ открывалась блестящая карьера. Но честолюбивые виды отца и матери мало тревожили душу безпечнаго кандидата. Предоставивъ рѣшеніе своей будущей судьбы старшимъ, самъ онъ весь отдался своему настоящему. Жаркій поклонникъ женской красоты, онъ охотно посѣщалъ свѣтское общество и пользовался тамъ успѣхомъ. Но ничего похожаго на буйство и разгулъ не осталось въ памяти объ немъ у людей, знавшихъ его въ эту первую пору молодости. Да, буйство и разгулъ и несвойственны были его природѣ: для него имѣли цѣну только тѣ наслажденія, гдѣ было мѣсто искреннему чувству или страстному поэтическому увлеченію. Не осталось также за это время никакихъ слѣдовъ стихотворческой дѣятельности: домашніе знали, что онъ иногда забавлялся писаньемъ остроумныхъ стишковъ на разные мелкіе случаи, — и только.

Въ 1822 году Тютчевъ былъ отправленъ въ Петербургъ, на службу въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Но въ іюнь-мѣсяцъ того же года его родственникъ, знаменитый герой Кульмской битвы, потерявшій руку на полѣ сраженія, графъ А. И. Остерманъ-Толстой посадилъ его съ собой въ карету и увезъ

за границу, гдѣ и пристроилъ сверштатнымъ чиновникомъ къ русской миссіи въ Мюнхенѣ. «Судьбѣ угодно было вооружиться послѣднею рукою Толстого (вспоминаетъ Федоръ Ивановичъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ брату, лѣтъ 45 спустя), чтобъ переселить меня на чужбину».

Это былъ самый рѣшительный шагъ въ жизни Тютчева, опредѣлившій всю его дальнѣйшую участь.

На козлахъ той кареты, которая увезла графа Остермана-Толстаго и 18-лѣтняго Тютчева за границу, усѣлся и благополучно прибылъ въ Мюнхенъ вмѣстѣ съ ними старикъ-дядька Федора Ивановича, Николай Аванасьевичъ Хлоповъ. Онъ не захотѣлъ разстаться съ «дитятею», которое взлелѣялъ съ 4-лѣтняго возраста, — которое и само платило ему равную привязанностью. Съ умиленіемъ упоминаетъ о своемъ дядкѣ и о своей дѣтски-страстной къ нему любви покойный поэтъ — также въ одномъ изъ писемъ къ своему брату, въ 1869 году, почти полстолѣтія послѣ путешествія въ Мюнхенъ. Николай Аванасьевичъ былъ когда-то крѣпостнымъ Татищева, затѣмъ отпущенъ на волю и поступилъ въ услуженіе къ Ивану Николаевичу Тютчеву, у котораго и остался по самую свою смерть. Грамотный, благочестивый, онъ пользовался большимъ уваженіемъ своихъ господъ, и во время пребыванія въ Мюнхенѣ велъ постоянную переписку съ Екатериной Львовной. Онъ аккуратно доносилъ ей всѣ интересныя, съ его точки зрѣнія, подробности объ ея сынѣ — лѣтнимъ на письма и нисколько не заботившемся о матеріальной сторонѣ существованія. Къ сожалѣнію, не сбереглось ни одного изъ этихъ донесеній, а было бы любопытно видѣть, какъ отражалась жизнь поэта ея поэтической стороною въ своеобразномъ изложеніи стараго дядьки и сквозь призму его сужденій.

Въ Мюнхенѣ старикъ остался вѣрнѣе всѣмъ русскимъ обычаямъ, и въ нѣмецкой квартирѣ Тютчева устроилъ себѣ уютный русскій уголокъ съ иконами и лампадою, словно перенесенный изъ какого-нибудь московскаго прихода Николы на Курьихъ Ножахъ или въ Сапожкахъ. Онъ взялъ въ свое завѣдываніе хозяйство юнаго дипломата и собственноручно готовилъ ему столъ, угощая его, а порою и его пріятелей-иностранцевъ, произведеніями русской кухни. Николай Аванасьевичъ остался въ Мюнхенѣ до самой женитьбы Федора Ивановича въ 1826 году, а потомъ возвратился къ Ивану Николаевичу, въ домъ котораго, черезъ нѣсколько лѣтъ, и умеръ. Онъ завѣщалъ своему питомцу нарочно имъ сооруженную для него, Федора Ивановича, икону Феодоровской Божіей Матери, съ изображеніями четырехъ святыхъ по угламъ, празднуемыхъ въ самые, по мнѣнію Хлопова, знаменательные для Тютчева дни. Выборъ этихъ дней и надписи на задней доскѣ образа, начертанныя самимъ Николаемъ Аванасьевичемъ, его тяжелымъ, старообразнымъ почеркомъ, въ высшей степени оригинальны: въ нихъ столько простой, искренней любви и въ то же время столько наивнаго смѣшенія понятій,

что ихъ нельзя читать безъ особеннаго умиленія и улыбки. Сзади иконы и по срединѣ написано: Сему образу празднество февраля 5; въ сей день мы пріѣхали въ Петербургъ, гдѣ онъ вступилъ въ службу». На правомъ верхнемъ углу, позади апостола Варѣоломея, надпись, объясняющая день отъѣзда «въ Баварію» (1821 г., іюня 11) и пріѣзда въ Москву, чрезъ три года, въ отпускъ. На другомъ углу, соотвѣтствующемъ изображенію преподобнаго Макарія, слѣдующая надпись: «Генваря 19, 1825 г. Ѳедоръ Ивановичъ долженъ помнить, что случилось въ Мюнхенѣ отъ его нескромности и какая грозила опасность». Въ низу, позади св. Евѣимія Великаго: «20 Генваря, т.-е. на другой же день, все кончилось благополучно». Наконецъ, на четвертомъ углу: «св. Исакія. Въ сей день, въ бытность нашу въ Варшавѣ» (проѣздомъ въ отпускъ) «произведенъ Ѳедоръ Ивановичъ въ камеръ-юнкеры». Затѣмъ, опять по срединѣ, другая надпись: «Въ память моей искренней любви и усердія къ моему другу Ѳедору Ивановичу Тютчеву. Сей образъ по смерти моей принадлежитъ ему. Подписано 1826 года, марта 5-го, Николай Хлоповъ».

И образъ свято сохранялся у Тютчева въ кабинетѣ до самой его кончины.

Какъ ни мелочна, повидимому, эта біографическая подробность, но она не лишена значенія. Она характеризуетъ и самого Тютчева, котораго слуга, бывшій крѣпостной, его дядька и поваръ, называетъ своимъ *другомъ*, и ту эпоху, когда типы, подобные Хлопову, были нерѣдки. Благодаря имъ, этимъ высокимъ нравственнымъ личностямъ, возникавшимъ среди и вопреки безнравственности историческаго соціального строя, — даже въ чудовищную область крѣпостныхъ отношеній проступали, порою, кроткіе лучи все облагораживающей, все возвышающей любви. Условія зависимости и неравенства согрѣвались человѣчностью, даже окрашивались какимъ-то мягкимъ, поэтическимъ колоритомъ. Николай Аѳанасьевичъ вполне напоминаетъ знаменитую няню Пушкина, воспѣтую и самимъ поэтомъ, и Дельвигомъ, и Языковымъ. Этимъ нянямъ и дядькамъ должно быть отведено почетное мѣсто въ исторіи русской словесности. Въ ихъ нравственномъ воздѣйствіи на своихъ питомцевъ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, искать объясненіе: какимъ образомъ, въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, въ наше оторванное отъ народа общество, — въ эту среду, хвастливо отрекавшуюся отъ русскихъ историческихъ и духовныхъ преданій, пробирались иногда, неслышно и незамѣтно, струи чистѣйшаго народнаго духа? Откуда и чѣмъ питалось въ нашихъ, повидимому, вполне офранцузенныхъ поэтахъ и дѣятеляхъ, проявлявшееся въ нихъ порою истинно-русское чувство и русская мысль? Да и вообще, кажется намъ, исторія умственнаго общественнаго развитія въ Россіи едва ли можетъ быть вполне понята безъ частной исторіи семей, безъ оцѣнки той степени участія, повидимому, неразумнаго, самовольнаго, непрошеннаго, но тѣмъ не менѣе часто спасительнаго,

которое въ нашей личной и общественной судьбѣ приходится на долю земь и быту, — непосредственному дѣйствию преданія и обычая... Конечно, не Хлопову собственно быть обязанъ Тютчевъ сохраненіемъ своей духовной самостоятельности на чужбинѣ; но не могла же, однако, воспримчивая душа поэта не испытать особеннаго благотворнаго ощущенія, когда тамъ, въ Баваріи, вдалекѣ отъ Россіи, по возвращеніи иной разъ поздней ночью на свою нѣмецкую квартиру съ какого-нибудь придворнаго нѣмецкаго бала или раута, — его встрѣчала ласковая русская журьба и осѣняла тихимъ своимъ свѣтомъ лампада, неугасимо теплившаяся предъ иконами стараго дядьки.

Такъ какъ мы уже заговорили о бытовыхъ непосредственныхъ «вліяніяхъ» въ жизни Тютчева, то приведемъ и еще образчикъ. Вотъ два отрывка изъ писемъ Федора Ивановича къ своей второй женѣ. Они рисуютъ намъ наглядную картину домашняго быта того времени, а также и взаимныхъ отношеній Тютчева и Екатерины Львовны, т.-е. сына и матери, раздѣленныхъ, повидимому, неизмѣримою умственною пропастью: онъ — высокообразованный дипломатъ, воспитавшійся за границею мыслитель, чуждый православныхъ обыкновеній, котораго весь домашній строй жизни былъ по необходимости иностранный; она, при всемъ своемъ французскомъ языкѣ, простая, русская православная женщина... Не думая, не гадая ни о какомъ вразумленіи и вліяніи, слѣдуя только обычаю и влеченію сердца, она относится къ европейскому умнику, какъ бывало къ ребенку Феденькѣ, — и зрѣлый, почти уже старый сынъ ея съ умиленіемъ поддается ея материнскимъ требованіямъ, понимая и цѣня ихъ благое значеніе.

Въ 1843 году Тютчевъ пріѣзжалъ изъ Мюнхена въ Москву для свиданія съ родными, которыхъ не видѣлъ слишкомъ пять лѣтъ; на возвратномъ пути за границу онъ остановился въ Петербургѣ, и въ письмѣ къ своей женѣ, еще не бывавшей въ Россіи, такъ рассказываетъ свое прощеніе съ семьей и Москвою:

«...Toute ma famille m'a accompagné jusqu'au bureau des diligences, et l'apparition de ma mère dans un pareil endroit était un fait sans précédent et sans analogue dans sa vie. Je n'ai pas besoin de te dire, que dans la matinée du jour de mon départ, qui était un dimanche, il y a eu après la messe le Te Deum obligé, suivi d'une visite dans une des chapelles les plus révérees de Moscou, où se trouve une image miraculeuse de la S-te Virge d'Ibérie. En un mot tout s'est passé dans les formes de la plus stricte orthodoxie... Eh bien, pour qui ne s'y associe qu'en passant, pour qui peut en prendre à son aise, il y a dans ces formes si profondement historiques, il y a dans ce monde russo-byzantin, où la vie et le culte ne font qu'un, et si vieux, que Rome elle-même, comparée a lui, sent quelque peu l'innovation, — il y a dans tout cela, pour qui a l'instinct de ces choses, une grandeur de poésie incomparable, une grandeur telle, qu'elle subjugué l'inimitié

la plus acharnée... Car au sentiment de ce passé déjà si vieux, vient fatalement s'associer le pressentiment d'un avenir incommensurable»...¹⁾

Другое письмо къ ней же отъ 11 сентября 1858 года, когда Тютчеву было почти 55 лѣтъ: «...J'ai encore une fois pris congé de ma mère; j'ai encore une fois fait les trois saluts en terre à côté d'elle devant sa Vierge de Cazan, encore une fois, en m'en allant de sa chambre, appuyé mon dernier regard sur elle, en l'accompagnant du même pressentiment parfaitement naturel», etc.²⁾

Въ 1822 году, когда Тютчевъ переселился на житье въ Мюнхенъ, политическое значеніе этого города было иное, нежели теперь. Священный Союзъ былъ въ полномъ ходу, и частные конгрессы придавали ему еще болѣе дѣйствительной силы. Только семь лѣтъ прошло по умиротворенію Европы. Россія была въ апогѣе величія и славы, и второстепенные германскіе дворы видѣли въ ней оплотъ своей автономіи противъ посягательства Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Во главѣ этихъ второстепенныхъ державъ, составлявшихъ въ федеративномъ германскомъ устройствѣ коллективный противовѣсъ Австріи и Пруссіи, стояла Баварія, какъ самая крупная, и поэтому играла нѣкоторую политическую роль. Дипломатическая миссія въ Мюнхенѣ не считалась еще тогда, со стороны кабинетовъ, исполненіемъ только приличій междудержавнаго этикета. Дипломатическій корпусъ въ Мюнхенѣ въ тѣ годы былъ многочисленный, и Баварскій царствующій домъ старался придать юному королевству, пожалованному въ это званіе лишь недавно, благодаря Наполеону и ловкости курфюрста Макса-Иосифа, всевозможный блескъ и значеніе. Съ восшествіемъ на престолъ въ 1825 году Людвига I началось то, преисполненное ученыхъ претензій, пересозданіе Мюнхена въ нѣмецкія Афины, которое, не претворивъ нѣмцевъ въ эллиновъ, стало однако вскорѣ привлекать множество путешествен-

¹⁾ «... Все семейство проводило меня до конторы дилижансовъ, и появленіе моей матери въ такомъ мѣстѣ было дѣломъ небывальымъ, не имѣвшимъ себѣ ничего подобнаго въ ея жизни. Нужно ли тебѣ рассказывать, что въ день моего отъѣзда, который пришелся въ воскресенье, была обѣдня, а послѣ обѣдни неизбѣжный молебенъ, затѣмъ посѣщеніе одной изъ самыхъ чтимыхъ въ Москвѣ часовенъ, гдѣ находится чудотворная икона Иверской Божіей Матери. Однимъ словомъ, все произошло согласно съ порядками самаго взыскательнаго православія... Ну что же? Для чело-вѣка, который приобщается къ нимъ только мимоходомъ и въ мѣру своего удобства, есть въ этихъ формахъ, такъ глубоко историческихъ, въ этомъ мірѣ византійско-русскомъ, гдѣ жизнь и вѣроислуженіе составляютъ одно, — въ этомъ мірѣ столь древнемъ, что даже Римъ, въ сравненіи съ нимъ, пахнетъ новизною, есть во всемъ этомъ для чело-вѣка, снабженнаго чутьемъ для подобныхъ явленій, величіе поэзіи необычайное, такое величіе, что оно преодо-лѣваетъ самую яркую враждебность... Ибо къ ощущенію прошлаго, — и такого уже стараго прошлаго, — присоединяется невольно, какъ бы предопредѣленіемъ судьбы, предчувствіе неизмѣримаго будущаго...

²⁾ «... Я еще разъ простился съ моей матерью, еще разъ положилъ, рядомъ съ нею, три земныхъ поклона предъ ея Казанской Божіей Матерью; еще разъ, уходя изъ ея комнаты, оглянулъ ее послѣднимъ взглядомъ, съ тѣмъ же, какъ и прежде, предчувствіемъ, — совершенно естественнымъ» и пр.

никовъ — собраніями образцовъ искусства, музеями, пинакотеками, глиптотеками и разнообразными зданіями-моделями. Щедрость короля сгруппировала въ Мюнхенѣ не мало знаменитыхъ художниковъ и ученыхъ; въ числѣ послѣднихъ были Окенъ и Шеллингъ, которыми и украсился вновь открытый Мюнхенскій университетъ.

Въ 1825 году Тютчевъ пріѣзжалъ на короткое время въ отпускъ въ Москву, къ своимъ родителямъ; въ 1826 году, 23 лѣтъ отъ роду, онъ женился въ Мюнхенѣ на милой, граціозной, умной, нѣсколько старшей его, вдовѣ нашего бывшаго министра при одномъ изъ второстепенныхъ германскихъ дворовъ, Петерсона. Урожденная графиня Ботмеръ, она происходила по матери изъ рода Гонштейнъ. Такимъ образомъ Тютчевъ породнился разомъ съ двумя старыми аристократическими фамиліями Баваріи и попалъ въ цѣлый сонмъ нѣмцевъ-родственникововъ. Впрочемъ, послѣдніе мало были способны уразумѣть Тютчева и вообще симпатизировать съ его оригинальною и уже вовсе не нѣмецкою природою. Зато скромная гостиная Тютчевыхъ въ Мюнхенѣ, при общительномъ характерѣ прелестной хозяйки, стала вскорѣ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ даровитыхъ и вообще замѣчательныхъ людей въ городѣ; особенно часто посѣщала ее поэтъ Гейне. Съ особеннымъ сочувствіемъ упоминаютъ также о Тютчевыхъ, мужѣ и женѣ, Кирѣевскіе (Петръ и Иванъ Васильевичи) въ письмахъ своихъ въ Москву, къ матери, отъ 1830 года, изъ Мюнхена, гдѣ оба брата слушали лекціи Шеллинга. Отъ этого брака Федоръ Ивановичъ имѣлъ трехъ дочерей. Сохранившаяся отъ того времени домашняя переписка свидѣтельствуетъ, что Тютчевы, оба плохіе хозяева, при немалой уже семьѣ и при своемъ общественномъ положеніи, часто были озабочиваемы и затрудняемы недостаткомъ денежныхъ средствъ.

Въ 1830 году Тютчевъ возилъ свою жену въ Петербургъ, знакомить съ ея русскими родными. Въ 1833 году онъ былъ, по собственной охотѣ отправленъ «курьеромъ» съ дипломатическимъ порученіемъ на Ионическіе острова. Въ концѣ 1837 года, уже камергеръ и статскій совѣтникъ, онъ былъ повышенъ по службѣ, именно назначенъ старшимъ секретаремъ посольства въ Туринъ, — что было, впрочемъ, не совсѣмъ согласно съ его желаніемъ: онъ надѣялся получить мѣсто въ Вѣнѣ. Прежде чѣмъ отправиться на свой новый постъ, онъ снова привезъ жену и дѣтей въ Петербургъ, гдѣ и оставилъ ее, при своихъ родныхъ, на всю зиму, а самъ вскорѣ уѣхалъ опять въ Мюнхенъ и оттуда въ Туринъ. Пробывъ зиму въ Петербургѣ, жена съ дѣтьми возвратилась весною къ мужу, но осенью того же года скончалась въ Туринѣ.

Въ 1839 году Тютчевъ женился снова, на вдовѣ баронессѣ Дёрнгеймъ, женщинѣ замѣчательной красоты и ума, урожденной баронессѣ Пфеффель, — впрочемъ изъ семейства болѣе французскаго, чѣмъ нѣмецкаго, происхожденіемъ изъ Альзаса. Тютчевъ не долго оставался въ столицѣ Піемонта, гдѣ къ тому же очень скучалъ и

гдѣ тогда не было почти никакой политической и общественной жизни. Исправляя, за отсутствіемъ посланника, должность повѣреннаго въ дѣлахъ и видя, что дѣлъ собственно не было никакихъ, нашъ поэтъ, въ одинъ прекрасный день, имѣя неотложную надобность съѣздить на короткій срокъ въ Швейцарію, заперъ дверь посольства и отлучился изъ Турина, не испросивъ себѣ формальнаго разрѣшенія. Но эта самовольная отлучка не прошла ему даромъ. О ней узнали въ Петербургѣ, и ему повелѣно было оставить службу, при чѣмъ сняли съ него и званіе камергера... Тютчевъ, однако, не поѣхалъ въ Россію, а переселился опять въ знакомый, почти родной ему Мюнхенъ, въ ожиданіи пока въ Петербургѣ разъяснится недоразумѣніе и примирятся съ оригинальною выходкою дипломата-поэта.

Съ 1840 года Тютчевъ зажилъ въ Мюнхенѣ прежнею жизнью, усердно посѣщая общество и самъ не менѣ ревностно посѣщаемый. Многіе изъ иностранныхъ дипломатовъ, бывшихъ въ ту пору въ Мюнхенѣ, до сихъ поръ хранятъ въ памяти часы, проведенные въ его домѣ.

Въ 1843 году Тютчевъ пріѣзжалъ изъ Мюнхена въ Москву и въ Петербургъ, чтобъ предварительно подготовить свое перемѣщеніе въ Россію и устроить дѣло по службѣ. Въ этотъ пріѣздъ онъ особенно сошелся съ княземъ П. А. Вяземскимъ и вообще принятъ былъ въ петербургскомъ высшемъ свѣтѣ, какъ лицо, уже замѣченное въ Европѣ, уже извѣстное острою мысли и слова. Объ этомъ пріемѣ, вѣроятно, не похожемъ на прежніе, и о дружескомъ вниманіи князя Вяземскаго онъ самъ съ благодарностью отзывался въ письмахъ къ женѣ; пишетъ о томъ же и отцу съ матерью, которые, кажется, были очень озабочены общественнымъ положеніемъ своего сына и нетерпѣливо желали, чтобъ скорѣе снята была опала, тяготѣвшая надъ нимъ за самовольную отлучку изъ Турина.

Лѣтомъ 1844 г. Тютчевъ, съ женой и съ дѣтьми, окончательно водворяется въ Россіи, и именно въ Петербургѣ, изрѣдка совершая поѣздки за границу и ежегодно въ Москву... *Аксаковъ.*

Духовная атмосфера въ Россіи времени возвращенія на родину Тютчева.

Ө. И. Тютчевъ, оставивши Россію въ юношескомъ возрастѣ, съ умомъ, открытымъ для новыхъ впечатлѣній жизни, но съ извѣстнымъ нравственнымъ фондомъ, вынесеннымъ изъ нѣдръ патріархальной семейной среды, вернулся въ отечество уже въ болѣе чѣмъ зрѣлые годы жизни, съ совершенно сложившейся духовной организаціей. Эта организація вмѣстала въ себя, съ одной стороны, плоды самаго тѣснаго и живого соприкосновенія съ иноземной культурой въ высшихъ, индивидуальныхъ и общественныхъ формахъ ея проявленія,

а съ другой — глубокую симпатію къ Россіи, ея простому народу, ея исторической судьбѣ, кореннымъ ея моральнымъ и политическимъ идеаламъ. Тютчевъ въ эту пору совмѣщалъ въ себѣ образчикъ высоко образованнаго европейца и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденнаго носителя своеобразныхъ, совершенно русскихъ вѣрованій и идеаловъ. Къ тому же онъ былъ въ это время не безызвѣстнымъ въ Россіи поэтомъ, а передъ самымъ переселеніемъ въ Россію, изданной въ 1844 г. брошюрой «Lettre à M. le d-r Gustave Kolb, rédacteur de Gazette Universelle» выступилъ и въ качествѣ политическаго писателя, съ широкими горизонтами и оригинальнымъ взглядомъ на міровое политическое положеніе Россіи. При всемъ своемъ европеизмѣ, Тютчевъ, послѣ столькихъ лѣтъ жизни за границей, несомнѣнно тяготился дальнѣйшимъ пребываніемъ внѣ родины, безъ опредѣленныхъ служебныхъ и общественныхъ обязанностей, безъ связи и участія въ той внутренней культурной работѣ, которая въ ту пору совершалась тогда въ Россіи, несмотря на продолжавшійся внѣшній гнетъ правительственной власти. Къ самому дѣлу, между Россіей, которую покинулъ Тютчевъ, въ 1822 году и Россіей 1844 года была огромная разница. Продолжавшіеся отголоски Отечественной войны, событія 14 декабря 1825 г., успѣхи науки (Карамзинъ) и особенно литературы (Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій), усиленная переработка общественныхъ и политическихъ идеаловъ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ (западники — какъ Чаадаевъ, славянофилы — какъ Хомяковъ, Кирѣевскіе, К. Аксаковъ) — все это усложняло и расширяло культурныя условія жизни въ Россіи, окрыляло молодое поколѣніе къ дѣятельности, питало надежду на пробужденіе Россіи отъ духовнаго сна и удивительнымъ образомъ содѣйствовало оживленію русскаго общества; жизнь въ интеллигентныхъ кругахъ въ Россіи была въ эту пору напряженной и интересной.

Однако, явившись въ Россію, Тютчевъ не сталъ въ ряды передовыхъ дѣятелей ея поступательнаго движенія, не принялъ энергическаго участія въ той созидательной общественной работѣ, которая подготовила эпоху начальныхъ лѣтъ царствованія Александра II; онъ ограничился службой и литературой. *Плѣтуховъ.*

Занятія Тютчева на родинѣ.

Дѣло по службѣ скоро уладилось: Тютчеву были возвращены всѣ служебныя права и почетныя званія, и повелѣно было состоять по особымъ порученіямъ при государственномъ канцлерѣ. Вообще, появленіе его въ петербургскомъ свѣтѣ сопровождалось блестящимъ успѣхомъ. Онъ сразу занялъ въ обществѣ то особенное, видное положеніе, которое удерживалъ потомъ до самой своей кончины и на которое давали ему такое право его образованность, его умъ и таланты. Предъ нимъ открылись настежь всѣ двери — и дворцовъ, и

аристократическихъ салоновъ, и скромныхъ литературныхъ гостиныхъ: всѣ наперерывъ желали залучить къ себѣ этого русскаго выходца изъ Европы, этого пріятнаго собесѣдника, привлекавшаго къ себѣ общее вниманіе оригинальною граціею всего своего внѣшняго и духовнаго существа, самостоятельностью своей мысли, сверкающею остротою своихъ импровизованныхъ рѣчей. Онъ самъ, въ письмахъ къ отцу и матери, свидѣтельствуешь о радушномъ пріемѣ, ему оказанномъ, объясняя, впрочемъ, это радушіе, съ привычною ему скромностью, свойствами русскаго національнаго характера.

Въ 1857 году Тютчевъ занялъ мѣсто предсѣдателя санктпетербургскаго Комитета иностранной цензуры, оставаясь въ то же время въ вѣдомствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Его просвѣщенное, разумно-либеральное предсѣдательство въ этомъ Комитетѣ, нерѣдко расходившееся съ нашимъ административнымъ міровоззрѣніемъ, а потомъ подъ конецъ и ограниченное въ своихъ правахъ, памятно всѣмъ, кому было дорого живое общеніе съ европейскою литературою. Въ этой должности онъ и состоялъ до самой своей кончины, послѣдовавшей 15 іюля 1873 года, въ Царскомъ Селѣ.

Ив. Аксаковъ.

Тютчевъ — поэтъ — художникъ, мыслитель и поэтическій борецъ.

15 іюля 1898 года исполнилось двадцатипятилѣтіе со дня кончины Ѳ. И. Тютчева, и наступленіе этого перваго юбилейнаго срока, какъ водится, подало поводъ къ появленію на страницахъ повременныхъ изданій болѣе или менѣе бѣглыхъ замѣтокъ, посвященныхъ памяти поэта. Старинное изрѣченіе «habent sua fata libelli» справедливо по отношенію не только къ отдѣльнымъ литературнымъ произведеніямъ: оно приложимо нерѣдко и къ дѣятельности писателя, взятой въ цѣломъ. На долю Тютчева выпала жизнь болѣе долгая, чѣмъ какая является среднимъ удѣломъ большинства русскихъ литераторовъ; если онъ въ теченіе семидесятилѣтняго жизненнаго пути написалъ очень немного по количеству и еще менѣе по объему, то это еще, конечно, не должно удивлять насъ: русскіе поэты вообще рѣдко отличаются значительною продуктивностью, да и самый характеръ исключительно лирическаго таланта Тютчева ограничилъ сферу его дѣятельности одними мелкими стихотвореніями. Но именно своеобразный рокъ тяготѣлъ и, пожалуй, продолжаетъ тяготѣть и теперь надъ этою поэтическою дѣятельностью, продолжавшеюся съ перерывами въ теченіе почти полустолѣтія, начиная съ двадцатыхъ годовъ доживающаго свои послѣдніе дни вѣка. Появляясь разбросанно въ разныхъ альманахахъ и журналахъ, первые опыты Тютчева проходили почти незамѣченными; затѣмъ, послѣ шестилѣтней паузы, съ 1836 года

онъ начинаетъ вновь печатать свои стихотворенія на страницахъ основаннаго Пушкинымъ «Современника», но и эта серія произведеній Тютчева, скрывавшаго свое имя подъ инициалами *Θ. Т.* (или, самое большое, *Θ. Т.—вх.*), обратила на себя, повидимому, не болѣе вниманія со стороны публики, по крайней мѣрѣ, не удостоилась ни одного критическаго отзыва, и уже послѣ 1840 года печатаніе этихъ стихотвореній, «присланныхъ изъ Германіи», — какъ гласилъ ихъ общій заголовокъ, — прекращается вторично и надолго. И однако эти самыя стихотворенія, спустя еще десятилѣтіе, были оцѣнены Некрасовымъ въ его статьѣ *Русскіе второстепенные поэты* («Современникъ», 1850, № 1, отд. VI, стран. 56), при чѣмъ критикъ призналъ въ произведеніяхъ анонима автора столько «оригинальности мысли и прелести изложенія», что, казалось, написать ихъ могъ только самъ основатель журнала, въ которомъ они помѣщались. Такимъ образомъ поэтъ, писавшій и печатавшій уже почти четверть вѣка, дождался, наконецъ, лестной оцѣнки; за нимъ былъ признанъ «истинный и прекрасный талантъ, нерѣдко самобытный, всегда граціозный, исполненный мысли и неподдѣльнаго чувства», талантъ, который могъ бы доставить своему обладателю, — если бы онъ писалъ болѣе, — «одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ русской поэзіи» (*ibid.*). И все-таки, несмотря на этотъ компетентный отзывъ, понадобились еще четыре года для того, чтобы критика слылась въ общемъ хорѣ похвалъ *тѣмъ самымъ* стихотвореніямъ, на которыя раньше не обращала вниманія. Только теперь, въ 1854 году, публика получила возможность познакомиться съ Тютчевымъ въ цѣломъ видѣ, — когда его стихотворенія (всего 96 пьесъ) были отпечатаны въ видѣ прибавленія къ третьей книжкѣ «Современника», и затѣмъ въ томъ же году появились отдѣльною книжкою, въ которую вошли всѣ пьесы Тютчева, собранныя редакціею того же журнала изъ изданій болѣе раннихъ годовъ. Какъ за четыре года передъ тѣмъ Некрасовъ оцѣнилъ талантъ уже не новаго, но мало извѣстнаго поэта, такъ теперь Тургеневъ посвятилъ ему цѣлую статью (*Нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ Θ. И. Тютчева*, четвертая книжка «Современника» за 1854 годъ), въ которой назвалъ его «однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, завѣщанныхъ намъ привѣтомъ и одобреніемъ Пушкина», даже болѣе, — заявилъ, что Тютчевъ, «принадлежащій къ поколѣнію предыдущему, стоитъ рѣшительно выше всѣхъ своихъ (новѣйшихъ) собратьевъ по Аполлону», что на немъ одномъ «лежитъ печать той великой эпохи, къ которой онъ относится, и которая такъ ярко и сильно выразилась въ Пушкинѣ: въ немъ одномъ замѣчается та соразмѣрность таланта съ самимъ собою, та соотвѣтственность его съ жизнью автора, — словомъ, хоть часть того, что въ полномъ развитіи своемъ составляетъ отличительные признаки всякихъ дарованій». Признавая, что кругъ Тютчева не обширенъ, что въ его талантѣ нѣтъ другихъ элементовъ, кромѣ чисто лирическихъ, Тургеневъ указываетъ, что зато въ своемъ кругу Тютчевъ находится дома, что его стихи (самые короткіе — почти всегда самые удачны) не сочинены,

не придуманы, а всё кажутся написанными на известный случай, какъ того хотѣлъ Гете, и въ этомъ «драгоцѣнномъ качествѣ» критикъ еще разъ видитъ вліяніе Пушкина, отблескъ его времени.

Такимъ образомъ было увѣнчано лаврами почти тридцатилѣтнее поэтическое служеніе Тютчева и съ этого времени уже не прерывалось, хотя и не сдѣлалось болѣе интенсивнымъ, чѣмъ прежде. Имя поэта приобрѣло извѣстность, но прежній фатумъ сказался вновь: имя поэта извѣстно русскому обществу болѣе, чѣмъ его поэзія. Позднѣйшія произведенія Тютчева, если и не раздѣлили участи прежнихъ его опытовъ, то, во всякомъ случаѣ, не привлекли къ себѣ того вниманія, какого можно было бы ожидать послѣ приведенныхъ выше лестныхъ отзывовъ. Интересъ, возбужденный въ 1854 году, затѣмъ вновь остылъ и отвлекся въ сторону другихъ литературныхъ явленій, чему содѣйствовалъ и самый характеръ наступившей новой эпохи въ жизни русскаго общества со второй половины пятидесятихъ годовъ. Самая кончина престарѣлаго поэта не прошла, конечно, неотмѣченной въ текущей журналистикѣ (напоминаемъ прежде всего подробную біографію и оцѣнку Тютчева, написанную И. С. Аксаковымъ, помѣщенную въ «Русскомъ Архивѣ» 1874 года), но и не произвела сильнаго впечатлѣнія, и по прошествіи цѣлаго двадцатилѣтія В. С. Соловьевъ нашель своевременнымъ вновь познакомить русскую читающую публику съ Тютчевымъ (статья въ «Вѣстникѣ Европы» 1895 года), при чѣмъ вполне справедливо замѣтилъ, что у громаднаго большинства этой публики съ именемъ Тютчева не связывается почти никакого опредѣленнаго представленія, и что наиболѣе памятливые читатели обыкновенно оказываются въ состояніи припомнить какія-нибудь два-три его стихотворенія, помѣщаемыя по традиціи въ любой хрестоматіи, — чаще всего, пожалуй, «Весеннія воды» («Еще въ поляхъ бѣлѣтъ снѣгъ») и «Весеннюю грозу» («Люблю грозу въ началѣ мая»). И наступившее двадцатипятилѣтіе со дня смерти поэта прошло бы совершенно незамѣченнымъ, если бы о немъ не напомнили газеты, по обязанности отмѣчающія всякіе юбилейные сроки и въ силу этого помѣстившія на своихъ столбцахъ болѣе или менѣе бѣглыя замѣтки, посвященныя памяти Тютчева. Попытаемся же остановить хоть на короткое время вниманіе мыслящихъ людей на литературномъ фактѣ, несомнѣнно заслуживающемъ вниманія, и сдѣлаемъ, что въ нашихъ силахъ, для освѣщенія, хотя бы частичнаго, личности поэта, уже далеко отстоящаго отъ современныхъ поколѣній.

Если задаться вопросомъ о причинахъ малой популярности Тютчевской поэзіи, то отвѣтъ на этотъ вопросъ распадается на нѣсколько частей. Прежде всего объясненія указаннаго факта приходится искать въ самомъ характерѣ этой поэзіи: коротенькія лирическія стихотворенія въ массѣ случаевъ быстро улетучиваются изъ памяти читателя, знакомящагося съ ними порознь, и лишь сравнительно рѣдко оставляютъ по себѣ прочное впечатлѣніе; для прочтенія же подъ рядъ многихъ, собранныхъ въ одну книгу исключительно ли-

рическихъ изліяній обыкновенно нехватаетъ терпѣнія у средняго читателя, мало расположеннаго вникать и изучать творчество поэта, взятое въ цѣломъ. Если такое чтеніе однообразныхъ по формѣ произведеній вызоветъ въ душѣ человѣка впечатлѣніе монотонности также и по содержанію, такой выводъ, — нерѣдко поспѣшный и несправедливый, являющійся результатомъ лишь поверхностнаго просмотра, — будетъ столь же мало благопріятенъ для писателя, какъ и противоположный случай: разнообразіе, пестрота содержанія затрудняетъ на первый разъ ознакомленіе съ личностью поэта, мѣшаетъ цѣльности впечатлѣнія, дробитъ вниманіе и способствуетъ быстрѣйшему смѣшенію и забвенію прочитаннаго. Отъ такого исхода весьма часто не спасаетъ и восхищеніе, ощущаемое при первомъ мимолетномъ чтеніи поэтическаго произведенія, и едва ли кто станетъ оспаривать, что даже слава Пушкина или Лермонтова была бы сравнительно мало обезпечена, если бы ей было суждено основываться на одной лирикѣ, если бы не было налицо болѣе крупныхъ произведеній эпическихъ или драматическихъ, воздѣйствующихъ съ большею силою, врѣзывающихся гораздо прочнѣе въ память читателя. Самое распредѣленіе лирическаго матеріала въ печатномъ изданіи представляетъ извѣстныя затрудненія: строго хронологическій распорядокъ, дающій болѣе возможности прослѣдить постепенное развитіе таланта и настроенія поэта, нерѣдко въ то же время подавляетъ разнообразіемъ мотивовъ, тогда какъ расположеніе по отдѣламъ можетъ повлечь за собою другую указанную выше опасность, т.-е. утомить однообразіемъ тона и содержанія, — не говоря уже о томъ, съ какимъ трудомъ лирика поддается такой систематизаціи, сколько послѣдняя можетъ заключать въ себѣ произвольнаго и натянутаго.

Далѣе, популярность лирической поэзіи обратно пропорціональна той степени вниманія, углубленія, какая требуется отъ читателя для вполне сознательнаго отношенія къ поэтическому произведенію и, слѣдовательно, для оцѣнки его по достоинству. Лирическое стихотвореніе усваивается тѣмъ легче, чѣмъ общедоступнѣе выражаемое имъ субъективное настроеніе, и чѣмъ ярче прелесть его художественной отдѣлки. Смотря съ этой точки зрѣнія на поэзію Тютчева, мы отчасти поймемъ причину ея малой распространенности въ обществѣ: передъ нами, несомнѣнно, поэтъ-художникъ, но въ то же время и еще болѣе поэтъ-мыслитель, съ пантеистическимъ отбѣнкомъ въ міросозерцаніи, выразитель тонкихъ, трудно уловимыхъ ощущеній, воспринимаемыхъ человѣческою душою отъ живой природы, поэтъ-психологъ, могущій быть оцѣненнымъ лишь подъ условіемъ очень вдумчиваго чтенія и даже неоднократнаго перечитыванія. Художественность формы отступаетъ на второй планъ передъ глубиною содержанія; слово порою оказывается даже бессильнымъ для выраженія того, что смутно волнуется и наполняетъ душу, что поддается уловленію даже самого ощущающаго субъекта лишь при наличности особой чуткости къ психическимъ движеніямъ и почти не поддается словесной формулировкѣ,

понятной для внѣшняго міра. Кристалльная ясность содержанія и пластичность образовъ не могутъ быть постояннымъ удѣломъ такой поэзіи, зрѣющей *въ душевной глубинѣ*, для которой наиболѣе краснорѣчивымъ выраженіемъ является *молчаніе*:

«Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои!
Пуškai въ душевной глубинѣ
И всходятъ и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи!
Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ чѣмъ ты живешь?»

Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!
Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй:
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушить наружный шумъ,
Дневные ослѣплять лучи:
Внимай ихъ пѣнью и молчи!» (*Silentium*).

Такова характерная поэтическая исповѣдь Тютчева. Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ внѣшняя форма стихотворенія часто не въ состояніи выразить его содержанія, является иногда блѣдною, туманною, порою даже отчасти небрежною или прибѣгаетъ къ нѣсколько рискованнымъ поэтическимъ оборотамъ. Такая поэзія много говоритъ уму и сердцу вдумчиваго и чуткаго цѣнителя, но она наполовину нѣма для средняго, разсѣяннаго, не любящаго сосредоточиваться читателя.

Однако, эта поэзія тонкихъ, часто неуловимыхъ душевныхъ ощущеній далеко не чужда общественныхъ, говоря еще точнѣе, — національно-политическихъ мотивовъ, болѣе доступныхъ пониманію большой публики и способныхъ волновать и даже раздражать въ зависимости отъ тяготѣнія человѣка къ тому или иному общественному настроенію. Въ изданіи стихотвореній Тютчева (1886 г.) отдѣлъ, озаглавленный «Исторія-Политика», занимаетъ приблизительно третью часть всей книжки и, какъ мы еще увидимъ, можетъ-быть, пожалуй, *нѣсколько пополненъ изъ другихъ отдѣловъ того же изданія*.

Стихотворенія этого отдѣла, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ (по отношенію къ историческимъ эпохамъ, не пережитымъ самимъ поэтомъ, — въ порядкѣ самихъ эпохъ, но не времени написанія того или другого произведенія), охватываютъ событія цѣлаго ряда десятилѣтій, начиная отъ середины 20-хъ годовъ (восходя даже къ болѣе раннему времени, къ вѣку Наполеона) и продолжаясь непрерывною цѣпью до конца 60-хъ годовъ. Получается такимъ образомъ довольно послѣдовательная поэтическая лѣтопись, очень интересная и поучительная въ смыслѣ ознакомленія съ постепеннымъ развитіемъ одной важной стороны міросозерцанія поэта, его общественно-политическихъ идеаловъ и симпатій. Нужно, однако, сознаться, что затрогиваемые Тютчевымъ въ его политическихъ стихотвореніяхъ мотивы не отличаются особымъ разнообразіемъ и, нося достаточно яркую окраску въ духѣ опредѣленной политической доктрины, этою именно односторонностью осуждаютъ себя на болѣе или менѣе равнодушное отношеніе къ нимъ со стороны приверженцевъ иныхъ лагерей. Это въ большинствѣ случаевъ стихотворенія партійныя, напи-

санныя подь непосредственнымъ впечатлѣніемъ текущихъ событій, проникнутыя духомъ борьбы и въ то же время сравнительно мало задѣвающія — въ иныхъ случаяхъ — непосредственные интересы русской народной массы. Этою стороною своей поэтической дѣятельности Тютчевъ, слѣдовательно, также принадлежитъ скорѣе извѣстному кругу, — на этотъ разъ кругу сочувствующихъ единомышленниковъ, — чѣмъ обширнымъ слоямъ читающаго люда. Чистый художникъ-мыслитель и политическій борецъ, Тютчевъ одинаково можетъ быть излюбленнымъ поэтомъ лишь для немногихъ.

На только что указанной второй сторонѣ поэзіи Тютчева мы и намѣрены сосредоточить наше вниманіе, — разсмотрѣть, въ какую форму отлились общественные взгляды поэта, почти сверстника Пушкина, воспитавшагося подь вліяніемъ традицій его чистаго художества и дожившаго до тревоженій позднѣйшихъ эпохъ.

Центральнымъ пунктомъ въ политической поэзіи Тютчева является идея славянскаго единенія; въ виду этого факта прежде всего интересно прослѣдить отношеніе поэта къ западно-европейскому міру и уяснить его взглядъ на мировую роль его отечества, на взаимное отношеніе между Русью и Западомъ. Послѣдній былъ достаточно хорошо извѣстенъ Тютчеву по непосредственному знакомству и оставилъ весьма осязательные слѣды въ его произведеніяхъ, давъ немалую пищу для его поэтическихъ вдохновеній. Но здѣсь намъ приходится отмѣтить то же явленіе, на какое мы указывали, говоря о поэзіи Майкова: поэтъ въ данномъ случаѣ раздвояется на художника и мыслителя и упивается, именно какъ поклонникъ красоты, роскошью чудной природы, ея тепломъ и свѣтомъ (у Майкова сюда присоединяется еще характерное для его музы тяготѣніе къ античному міру, въ гораздо слабѣйшей степени замѣтное у Тютчева), не перенося въ то же время своихъ симпатій на формы общественной жизни и складъ идей, направляющихъ ходъ послѣдней.

Если имѣть въ виду одни только стихотворенія Тютчева, лишенная политической окраски, онъ намъ представится космополитомъ, котораго отнюдь не тянетъ къ родной почвѣ, который ощущаетъ себя дома повсюду, находясь лицомъ къ лицу съ природою, — даже болѣе того: передъ нами страстный обожатель «блаженнаго» юга, рвущійся туда съ холоднаго сѣвера, какъ на родину съ чужбины, куда его случайно занесла судьба.

«Глядѣль я, стоя надъ Невой,
Какъ Исаака великана
Во мглѣ морознаго тумана
Свѣтился куполъ золотой.
Входили робко облака
На небо зимнее, ночное;
Бѣлѣла въ мертвенномъ покоѣ
Оледѣлая рѣка.
Я вспомнилъ, грустно молчаливъ,
Какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ солнце
грѣеть,

Теперь на солнцѣ пламенѣтъ
Роскошный Генуи заливъ...
О Сѣверь, Сѣверь-чародѣй!
Иль я тобою околдованъ?
Иль въ самомъ дѣлѣ я прикованъ
Къ гранитной полосѣ твоей?
О, если бѣ мимолетный духъ,
Во мглѣ вечерней тихо вѣя,
Меня унесъ скорѣй, скорѣе
Туда, туда, на теплый Югъ!»

Какъ «растворенный Эдемъ», представляется этотъ «золотой, свѣтлый» Югъ очамъ поэта въ сравненіи съ роднымъ «царствомъ-вьюги», со «свинцовымъ небосклономъ» Сѣвера, гдѣ —

«...воздухъ колетъ, снѣгъ обильный
На высотахъ и въ глубинѣ,
И холодъ, чародѣй всесильный,
Одинъ господствуетъ вполнѣ».

(«Давно ль, давно ль, о Югъ блаженный»).

«Сонный хладъ Киммерійской грустной ночи», — такъ характеризуетъ Тютчевъ родную, но чуждую его сердцу природу, переносясь силою воображенія въ иной, *родимый* край, — родимый для всякой поэтической души, — представляющійся ему потеряннымъ раемъ:

«Лавровъ стройныхъ колыханье
Зыблетъ воздухъ голубой;
Моря тихое дыханье
Провѣваетъ лѣтній зной.
Цѣлый день тамъ солнце грѣетъ
Золотистый виноградъ;
Баснословной пылью вѣетъ
Изъ-подъ мраморныхъ аркадь».

*Сновидѣньемъ безобразнымъ
Скрылся Сѣверъ роковой;
Сводомъ легкимъ и прекраснымъ
Свѣтитъ небо надо мной.
Снова жадными очами
Свѣтъ живительный я пью
И подъ чистыми лучами
Край волшебный узнаю».*

(«Вновь твои я вижу очи»).

Не желая утомлять читателей дальнѣйшими длинными цитатами, отмѣтимъ для полноты иллюстраціи еще такія стихотворенія, какъ «Дорога изъ Кенигсберга въ Петербургъ», — рисуящее картину родного ландшафта «подъ дымчатымъ навѣсомъ огромной тучи снѣговой», — «Грустный видъ и грустный часъ!», «Въ дорогѣ», «И такъ опять увидѣлся я съ вами, мѣста не милыя, хоть и родныя»: во всѣхъ этихъ пьесахъ родина поэта представляется въ видѣ безлюднаго края, «не бывшаго родимымъ для его души», гдѣ нѣтъ ни звуковъ, ни красокъ, ни движенія, гдѣ небесный сводъ вяло глядитъ на тощую землю, усталая природа спитъ, погрузившись въ желѣзный сонъ, и только блѣдныя березы, мелкій кустарникъ, сѣдой мохъ кое-гдѣ смущаютъ мертвенный покой, подобно лихорадочнымъ грезамъ, гдѣ мѣсяцъ свѣтитъ какъ гробовой призракъ изъ тумана, — словомъ, гдѣ нѣтъ жизни, — и воображеніе то и дѣло уноситъ поэта изъ этого царства тѣней въ «чудные» края, гдѣ «радужныя горы въ лазурныя глядятся озера», гдѣ «тотъ же мѣсяцъ, но живой, дышитъ въ зеркалѣ Лемана», въ тотъ край, гдѣ «нѣтъ теперь ужъ насъ», вслѣдствіе чего лучше и не вспоминать о немъ, чтобы не усиливать и безъ того гнетущей тоски.

Разумѣется, указанными заявленіями еще не рѣшается всецѣло вопросъ объ отношеніи Тютчева къ родной русской природѣ: какъ натура истинно поэтическая, онъ умѣлъ вездѣ подмѣчать красоту и воплощать ее въ образы. Прочтемъ на выдержку такія его пьесы,

какъ, напримѣръ «Какое лѣто, что за лѣто!», «Тихо въ озерѣ струится», «Гроза дорогой», «Тихой ночью позднимъ лѣтомъ», «Какъ весель грохотъ лѣтнихъ бурь», «Листья», «Есть въ осени первоначальной», «Небо блѣдно-голубое», «Осенній вечеръ», «Обвѣявъ вѣщею дремотой», «Осенней позднею порою», «Зима не даромъ злится», «Еще земли печаленъ видъ», «Весенія воды», «Первый листъ» и пр. и пр., — и мы убѣдимся въ томъ многообразіи вдохновеній, какимъ дарила поэта не только вѣчно юная весна, но и осеннее увяданіе блѣдной сѣверной природы, — менѣе всего, однако, русская зима, въ чемъ Тютчевъ довольно рѣзко расходится съ Пушкинымъ, сходясь съ нимъ въ любви къ осени, особенно «первоначальной». Восторженное упоеніе природою юга свойственно каждому поэту и, конечно, не можетъ удивлять никого: вспомнимъ аналогичные факты изъ поэзіи хотя бы Некрасова, — и все-таки именно при этомъ сопоставленіи намъ всего рѣзче бросится въ глаза отмѣченный нами космополитическій характеръ *чистой* лирики Тютчева: эта поэзія во всякомъ случаѣ не проникнута насквозь колоритомъ русской природы, не находитъ, что «дома лучше», и сѣверная вьюга не звучитъ для нея слаще, чѣмъ ласковый шумъ южнаго моря. Извѣстныя слова Некрасова о хандрѣ и нѣмотѣ, овладѣвающими имъ на прекрасной чужбинѣ, его заявленіе, что только на родной сторонѣ онъ можетъ быть поэтомъ, — непримѣнимы къ служителямъ чистаго искусства, какимъ является и Тютчевъ внѣ обособленной сферы своей тенденціозной поэзіи. Поэтъ-народникъ и поэтъ-художникъ сходятся, повидимому, въ одномъ пунктѣ, — въ отрицательномъ отношеніи къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ протекли ихъ дѣтскіе годы, — но только повидимому. Достаточно извѣстно, почему родныя мѣста не будили въ душѣ Некрасова отраднхъ воспоминаній; Тютчевъ не научился въ дѣтствѣ «терпѣть и ненавидѣть», но при свиданіи съ тѣми мѣстами, гдѣ онъ мыслить и чувствовалъ впервые, онъ смотритъ безъ участія, какъ на нѣчто чуждое, давно умершее, на свой дѣтскій возрастъ, «смутный призракъ забытаго, загадочнаго счастья, и у него вырывается восклицаніе:

«Ахъ, нѣтъ! Не здѣсь, не этотъ *край безлюдный*

Былъ для души моей родимымъ краемъ;

Не здѣсь расцвѣлъ, не здѣсь былъ величаемъ

Великій праздникъ молодости чудной!

Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ

То, чѣмъ я жилъ и чѣмъ я дорожилъ!»

(«И такъ, опять увидѣлся я съ вами»...).

Совершенно иное отношеніе къ родной земли вскроется передъ нами, если мы перейдемъ къ тѣмъ стихотвореніямъ Тютчева, въ которыхъ выражается его взглядъ на русскій народъ, какъ на коллективную личность, и на его историческое предназначеніе. Обстановка, среди которой живетъ этотъ народъ, не дѣлается наряднѣе въ глазахъ поэта, но тѣмъ поразительнѣе выступаетъ контрастъ между

этою неприглядною ви́шностью и внутреннимъ величіемъ народнаго духа:

«Эти бѣдная селеня,
Эта скудная природа,—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!
Не пойметъ и не одѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,

Что сквозить и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя».

Этихъ немногихъ, но выразительныхъ строкъ уже достаточно, чтобы уяснить себѣ основу возрѣнія Тютчева на иноплеменный Западъ съ характерною для него гордостью и на Русь, какъ на страну, излюбленную и благословенную свыше за ея долготерпѣніе и смиреніе. Построенное на такомъ базисѣ противоположеніе двухъ міровъ есть одинъ изъ краеугольныхъ догматовъ славянофильскаго ученія. Мы не намѣрены вдаваться въ анализъ этого взгляда, хотя не можемъ не повторить высказаннаго нами же по другому поводу замѣчанія, что въ указанной формулѣ трудно не усмотрѣть того самаго смертнаго грѣха, который приписывается Западу, какъ его коренное свойство,—другими словами, трудно не усмотрѣть внутренняго противорѣчія. Приведенные стихи Тютчева буквально повторяютъ терминологию Хомякова, предрекавшаго гибель Англій за то, что она лукава и *горда*, и предвидѣвшаго, что «другой странѣ *смирной*, полной вѣры и чудесъ, Богъ отдастъ судьбу вселенной, громъ земли и гласъ небесъ». Извѣстно, что тотъ же поэтъ, теоретикъ славянофильства, предостерегалъ свое отечество отъ «слѣпой гордости», убѣждая его не склоняться на льстивые голоса, приглашающіе кичиться силой, славой, вообще земнымъ прахомъ, и, вспоминая горделивое самосознаніе «избраннаго рода», древняго Израиля, заявлялъ, что Богъ не терпитъ людской гордыни и отвергаетъ мнящихъ себя солью земли. И тѣмъ не менѣе, по его же глубокому вѣрованію, святая Русь есть именно избранница Божія, и самъ народъ обязательно долженъ проникнуться тѣмъ же взглядомъ на себя самого, разъ только онъ дорастетъ и разовьется до сознательнаго отношенія къ своимъ судьбамъ и задачамъ: иначе говоря, его—принимаемое за безспорный фактъ—смиреніе есть явленіе временное, зависящее отъ степени пониманія своей міровой роли. Хомяковъ понималъ, что смиреніе можетъ быть и «рабскимъ», — и этого вида смиренія онъ такъ же мало желалъ для своей родины, какъ и слѣпое самообожанія, но не задавался вопросомъ о томъ, дѣйствительно ли выдвигаемое имъ качество присуще русскому народу, какъ нѣчто сознательное и неизмѣнное при какихъ бы то ни было условіяхъ исторической обстановки.

То же самое отношеніе къ вопросу въ общемъ мы находимъ и у Тютчева. Русскій народъ есть исполнитель «небесныхъ путей», чующій надъ своею главою «звѣзду въ незримой высотѣ» и неуклонно

идуцій за нею къ таинственной цѣли («На взятіе Варшавы»); Русь — «лучшихъ будущихъ временъ глаголь и жизнь и просвѣщенье» («Теперь тебѣ не до стиховъ...»), носительница Божіей правды, которую дерзко зоветъ на бой людская правда («Польскій мятежь»), противъ которой ополчились все «богомерзкіе народы», поднявшіеся со дна царства тьмы. На европейской почвѣ фарисейская наука создала двойную правду («Славянамъ, пріѣхавшимъ въ Москву»); цѣлый міръ сталъ воплощеною ложью («Хотя бъ она сошла съ лица земнаго...»), и только одна Русь является пріютомъ для гонимой истины. Къ Россіи, по убѣжденію Тютчева, приложима общая мѣрка: она представляетъ собою нѣчто особенное, непостижимое для узкаго и сухого человѣческаго разсудка:

«Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить;
У ней особенная стать:
Въ Россію можно только вѣрить».

Эти четыре строчки уже престарѣлаго поэта, написанныя въ концѣ 1866 г., какъ бы резюмируютъ вкратцѣ содержаніе длинной тирады Б. Н. Алмазова въ его извѣстномъ стихотвореніи «Русь и Западъ», относящемся къ болѣе раннему времени (началу Крымской войны), — тирады, обращенной къ народамъ Запада съ заявленіемъ, что имъ не понять русскаго народа, не постигнуть высокаго смысла его судебъ, хотя бы они силою научнаго анализа и возстановили даже все черты жизни давно отжившихъ націй. Мы еще увидимъ, какъ формулируется Тютчевымъ его общая точка зрѣнія на призваніе Россіи, какъ понимается имъ та «таинственная мета», къ которой ведетъ ее Провидѣніе; но сперва наше вниманіе обращается на другой пунктъ, — именно на отношеніе поэта къ текущимъ событіямъ русской жизни въ зависимости отъ его основныхъ взглядовъ на исключительное положеніе Руси среди государствъ и народовъ міра.

Здѣсь мы должны отмѣтить одну характерную черту, наблюдаемую въ поэзіи не одного Тютчева, но и большинства писателей родственнаго ему образа мыслей. Поэзія, вдохновляющаяся идеаломъ мессіанскаго значенія родного народа, легко, даже неизбежно переходитъ въ поэтическую публицистику, но при этомъ не менѣе фатально обрекается на односторонность и тенденціозное освѣщеніе, — перспектива, которая, конечно, угрожаетъ всякой вообще публицистикѣ, но едва ли не болѣе тому ея виду, который смотритъ на вещи сквозь призму предвзятаго идеализма. Какою бы узкостью ни отличалась порою пессимистическая поэзія гражданской или міровой скорби, она все же обыкновенно остается болѣе привязанною къ почвѣ дѣйствительности, строитъ свои, нерѣдко поспѣшные обобщенія на отдѣльныхъ, но реальныхъ фактахъ, хотя бы и невѣрно понятыхъ или преувеличенныхъ. Національный идеализмъ, напротивъ, слишкомъ охотно витаетъ въ облакахъ будущаго и мало считается

съ настоящимъ, нерѣдко даже прямо закрываетъ глаза на трезвую, неприкрашенную и потому часто печальную правду жизни; вѣруя непоколебимо въ свои догматы, онъ не можетъ устоять передъ искушеніемъ окрасить въ цвѣтъ своей теоріи какіе угодно факты, даже болѣе того, — иногда замѣнить факты гипотезами, выдаваемыми за несомнѣнныя истины. Насущныя нужды народа, какъ бы онѣ ни были жгучи, представляются мелкими, будничными злобами дня передъ великими задачами мірового предназначенія, — и потому излюбленною областью національно-поэтической поэзіи является такъ называемая внѣшняя, международная политика, міровая арена, обзрѣваемая съ высоты орлинаго полета, тогда какъ своя, домашняя жизнь остается совершенно въ тѣни. Не всегда, конечно, бываетъ такъ: стихотворенія И. С. Аксакова, какъ и вся его литературная дѣятельность, наглядно доказываютъ, что идеалистъ, послѣдователь рѣзко определенной національной доктрины, можетъ быть и реалистомъ, *не игнорирующимъ* живой дѣйствительности съ ея запросами (не говоримъ: *не окрашивающимъ* ея); но въ общемъ націонализмъ въ поэзіи не представляетъ благопріятной почвы для развитія гражданскихъ мотивовъ, — какъ и наоборотъ.

Сказанное вполнѣ приложимо къ интересующимъ насъ стихотвореніямъ Тютчева. Если не считать пяти пьесъ, посвященныхъ памяти Наполеона (изъ нихъ одна — переводъ изъ Манцони), эти стихотворенія представляютъ собою отлики поэта на длинный рядъ событій, начиная съ 1825 года и завершаясь самымъ концомъ шестидесятихъ годовъ. При послѣдовательномъ прочтеніи ихъ нетрудно убѣдиться, что собственно внутренняя жизнь русскаго народа нашла себѣ лишь слабый отголосокъ въ этой націоналистической поэзіи: даже на пережитую его отечествомъ великую эпоху освобожденія Тютчевъ откликнулся лишь однимъ, — разумѣется, прочувствованнымъ, — четверостишіемъ («Императору Александру Второму») да еще небольшимъ стихотвореніемъ, относящимся къ началу этой эпохи (1857 году), — стихотвореніемъ, на которое мы еще укажемъ ниже. За то вопросъ о славянскомъ братствѣ, о русско-славянскихъ и въ частности о русско-польскихъ отношеніяхъ, событія 1848 и слѣдующихъ годовъ, крымская война и печальной памяти борьба 1863 года — собрали обильную дань съ лиры Тютчева. На ряду съ этимъ предпочтеніемъ темъ извѣстнаго порядка бросается въ глаза нѣсколько близорукое отношеніе къ затрогиваемымъ фактамъ, сказывающееся въ увлеченіи внѣшнимъ могуществомъ. Это въ особенности относится къ стихотвореніямъ, непосредственно предшествующимъ по времени тому печальному разочарованію, какое принесла съ собою героическая эпопея Севастополя. Въ своемъ взглядѣ на европейскія событія того времени Тютчевъ вполнѣ согласенъ съ Жуковскимъ и княземъ Вяземскимъ, видя въ нихъ безумное «бѣснованіе языковъ», неистовый прибой разъяренныхъ морскихъ волнъ, дѣйствіе адскихъ силъ, и не вдумываясь въ смыслъ этого

историческаго явленія; подобно обоимъ названнымъ писателямъ, Тютчевъ противопоставляетъ этому зрѣлищу разрушенія русскаго великана съ его «полнымъ гордаго довѣрія покоемъ», по выраженію Лермонтова; сравнимъ стихотворенія «Море и Утесъ» и «Ужъ третій годъ бѣснуются языки» со «Святою Русью» князя Вяземскаго и особенно первую изъ указанныхъ пьесъ съ обращеніемъ Жуковскаго «Къ Русскому Великану» — и увидимъ, насколько близокъ Тютчевъ къ послѣднему даже въ самой терминологіи, въ самомъ выборѣ поэтическихъ образовъ: оба стихотворенія написаны не только на одну тему, но даже какъ будто подъ непосредственнымъ вліяніемъ одного на другое. Внутреннія условія русской жизни за тѣ же самые годы остаются одинаково незатронутыми у всѣхъ названныхъ писателей. Но проходитъ нѣсколько лѣтъ, — и два столь противоположные міра приходятъ въ прямое столкновеніе; наступаетъ пора тяжкаго испытанія, провѣрки своихъ дѣйствительныхъ силъ. Восторженное отношеніе къ открывающейся съ 1853 года борьбѣ религіозно-національнаго характера, конечно, вполне понятно, особенно въ челоуѣкѣ съ симпатіями и идеалами Тютчева; но и здѣсь нельзя не отмѣтить односторонности его взгляда даже по сравненію съ самимъ главою славянофильства, Хомяковымъ. Послѣдній, вполне вѣря, что Русь призвана на святую брань свыше, какъ орудіе Божіей воли, не забываетъ поставить ей на видъ, что такая миссія тяжела для земныхъ созданій, обремененныхъ грѣхами, и, перечисливъ безъ утайки «черную неправду въ судахъ», «иго рабства» и другіе «ужасные» грѣхи, налегшіе на его родину, призываетъ «недостойную избранья», но тѣмъ не менѣе избранную къ покаянію, къ уврачеванію язвъ «елеемъ плача». Правда, исцѣленіе представляется нѣсколько легкимъ, и въ другомъ стихотвореніи Хомякова, непосредственно примыкающемъ къ приведенному, та же Русь является уже покаявшеюся и уподобляется разумному мужу, «сурово допросившему совѣсть» и съ чистымъ сердцемъ идущему на Божескій призывъ. Но у Тютчева мы не найдемъ и такихъ, во всякомъ случаѣ, характерныхъ признаній: даже въ стихотвореніи, проникнутомъ уже скорбью по поводу неожиданнаго оборота событій, онъ увѣщаетъ свою страну не измѣнить себѣ и оправдаться передъ Богомъ; смотря впередъ, онъ, какъ мы уже видѣли, вѣруеть, что Русь есть живой залогъ лучшихъ *будущихъ* временъ, но совершенно обходитъ вопросъ о томъ, насколько она въ настоящемъ подготовлена къ такому высокому призванію, и почему она оказалась не на высотѣ предлежащей ей задачи («Теперь тебѣ не до стиховъ...»). Испытанное разочарованіе не вызываетъ на трезвое раздумье, не возвращаетъ къ дѣйствительности, и все случившееся объясняется только «какимъ-то Божьимъ попусценъемъ» (*ibid.*); прежняя точка зрѣнія въ сущности остается въ полной силѣ.

Еще большая идеализація, еще большее удаленіе отъ реальной почвы вполне естественно наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда

поэтъ прямо приписываетъ свой собственный образъ мыслей цѣлой народной массѣ, то-есть, не довольствуясь вѣрою въ будущее, переносить свои идеалы въ настоящее и видеть не то, что есть на самомъ дѣлѣ, но то, что ему хочется видѣть. Говоря о взятіи Варшавы (26-го августа 1831 года), Тютчевъ утверждаетъ что «русскій народъ» вело въ этомъ случаѣ «высшее сознанье», почему онъ и беретъ на себя смѣло «оправданіе небесныхъ путей». Если бы это сознаніе выражалось только въ мысли о томъ, чтобы «грозою спасительной примѣра державы цѣлость соблюсти», то еще можно было бы принять такое утвержденіе; но мысль поэта на томъ не останавливается, и онъ развиваетъ ее въ томъ смыслѣ, что, принося въ жертву «одноплеменнаго орла», русскій народъ имѣлъ въ виду

«Славянъ родныя поколѣнья
Подъ знамя русское собрать
И вѣсть на подвигъ просвѣщенья
Единомысленную рать». («На взятіе Варшавы»).

Едва ли нужно много говорить о томъ, какая смѣлая натяжка заключается въ этихъ словахъ, если даже мы согласимся разумѣть подъ именемъ *народа* только тѣ слои современнаго событію *общества*, которые могли болѣе сознательно къ нему отнестись: гдѣ, спрашивается, данныя, позволяющія объявлять тенденціи панславизма (въ какой бы то ни было формѣ) *сознательнымъ*, завѣтнымъ идеаломъ этого столь еще юнаго въ политическомъ смыслѣ общества, взятаго въ цѣломъ?

Однако въ этомъ отношеніи жизнь сдѣлала свое дѣло и внесла нѣсколько иную ноту въ общее настроеніе поэзіи Тютчева. Мы уже сказали, насколько слабо въ ней отразилась послѣдовавшая за Крымскою войною эпоха внутренняго обновленія русской жизни; но пройти вполне безслѣдно для творчества поэта она не могла, — и къ этому времени, когда русскому обществу пришлось сводить счеты со своимъ прошлымъ, когда вниманіе всѣхъ усиленно обратилось на свои насущныя домашнія нужды, относится единственное въ своемъ родѣ стихотвореніе Тютчева, говорящее о «старыхъ, гнилыхъ ранахъ», «о рубцахъ насилій и обидъ», о живительномъ золотомъ лучѣ свободы, который разгонитъ сонъ и туманы (писано въ 1857 году). Здѣсь передъ нами является *темная толпа непробужденнаго народа*, — того самаго, которому поэтъ преждевременно приписалъ *высшее сознанье*. Несомнѣнно, что въ такомъ признаніи грустнаго, но неоспоримаго факта болѣе истиннаго смиренія, чѣмъ во многихъ заявленіяхъ о смиреніи, какъ залогѣ будущаго владычества надъ судьбами вселенной: приближеніе, хотя временное, къ дѣйствительности не замедлило оказать отрезвляющее воздѣйствіе на поэта («Надъ этой темною толпой...»). Спѣшимъ оговориться, что такому истинному смиренію, выражающемуся въ искреннемъ признаніи своихъ язвъ, отнюдь не противорѣчитъ вѣра въ великія душевныя качества народа

и въ его великое міровое призваніе, лишь бы съ этою вѣрою не связывалось высокоумнаго отношенія къ другимъ, не проявлялось исключительности, сказывающейся въ противоположеніи себя другимъ, своего смиренія чужой гордости. Если бы смиренный мытарь въ своей молитвѣ сталъ благодарить Бога за то, что онъ не таковъ, какъ стоящій тутъ же гордый фари́сей, онъ самъ вполне уподобился бы послѣднему. Сошлемся на поэзію хотя бы Полонскаго для подтвержденія мысли о совмѣстности гражданской скорби съ вѣрою въ свой народъ, равно какъ послѣдней съ братскимъ отношеніемъ къ другимъ народностямъ.

Теперь обратимся къ вопросу о томъ, какъ именно формулируетъ Тютчевъ историческое призваніе своего отечества. Въ своемъ рѣзкомъ по тону стихотвореніи «На графа Нессельроде» поэтъ такими словами выражаетъ «святыя упованія» и убѣжденія Руси:

«То, что обѣщано судьбами
Ужъ въ колыбели было ей,
Что ей завѣщано вѣками
И вѣрой всѣхъ ея царей;
То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечемъ,

То, что орель Екатерины
Ужъ покрывалъ своимъ крыломъ, —
Вѣнца и скипетра Византіи
Вамъ не удастся насъ лишить!
Всемирную судьбу Россіи,
Нѣтъ, вамъ ея не запрудить!»...

Итакъ, вѣнецъ и скипетръ Византіи суждены святой Руси, другими словами, не только сокрушеніе царства Магомета и освобожденіе единоплеменниковъ и единовѣрцевъ составляетъ великую задачу русскаго народа, но и болѣе того, — прямое преемство того междуна-роднаго положенія, какое принадлежало, хотя бы въ идеѣ, посетителямъ вѣнца Византіи, какъ наслѣдникамъ міродержавныхъ римскихъ цезарей. Древній щитъ Олега на вратахъ Царыграда, по заявленію Пушкина, остановившій нашу рать передъ Стамбуломъ 1829 г., въ изображеніи Тютчева является символомъ исполненія вѣковаго завѣта въ 1854 г. («Олеговъ щитъ»), когда истекъ уже четвертый вѣкъ господства невѣрныхъ, и роковой часъ готовъ пробить:

И своды древніе Софій
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь!..

(«Не гулъ молвы прошелъ въ народъ»).

Безконечная ночь уступаетъ мѣсто свѣтлому дню, и поэтъ призываетъ Русь, «перекрестясь, ударить въ колоколъ въ Царыградѣ» и огласить весь Востокъ благовѣстнымъ звономъ: («Разсвѣтъ»). Возобновленная Византія будетъ царствомъ славянъ: русскій Монархъ падетъ ницъ передъ алтаремъ св. Софійи и встанетъ, какъ всеславянскій царь («Не гулъ молвы...»); въ Кіевѣ, колыбели русскаго православія, и въ Царыградѣ, столицѣ всего православнаго міра, совершится примиреніе Руси и Польши, вслѣдствіе чего водворится вождельнный строй «въ славянской міровой громадѣ». («Тогда лишь въ полномъ торжествѣ...»). Слѣдовательно, возстановленіе втораго

Рима и слияніе его воедино съ третьимъ является предпосылкою для осуществленія истиннаго историческаго предназначенія Россіи, заключающагося въ собраніи подъ русское знамя славянскихъ племенъ; всѣ противорѣчія исчезнуть, и «единомысленная рать» пойдетъ вслѣдъ за своимъ вождемъ «на подвигъ просвѣщенья».

Эта панславистская идея проходитъ красною нитью не только чрезъ всю специально политическую поэзію Тютчева, но иногда проглядываетъ довольно явственно и въ его стихотвореніяхъ, повидимому, чисто художественнаго характера, по крайней мѣрѣ, относимыхъ къ таковымъ въ печатныхъ изданіяхъ произведеній поэта. Мы едва ли ошибемся или допустимъ натяжку, если усмотримъ аллегорическій смыслъ въ стихотвореніи «Альпы», которое позволимъ себѣ привести цѣликомъ, чтобы читатели сами могли судить о справедливости нашей догадки:

«Сквозь лазурный сумракъ ночи
Альпы свѣжны глядятъ;
Помертвѣлыя ихъ очи
Льдистымъ ужасомъ разятъ.
Властью нѣкой обаянны,
До восшествія зари
Дремлютъ грозны и туманны,
Словно падшіе цари!

*Но Востокъ лишь заагнетъ,
Чарамъ гибельнымъ конецъ:
Первый въ небѣ просвѣтлѣетъ
Брата старшаго вѣнецъ.
И съ главы большаго брата
На меньшихъ бѣжитъ струя,
И блеситъ въ вѣнцахъ изъ злата
Вся воскресшая семья»...*

Укажемъ еще на пьесу «Восходъ солнца» («Молчить сомнительно Востокъ»), про которую, — правда, съ меньшею долею вѣроятности, — также позволительно предполагать, что она навѣяна не только созерцаніемъ природы, но и идущею параллельно съ нимъ національно-политическою думою.

«Слияніе славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ» при своей образности представляетъ собою формулу весьма растяжимую и неопредѣленную: подъ нимъ можно разумѣть какъ соединеніе политическаго характера, притомъ весьма неодинаковое по формѣ, такъ и слияніе родственныхъ, но все же отдѣльныхъ народностей въ одинъ народъ, точнѣе говоря, въ данномъ случаѣ обрусѣніе. Трудности какъ перваго, такъ еще болѣе втораго способа рѣшенія славянскаго вопроса, достаточно очевидны, такъ что нѣтъ нужды о нихъ распространяться. Въ какомъ же именно видѣ представляется Тютчеву будущее всеславянство? Въ своемъ стихотворномъ привѣтствіи «Славянамъ», пріѣхавшимъ въ Москву въ 1867 г., онъ прежде всего заявляетъ о неоспоримомъ фактѣ кровнаго братства всѣхъ славянскихъ народностей:

«Хотя враждебно судьбиной
И были мы разлучены,

*Но все же мы народъ единый,
Единой матери сыны»...*

Подчеркнутая нами поэтическая неточность исправляется въ дальнѣйшихъ строкахъ того же стихотворенія, гдѣ мы читаемъ:

«Опально-міровое племя!
Когда же будешь ты народъ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгодъ,

*И грянетъ крикъ къ объединенью,
И рухнетъ то, что дѣлать насъ?...
Мы ждемъ и вѣримъ Провидѣнью:
Ему извѣстны день и часъ»...*

И эта вѣра въ правду Бога
Ужъ въ нашей не умереть груди,
Хоть много *жертвъ* и *горя* много
Еще мы видимъ впереди...

Онъ живъ, Верховный Промыслитель,
И судъ Его не оскудѣлъ...
И слово «Царь-Освободитель»
За русскій выступить предѣлъ!»...

Приходится, повидимому, понимать дѣло такъ, что славяне въ этнографическомъ смыслѣ являются достаточно единымъ народомъ, но это единство должно еще привести къ политическому сліянію, къ созданію изъ одинаго *племени* одинаго *народа* именно въ смыслѣ государственнаго союза. Для достиженія такого результата, несомнѣнно, необходимы *жертвы*, необходима вооруженная борьба; поэтъ не ошибся въ предвидѣніи того, что имя Царя-Освободителя получить еще новое значеніе вѣдъ русскихъ предѣловъ, но былъ бы, вѣроятно, мало удовлетворенъ результатами освободительнаго подвига 1877—1878 гг. съ точки зрѣнія своихъ чаяній. Не проглядѣлъ также Тютчевъ и того факта, что есть налицо условія, *двлящія* славянъ, поселяющія между ними *рознь*. Эта печальная истина отмѣчена и въ гораздо болѣе раннемъ посланіи «Къ Ганкѣ» (1837 г.), изъ котораго явствуетъ, что кровные братья цѣлые вѣка блуждали въ слѣпотѣ и разбрелись во всѣ концы:

«А случилось ли порою
Намъ столкнуться какъ-нибудь,—
Кровь не разъ лилась рѣкою,
Мечъ терзалъ родную грудь.

И вражды безумной сѣмя
Плодь сторичный принесло:
Не одно погибло племя,
Иль въ чужбину отошло».

Къ сожалѣнію, и событія позднѣйшихъ десятилѣтій, какъ пережитыя Тютчевымъ, такъ и тѣ, до которыхъ онъ не дожилъ, не обратили этихъ стиховъ въ устарѣлый анахронизмъ и показали, какъ еще далеко «славянской громадѣ» до «вождедѣльнаго строя»: даже примиреніе Польши съ Русью отнюдь еще не означало бы прекращенія всѣхъ не братскихъ счетовъ между братьями, вовсе не расположенными къ ассимиляціи и стойко держащимися каждой за свою особенность, какъ бы мала она ни была; сознание кровнаго родства не устраняетъ сталкивающихся интересовъ, противоположныхъ стремлений, и нерѣдко вмѣсто полюбовнаго размежеванія и взаимнаго тяготѣнія создается вражда.

Тютчевъ не касается вопроса о причинахъ отмѣченной имъ славянской розни; однако, вчитываясь въ его стихотворенія и читая между строками, мы можемъ усмотрѣть, что въ качествѣ разъединяющаго элемента онъ выдвигаетъ, хотя не единственный, но весьма существенный, — именно вопросъ вѣроисповѣдній. Недаромъ же, въ самомъ дѣлѣ, проронено замѣчаніе о возможности русско-польскаго примиренія въ *Кіевѣ* и *Цареградѣ*. Этотъ намекъ даетъ намъ право заключить, что примиреніе обусловливается весьма утопичнымъ предположеніемъ о возможности отреченія Польши отъ «отступническаго» Рима, столицы «лже-намѣстника Христа» («Еписуліса»). То же обращеніе отъ Запада къ Востоку, конечно, предполагается само

собою для всѣхъ вообще славянъ-католиковъ, когда утверждается, что осуществленіе всеславянской идеи зависитъ отъ возстановленія православнаго богослуженія въ храмѣ св. Софїи.

«О Русь, великъ грядущій день,
Вселенскій день и православный!» («Разсвѣтъ»).

Здѣсь мы подходимъ къ центральному пункту славянофильскаго ученія, полагающаго въ православїи основу обще-славянской народности и отрицающаго всякую будущность одинаково у католицизма, какъ и у отщепившагося отъ него протестантизма. Событія 60-хъ годовъ приводятъ Тютчева къ заключенію, что надъ Римомъ совершается казнь, — заслуженная кара Божіей правды за тяжкій, *тысячелѣтній* грѣхъ, т.-е., за отпаденіе единства вселенской Церкви (писано въ 1867 г.); роковое слово: «Свобода совѣсти есть бредъ» погубить самый принципъ папизма («Eusclica»). Не менѣе характерно для настроенія поэзіи Тютчева другое стихотвореніе, относящееся къ протестантизму: послѣдній уподобляется дому, готовому опустѣть, храму, въ которомъ вѣра въ послѣдній разъ предстоитъ вѣрующимъ, собираясь навсегда покинуть ихъ («Я лютеранъ люблю богослуженье»).

Итакъ, первымъ условіемъ славянскаго единомыслія является единомысліе церковное. Осуществимо ли это условіе? Это вопросъ, на который, разумѣется, никакой опредѣленный отвѣтъ не можетъ быть данъ à priori, и мы видимъ только, какъ мало залетающая впередъ теорія считается съ фактами исторической дѣйствительности, и насколько она своею исключительностью въ сущности противодѣйствуетъ той самой цѣли, къ которой искреннѣйшимъ образомъ стремится. Другихъ пунктовъ розни Тютчевъ не касается вовсе: славянамъ, прїѣхавшимъ въ Москву, онъ говоритъ (въ цитированномъ выше стихотвореніи), что здѣсь они больше дома, чѣмъ у себя на родинѣ, — «здѣсь, гдѣ господство незнакомо иноязыческихъ властей», — какъ бы упуская изъ вида, что при всей ихъ близости другъ къ другу живые славянскіе *языки* все-таки не равняются одному *языку* и для взаимнаго пониманія требуютъ предварительнаго взаимнаго, хотя бы и нетруднаго, изученія. Отношеніе меньшихъ братьевъ, съѣхавшихся «со всѣхъ славянщины концовъ», къ старѣйшему брату немедленно измѣнилось бы, если бы имъ пришлось принять языкъ послѣдняго именно какъ языкъ власти. И съ этой стороны вопросъ о всеславянствѣ оказывается гораздо болѣе сложнымъ и запутаннымъ, чѣмъ какимъ онъ представляется въ стихахъ и вообще въ теорїи.

Есть, однако, глава въ исторїи славянскаго міра, свидѣтельствующая о прискорбной братской розни, которая никакъ не могла быть обойдена Тютчевымъ и въ значительной степени обусловила содержаніе его политической поэзіи. Мы разумѣемъ, конечно, вопросъ о русско-польскихъ отношеніяхъ, входящій, какъ составная часть, въ вопросъ о славянскихъ отношеніяхъ вообще.

Тютчеву выпало на долю касаться этого вопроса на протяжении значительнаго періода времени, и, если нельзя сказать, чтобы его отношеніе къ вопросу измѣнялось въ своей основѣ сообразно съ различными его стадіями, то невозможно утверждать того же самаго относительно тона, въ какомъ поэтъ говорилъ на эту жгучую для всякаго русскаго челоуѣка тему.

Интересно прежде всего сопоставить отношеніе Тютчева къ событіямъ 1830—1831 годовъ съ отзывами на нихъ другихъ представителей русскои поэзи. Жуковскій и Пушкинъ, выражая свое отношеніе къ совершившейся катастрофѣ, видятъ въ ней рѣшеніе стародавняго спора, давно уже взвѣшеннаго судьбою, и, мало заглядывая или и вовсе не заглядывая въ будущее, приводятъ на память прошедшее, тѣ взаимныя счеты, которые должны были привести къ роковому концу. Правда, Пушкинъ ставитъ двойной вопросъ, могущій быть рѣшеннымъ только въ будущемъ, — вопросъ о сляніи славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ или объ изсяканіи послѣдняго; но очевидно, что, разъ поставлена такая дилемма, отвѣтъ на нее готовъ уже заранѣе. Другое отношеніе къ дѣлу мы находимъ у Хомякова: «споръ славянъ между собою» съ его точки зрѣнія является, конечно, самымъ прискорбнымъ фактомъ, и онъ, не вдаваясь въ архивныя изысканія, отъ всего сердца передаетъ проклятію «позоръ безсмысленной вражды, перешедшей въ поколѣнья», и тѣ самыя преданія, на которыя указываетъ Пушкинъ, какъ безмолвныя для постороннихъ и слишкомъ краснорѣчивыя для заинтересованныхъ сторонъ:

«Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья,
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!»

Выражающееся въ этихъ восклицаніяхъ чувство, конечно, не рѣшаетъ заколдованнаго вопроса, но во всякомъ случаѣ общаетъ болѣе для будущаго, чѣмъ неизбѣжно растравляющія язву воспоминанія о старыхъ обидахъ.

Тютчевъ, подобно Хомякову, также скорбитъ по поводу «роковаго удара», свершеннаго надъ «горестной» Варшавой, и его стихотвореніе на эту тему, уже извѣстное намъ, проникнуто состраданіемъ къ «одноплеменному орлу, пронзенному братскою стрѣлой», но въ то же время возвышающимъ душу сознаніемъ неизбѣжности совершившагося «приговора судьбы». Во имя своего высшаго призванія русскій народъ долженъ былъ принести очистительную жертву, подобно тому, какъ нѣкогда Агамемнонъ принесъ богамъ на закланье родную дочь. Въ этомъ случаѣ Тютчевъ является, несомнѣнно, болѣе славянофиломъ, чѣмъ Хомяковъ, — именно какъ выразитель мистическаго взгляда на предназначеніе своего народа, исполнителя тайныхъ путей Провидѣнія. Въ чемъ заключается это предназначеніе, мы уже видѣли, равно какъ отмѣтили и рискованный пріемъ поэта, отождествляющаго себя съ на-

родомъ болѣе, чѣмъ это возможно; этотъ же пріемъ внушилъ Тютчеву заключительную строфу разбираемаго стихотворенія «На взятіе Варшавы»:

«Върѣ слову русскаго народа:
Твой пепелъ мы свято бережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ фениксъ, возродится въ немъ!»

Изъ всего этого ясно слѣдуетъ, что поэтъ считаетъ борьбу уже на вѣки конченною: отъ павшаго народа остается одинъ прахъ. Очевидно также, что достиженіе славянскаго единомыслія возможно лишь подъ условіемъ смерти одного изъ членовъ семьи; тяжелая операція совершена и желанный идеаль является осуществимымъ. Однако, спустя нѣкоторое время, оказывается не то, и Тютчевъ, какъ мы уже знаемъ, вновь поднимаетъ вопросъ о примиреніи Польши съ Русью, хотя, казалось бы, о примиреніи не могло бы быть и рѣчи, разъ оно замѣнено смертью одной изъ враждовавшихъ сторонъ. Стало быть, осталось налицо нѣчто большее, чѣмъ пепелъ отъ жертвы всеожженія, и роковой вопросъ еще не можетъ считаться отошедшимъ въ область преданій (условія предполагаемаго примиренія мы уже выше коснулись). Вскорѣ затѣмъ поэту приходится еще разъ созерцать грустное зрѣлище братоубійственной борьбы: «мертвецы» воскресли вновь «для новыхъ похоронъ» («Польскій мятежь»). Когда страсти разгораются до крайней степени, требовать спокойнаго, безпристрастнаго отношенія къ себѣ и къ противнику становится невозможнымъ, — и мысль о примиреніи исчезаетъ сама собою. Тѣмъ большимъ диссонансомъ звучитъ задушевный привѣтъ *всѣмъ, безъ изыатя*, братьямъ, прибывшимъ «на праздникъ мира и любви» «со *всѣхъ* концовъ славящины», рядомъ съ упоминаніемъ объ Іудѣ, «кто для своихъ всегда и всюду злодѣемъ былъ передовымъ» («Славянамъ»); конечно, изъ пѣсни, какъ говорится, слова не выкинешь, но непоправимый ущербъ, наносимый идеалу славянскаго братства вѣковымъ раздоромъ, сомнѣнію не подлежитъ. Поучительно сопоставить этотъ рѣзкій отзывъ съ другимъ, отдѣленнымъ отъ него ровно тридцатилѣтнимъ промежуткомъ: въ посланіи къ Ганкѣ (1837 г.), говоря о славянскомъ возрожденіи, Тютчевъ поминаетъ и Варшаву наряду съ Кіевомъ, Москвою и Вышеградомъ; братья начинаютъ обмѣниваться понятными другъ для друга рѣчами, и

«На яву увидать внуки
То, что снилося отцамъ».

Выше мы сказали, что, несмотря на различія въ тонѣ, сущность отношенія Тютчева къ русско-польскому вопросу едва ли измѣнялась. Этому взгляду не противорѣчитъ, по нашему мнѣнію, то обстоятельство, что Тютчевъ, какъ мы сейчасъ видѣли, то считаетъ самый вопросъ поконченнымъ, то вновь говоритъ о примиреніи и затѣмъ, повидимому, теряетъ на него надежду. Въ этомъ отношеніи самый ходъ событій

оказывалъ на поэта свое воздѣйствіе, но основа его воззрѣнія оставалась всегда та же: Польша должна или примириться съ Россією *на почвъ традицій Кіева и Царьграда*, — иначе говоря, переродиться, — или навсегда погибнуть для славянства; какимъ изъ этихъ двухъ путей будетъ достигнуто единомысліе въ рядахъ послѣдняго, — покажетъ будущее. Примиреніе во всякомъ случаѣ является весьма проблематичнымъ, будучи поставлено въ зависимость отъ вѣроисповѣднаго принципа.

Такова въ общихъ чертахъ національно-политическая поэзія Тютчева. Независимо отъ проникающей ее идеи, несомнѣнно, что сама современная исторія вліяла на ея содержаніе, пробуждая и поддерживая живой интересъ къ тѣмъ именно темамъ, къ которымъ влекли поэта его симпатіи. Жизнь Тютчева захватила безъ малаго три четверти того вѣка, который поставилъ ребромъ такъ много національныхъ и политическихъ вопросовъ, и поэтъ отразилъ въ своихъ произведеніяхъ тѣ изъ нихъ, которые имѣли ближайшее отношеніе къ его отечеству. Роль Россіи въ мірѣ, Востокъ и Западъ, православіе и папизмъ, панславизмъ и русско-польскій вопросъ, — все это такія темы, которыя еще не скоро утратятъ своей остроты и которыя въ теченіе XIX столѣтія неоднократно принимали характеръ очередныхъ вопросовъ дня и волновали всѣ умы. Отзывчивость Тютчева была далеко неодинакова по отношенію къ общественнымъ проблемамъ различныхъ порядковъ; но въ той сферѣ, которая сосредоточила на себѣ его особенное вниманіе, онъ является одностороннимъ, страстнымъ, но искреннимъ, убѣжденнымъ бойцомъ, не страшщимся никогда выговаривать свое мнѣніе, и, насколько его чисто художественная поэзія можетъ доставить наслажденія развитому эстетическому вкусу, настолько же его боевая, тенденціозная поэзія цѣнна, какъ матеріаль для ознакомленія съ умственными теченіями и общественными настроеніями русскихъ людей нашего вѣка, имѣющаго въ самомъ скоромъ времени сдѣлаться всецѣло достояніемъ нелицепріятной исторіи.

Н. Аммонъ.

Возвышенное въ поэзіи Тютчева.

Прежде всего бросается въ глаза, при знакомствѣ съ поэзіей Тютчева, созвучіе его вдохновенія съ жизнью природы, — совершенное воспроизведеніе имъ физическихъ явленій, какъ состояній и дѣйствій живой души. Конечно, всѣ дѣйствительные поэты и художники чувствуютъ жизнь природы и представляютъ ее въ одушевленныхъ образахъ; но преимущество Тютчева передъ многими изъ нихъ состоитъ въ томъ, что онъ вполне и сознательно *върился* въ то, что чувствовалъ, — ощущаемую имъ живую красоту принималъ и понималъ не какъ свою фантазію, а какъ *истину*. Эта вѣра и это пониманіе стали рѣдки въ новое время, — мы не находимъ

ихъ даже, напримѣръ, у такого сильнаго поэта и тонкаго мыслителя, какъ Шиллеръ. Въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи «Боги Греціи» онъ предполагаетъ, что природа только *была* жива и прекрасна въ *воображеніи* древнихъ, а на самомъ дѣлѣ она лишь мертвая машина. Смерть эллинской мифологіи была для Шиллера смертью самой природы; вмѣстѣ съ прекрасными богами Греціи исчезла и душа міра, оставивъ только свою тѣнь въ художественныхъ памятникахъ классической древности.

Тютчевъ не вѣрилъ въ эту смерть природы, и ея красота не была для него пустымъ звукомъ. Ему не приходилось *искать* душу міра и безотвѣтно привѣтствовать отсутствующую: она сама сходилась съ нимъ и въ блескѣ молодой весны, и въ «свѣтлости осеннихъ вечеровъ»; въ сверканьи пламенныхъ зарницъ и въ шумѣ ночного моря она сама намекала ему на свои роковыя тайны. И безъ греческой мифологіи міръ былъ полонъ для него и величья, и красоты, и красокъ. Въ этомъ нѣтъ еще ничего особеннаго. Живое отношеніе къ природѣ есть существенный признакъ поэзіи вообще, отличающій ее отъ двоякой прозы: житейско-практической и отвлеченно-научной. Въ минуты настоящаго поэтическаго вдохновенія и Шиллеръ забывалъ, конечно, о «законѣ тяготѣнія» — и отдавался непосредственнымъ впечатлѣніямъ природной красоты. Но у Тютчева, какъ я уже замѣтилъ, важно и дорого то, что онъ не только *чувствовалъ*, а и *мыслилъ* какъ поэтъ, — что онъ былъ *убѣжденъ* въ *объективной* истинѣ поэтическаго воззрѣнія на природу. Какъ бы прямымъ отвѣтомъ на Шиллеровскій похоронный гимнъ мнимоумершей природѣ служить стихотвореніе Тютчева:

Не то, что мните вы, природа —
 Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
 Въ ней *есть* душа, въ ней *есть* свобода
 Въ ней *есть* любовь, въ ней *есть* языкъ.

Вовсе не высшее *знаніе*, только собственная слѣпота и глухота заставляютъ людей отрицать внутреннюю жизнь природы:

Они не видятъ и не слышатъ, Живутъ въ семь мірѣ, какъ впотьмахъ, Для нихъ и солнца, знать, не дышатъ, И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ. Лучи къ нимъ въ душу не сходили, Весна въ груди ихъ не цвѣла,	При нихъ лѣса не говорили, И ночь въ звѣздахъ нѣма была; И, языками неземными Волнуя рѣки и лѣса, Въ ночи не совѣщалась съ ними Въ бесѣдѣ дружеской гроза...
--	---

Кто же правъ изъ двухъ поэтовъ? Есть жизнь и душа въ природѣ, или нѣтъ? Или, можетъ быть, существуютъ двѣ истины: одна для поэзіи, а другая — для науки? Но наука тутъ не при чемъ; она не отвѣчаетъ за тѣ ложные выводы, которые дѣлаются изъ ея достовѣрныхъ данныхъ въ силу односторонняго направленія мысли, возобладавшаго въ извѣстную эпоху. Наука никогда не доказывала — да по существу дѣла и не можетъ доказывать, что міръ есть *только*

механизмъ, что природа есть *только* мертвое вещество. Различныя науки изслѣдуютъ природу *по частямъ* и находятъ между этими частями механическую связь; но такой естественной науки, которая изслѣдовала бы вселенную въ ея единствѣ и цѣлости, вовсе не существуетъ, а логика, обязательная и для наукъ, не позволяетъ отъ анализа частей и ихъ внѣшней частичной связи дѣлать окончательное заключеніе о всеобщемъ характерѣ или смыслѣ цѣлаго. Въдѣ и въ тѣлѣ живого человѣка всѣ его части и частицы связаны между собой механически, — это не мѣшаетъ ему, однако, быть одушевленнымъ существомъ. Никто не рѣшится утверждать, что механическое устройство и дѣйствіе скелета, сосудистой, мускульной и нервной системъ, изучаемое точными науками — анатоміей и фізіологіей, — исчерпываетъ собою весь истинный смыслъ человѣческаго существа и существованіе; напротивъ, каждый согласится, что весь этотъ механизмъ координированныхъ частей имѣетъ смыслъ только какъ орудіе или средство выраженія и осуществленія внутренней жизни или души человѣка. Точно такъ же и механизмъ всей природы есть только сложенная совокупность для проявленія и развитія всемірной жизни. Точное ученіе этого механизма въ высшей степени важно: оно даетъ человѣку возможность въ извѣстной мѣрѣ управлять естественными явленіями, пользоваться ими для своихъ цѣлей. Но ни теоретическій интересъ ни практическая польза такого изученія не составляютъ еще достаточнаго основанія, чтобы видѣть здѣсь всю истину о природѣ: это въ сущности было бы такъ же странно, какъ если бы кто-нибудь сталъ утверждать, что для полного и окончательнаго познанія человѣка нужно только вскрыть и препарировать его трупъ.

Противъ нашего заключенія отъ одушевленности человѣческаго тѣла къ одушевленности тѣла всемірнаго нельзя приводить то соображеніе, что живого человѣка мы дѣйствительно видимъ какъ замкнутое цѣлое въ нѣкоторомъ оцутительномъ единствѣ, — природу же воспринимаемъ всегда лишь по частямъ. Ясно, что это различіе зависитъ не отъ существа дѣла, а отъ причины совершенно условной — отъ относительныхъ размѣровъ того и другого предмета. Для микроскопическихъ глазъ мухи вовсе не существуетъ цѣлаго гармоническаго очертанія человѣка или человѣческаго лица съ его выраженіемъ, да и для нашего собственнаго глаза самое прекрасное и одушевленное лицо превратилось-бы, при микроскопическомъ изслѣдованіи, въ безформенную массу грубыхъ тканей и клѣтокъ, механически нагроможденныхъ безъ всякой законченности и единства. Однако, когда я смотрю на это лицо, какъ на живое, узнаю въ его очертаніяхъ и измѣненіяхъ слѣды внутренняго опыта и выраженіе мыслей, чувствъ и желаній, вижу черезъ него душу и судьбу этого человѣка, то я, конечно, вижу несравненно *больше*, чѣмъ видитъ въ немъ самая наблюдательная муха, и узнаю о немъ болѣе полную истину, чѣмъ ту, которую могъ бы узнать при помощи

микроскопа. Никакъ не тѣ волокна и клѣтки, а именно это большее, содержательное и единое, что я вижу живымъ взглядомъ,— оно то и есть *истина*, или подлинный *смыслъ* этого человѣческаго существа, а то все—только матеріаль, въ которомъ воплощается, посредствомъ котораго выражается эта истина или этотъ смыслъ.

Какъ тѣлесная видимость человѣка, сверхъ анатомическихъ и физиологическихъ фактовъ, говоритъ намъ еще своими знаками о его внутренней жизни или душѣ, такъ точно и явленія всей природы, каковъ бы ни былъ ихъ *механическій составъ*, говорятъ намъ въ своей живой дѣйствительности о жизни и душѣ великаго міра. Ни логика ни сама естественная наука, не позволяютъ намъ разсуждать иначе и противопоставлять человѣка міру, какъ живое мертвому. Для взгляда исключительно-аналитическаго—и въ самомъ человѣкѣ нѣтъ живого и цѣлаго существа, а только механическая совокупность матеріальныхъ частицъ; для взгляда же, направленнаго на полную истину, а не на одну только ея сторону, есть жизнь и во внѣшней природѣ. Послѣдовательная мысль должна выбирать между двумя положеніями: или ни въ чемъ, даже въ человѣкѣ, даже въ насъ самихъ, нѣтъ одушевленной жизни, или — она есть во всей природѣ, различаясь только по степенямъ и формамъ. Ибо нѣтъ никакой возможности, оставаясь на научной почвѣ, *отдѣлить* человѣка въ этомъ отношеніи отъ остальнаго міра. Своею тѣлесною организаціей, которою обусловлено развитіе его внутренней жизни, человѣкъ принадлежитъ къ животному царству, а животныхъ никакъ нельзя выдѣлить изъ прочей природы и признать ихъ исключительными носителями жизни. На самомъ дѣлѣ животное царство неразрывно связано съ растительнымъ, имѣя съ нимъ первоначально одну общую основу органическаго бытія, до сихъ поръ еще представляемую такими организмами, которыхъ нельзя отнести ни къ животнымъ ни къ растеніямъ. А цѣлый органическій міръ, при всемъ своемъ формальномъ *отличіи*, *нераздѣльно* связанъ однако, и по составу и по происхожденію, съ міромъ неорганическимъ. Утверждать безусловную грань между этими двумя мірами такъ же въ сущности неосновательно и противно духу науки, какъ если бы мы признали безусловную разнородность между твердымъ скелетомъ и мягкими тканями человѣческаго тѣла.

Нѣтъ во всей вселенной такой пограничной черты, которая дѣлила бы ее на совершенно особенныя, не связанныя между собою области бытія; повсюду существуютъ переходныя, промежуточныя формы, или остатки такихъ формъ, и весь видимый міръ не есть собраніе дѣланыхъ вещей, а продолжающееся развитіе или ростъ единаго живого существа.

Глубокое и сознательное убѣжденіе въ дѣйствительной, а не воображаемой только, одушевленности природы избавляло нашего поэта отъ того раздвоенія между мыслию и чувствомъ, которымъ съ прошлаго вѣка и до послѣдняго времени страдаетъ большинство.

художниковъ и поэтовъ. Простодушно принимая механическое міровоззрѣніе за всенаучное и единственно-научное, а потому несомнѣнное, вѣря ему на слово, эти служители красоты *не вѣрятъ въ свое дѣло*. Какъ художники, они передаютъ намъ жизнь и душу природы, но при этомъ въ умѣ своемъ убѣждены, что она безжизненна и бездушна, что ихъ чувство и вдохновеніе ихъ обманываютъ, — что красота есть субъективная иллюзія. А на самомъ дѣлѣ иллюзія только въ томъ, что отраженіе ходячихъ мнѣній на поверхности ихъ сознанія принимается ими за нѣчто болѣе достовѣрное, чѣмъ та истина, которая открывается въ глубинѣ ихъ собственнаго поэтического чувства.

Понятно, что при такомъ невѣрїи самихъ поэтовъ въ свое дѣло простые смертные прїучаются смотрѣть на поэзію (и на художественную красоту вообще) какъ на праздный вымыселъ, и про всякую идею, возвышающуюся надъ житейскою плоскостью, говорятъ: «это только поэзія!» — разумѣя: «это вздоръ и пустяки!» И кто же въ самомъ дѣлѣ станетъ придавать серьезное значеніе тому божеству, въ которомъ сами его жрецы видятъ только прїятный вымыселъ?

Поэты, не вѣрящіе въ поэзію, у которыхъ умъ противорѣчитъ вдохновенію, и которые думаютъ, что истина есть только одна механика, — такіе поэты или должны быть неискренни, или же, отдаваясь поэтическому чувству, должны воздерживаться отъ всякой мысли, что не всегда возможно и не всегда полезно; когда же они начинаютъ разсуждать, у нихъ выходитъ отвлеченная и мертвая дидактика, вовсе не нуждающаяся въ «языкѣ боговъ». Тютчевъ былъ избавленъ отъ такого печальнаго положенія. Его умъ былъ вполне согласенъ съ вдохновеніемъ: поэзія его была полна сознанной мысли, а его мысли находили себѣ только поэтическое, т.-е. одушевленное и законченное выраженіе.

Дѣло поэзіи, какъ и искусства вообще, — не въ томъ, чтобы «украшать дѣйствительность прїятными вымыслами живого воображенія», какъ говорилось въ старинныхъ эстетикахъ, а въ томъ, чтобы воплощать въ *ощутительныхъ* образахъ тотъ самый высшій *смыслъ* жизни, которому философъ даетъ опредѣленіе въ разумныхъ понятіяхъ, который проповѣдуется моралистомъ и осуществляется историческимъ дѣятелемъ, какъ идея добра. Художественному чувству непосредственно открывается въ формѣ ошутительной красоты то же совершенное содержаніе бытія, которое философїей добывается какъ истина мышленія, а въ нравственной дѣятельности даетъ о себѣ знать, какъ безусловное требованіе совѣсти и долга. Это только различныя стороны или сферы проявленія одного и того же; между ними нельзя провести раздѣленія, и еще менѣе могутъ онѣ противорѣчить другъ другу. Если вселенная имѣетъ смыслъ, то двухъ противорѣчащихъ другъ другу истинъ — поэтической и научной, — такъ же не можетъ быть, какъ и двухъ исключających другъ друга

«высшихъ благъ», или цѣлей существованія. Слѣдовательно, правъ былъ нашъ поэтъ, когда прекрасное онъ сознательно принималъ и утверждалъ не какъ вымыселъ, а какъ предметную истину, и, чувствуя жизнь природы и душу міра, былъ убѣжденъ въ дѣйствительности того, что чувствовалъ.

Убѣжденіе въ истинности поэтического воззрѣнія на природу и вытекающая отсюда цѣльность творчества, гармонія между мыслью и чувствомъ, вдохновеніемъ и сознаніемъ, составляетъ преимущество Тютчева даже передъ такимъ значительнымъ поэтомъ-мыслителемъ, какъ Шиллеръ; но, разумѣется это не есть *исключительное* преимущество нашего поэта или специфическая особенность его поэзіи. И въ новой литературѣ далеко не всѣ поэты такъ довърчиво, какъ Шиллеръ, приняли механическое міровоззрѣніе, такъ легко усвоили дуализмъ Картезія или субъективизмъ Канта. Многие продолжали и продолжаютъ сознательно вѣрить въ дѣйствительность жизни и красоты, не видя въ этомъ никакого противорѣчія съ маятникомъ Галилея или закономъ тяготѣнія Ньютона. Между великими европейскими именами достаточно назвать Шелли въ Англіи и особенно Гёте въ Германіи. Гёте, который былъ не только поэтъ и мыслитель, но и великій естествоиспытатель, положившій начало двумъ интереснѣйшимъ наукамъ — сравнительной анатоміи животныхъ и морфологіи растений, — лучше, чѣмъ кто-либо другой, могъ видѣть всю недостаточность исключительно-механическаго объясненія вселенной, и въ цѣломъ рядѣ великолѣпныхъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Gott und Welt», онъ прославляетъ душу міра и жизнь природы.

Конечно, Тютчевъ не рисовалъ такихъ грандіозныхъ картинъ міровой жизни въ цѣломъ ходѣ ея развитія, какую мы находимъ у Гёте, напримѣръ, въ стихотвореніи: «Vertheilet euch durch alle Regionen»... Но и самъ Гёте не захватывалъ, быть можетъ, такъ глубоко, какъ нашъ поэтъ, *темный корень* мірового бытія, не чувствовалъ такъ сильно и не сознавалъ такъ ясно ту *таинственную основу всякой жизни*, — природной и человѣческой, — основу, на которой зиждется и смыслъ космическаго процесса, и судьба человѣческой души, и вся исторія человѣчества. Здѣсь Тютчевъ дѣйствительно является вполне своеобразнымъ и если не единственнымъ, то, навѣрное, самымъ сильнымъ во всей поэтической литературѣ. Въ этомъ пунктѣ — ключъ ко всей его поэзіи, источникъ ея содержательности и оригинальной прелести.

«Олимпіецъ» Гёте обнималъ своимъ орлинымъ взглядомъ величіе и красоту живой вселенной. Онъ зналъ, конечно, что этотъ свѣтлый, дневной міръ не есть первоначальное, что подъ нимъ скрыто совсѣмъ другое и страшное, но онъ не хотѣлъ останавливаться на этой мысли, чтобы не смущать своего олимпійскаго спокойствія. Но при такомъ одностороннемъ взглядѣ *смыслъ* вселенной не можетъ быть раскрытъ во всей своей глубинѣ и полнотѣ. Нашъ поэтъ оди-

наково чутокъ къ обѣимъ сторонамъ дѣйствительности; онъ никогда не забываетъ, что весь этотъ свѣтлый, дневной обликъ живой природы, который онъ такъ умѣетъ чувствовать и изображать, есть пока лишь «златотканый покровъ», расцвѣченная и позолоченная вершина, а не основа мірозданія:

На міръ таинственный духовъ,
Надъ этой бездной безыменной,
Покровъ наброшенъ златотканый
Высокой волею боговъ.
День — сей блистательный покровъ,
День — земнородныхъ оживленье,
Души болящей исцѣленье,
Другъ человѣковъ и боговъ!

Но меркнетъ день, настала ночь;
Пришла — и съ міра рокового
Ткань благодатную покрыва,
Собравъ, отбрасываетъ прочь...
И *бездна* намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ей и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна!

«День» и «ночь», конечно, только видимые символы двухъ сторонъ вселенной, которая могутъ быть обозначены и безъ метафоръ. Хотя поэтъ называетъ здѣсь темную основу мірозданія «бездной безыменной», но ему сказалось и собственное ея имя, когда онъ прислушивался къ напѣвамъ ночной бури:

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
Что значитъ странный голосъ твой,
То глухо-жалобный, то шумный?
Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ,
И роешь и взрываешь въ немъ
Порой неистовые звуки.

О, *страшныхъ* пѣсенъ сихъ не пой
Про *древній хаосъ*, про родимый!
Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смертной рвется онъ груди
И съ *безпредѣльнымъ* жаждетъ слиться...
О, бурь уснувшихъ не буди;
Подъ ними хаосъ шевелится!...

Хаосъ, т.-е. отрицательная безпредѣльность, зіяющая бездна всякаго безумія и безобразія, демоническіе порывы, возстающіе противъ всего положительнаго и должнаго — вотъ глубочайшая сущность міровой души и основа всего мірозданія. Космическій процессъ вводитъ эту хаотическую стихію въ предѣлы всеобщаго строя, подчиняетъ ее разумнымъ законамъ, постепенно воплощая въ ней идеальное содержаніе бытія, давая этой дикой жизни смыслъ и красоту. Но и введенный въ предѣлы всемірнаго строя, хаосъ даетъ о себѣ знать мятежными движеніями и порывами. Это присутствіе хаотическаго, ирраціональнаго начала въ глубинѣ бытія сообщаетъ различнымъ явленіямъ природы ту свободу и силу, безъ которыхъ не было бы и самой жизни и красоты. Жизнь и красота въ природѣ — это борьба и торжество свѣта надъ тьмою, но этимъ необходимо предполагается, что тьма есть дѣйствительная сила. И для красоты вовсе не нужно, чтобы темная сила была уничтожена въ торжествѣ міровой гармоніи: достаточно, чтобы свѣтлое начало овладѣло ею, подчинило ее себѣ, до извѣстной степени воплотилось въ ней, ограничивая, но не упраздняя ея свободу и противоборство. Такъ безбрежное море въ своемъ бурномъ волненіи *прекрасно*, какъ проявленіе и образъ мятежной жизни, гигантскаго порыва стихійныхъ силъ, введенныхъ,

однако, въ незаблемые предѣлы, не могущихъ расторгнуть общей связи мірозданія и нарушить его строя, а только наполняющихъ его движеніемъ, блескомъ и громомъ:

Какъ хорошо ты, о, море ночное, Здѣсь лучезарно, тамъ сизо-черно! Въ лунномъ сіяніи, словно живое, Ходить, и дышитъ, и блещетъ оно. На безконечномъ, на вольномъ просторѣ Блескъ и движеніе, грохотъ и громъ...	Тусклымъ сіяньемъ облитое море, Какъ хорошо ты въ безлюдьи ночномъ? Зыбь ты великая, зыбь ты морская! Чей это праздникъ такъ празднуешь ты? Волны несутся, гремя и сверкая, Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты...
--	---

Хаосъ, т.-е. само безобразіе, есть необходимый фонъ всякой земной красоты, и эстетическое значеніе такихъ явленій, какъ бурное море или ночная гроза, зависитъ именно оттого, что «подъ ними хаосъ шевелится». Въ изображеніи всѣхъ этихъ явленій природы, гдѣ яснѣе чувствуется ея темная основа, Тютчевъ не имѣетъ себѣ равныхъ:

Не остывшая отъ зною, Ночь іюльская блистала, И надъ тусклою землею Небо, полное грозой, Отъ зарницъ все трепетало.	Словно тяжкія рѣсницы Разверзались порою, И сквозь бѣглыя зарницы Чьи-то грозныя зѣницы Загорались надъ землею.
---	---

Этотъ поразительный образъ гениально заканчивается поэтомъ въ другомъ стихотвореніи:

..... Однѣ зарницы огневя, Воспламеняясь чередой, Какъ демоны глухонѣмые, Ведутъ бесѣду межъ собой. Какъ по условленному знаку, Вдругъ неба вспыхнетъ полоса,	И быстро выступаютъ изъ мраку Поля и дальніе лѣса! И вотъ опять все потемнѣло, Все стихло въ чуткой темнотѣ, Какъ бы таинственное дѣло Рѣшалось тамъ — на высотѣ...
---	--

Частныя явленія суть знаки общей сущности. Поэтъ умѣетъ читать эти знаки и понимать ихъ смыслъ. «Таинственное дѣло», заговоръ «глухонѣмыхъ демоновъ» — вотъ начало и основа всей міровой исторіи. Положительное, свѣтлое начало космоса сдерживаетъ эту темную бездну и постепенно преодолеваетъ ее. Въ послѣднемъ, высшемъ произведеніи мірового процесса — человѣкѣ — внѣшній свѣтъ природы становится внутреннимъ свѣтомъ сознанія и разума, — идеальное начало вступаетъ здѣсь въ новое, болѣе глубокое и тѣсное сочетаніе съ земною душою; но, соотвѣтственно этому, глубже раскрывается въ душѣ человѣка и противоположное, демоническое начало хаоса. Ту темную основу мірозданія, которую онъ чувствуетъ и видитъ во внѣшней природѣ подъ «златотканнымъ покровомъ» космоса, онъ находитъ и въ своемъ собственномъ сознаніи,

И въ чуждомъ, неразгаданномъ, ночномъ
Онъ узнаетъ *наслѣдье роковое.*

мое сознаніе, какъ форма, можетъ вмѣстить безконечное, то зачѣмъ же мнѣ искать другой формы? Очевидно, я долженъ быть не сверхъ-человѣкомъ, а только совершеннымъ человѣкомъ, т.-е. соответствующимъ въ дѣйствительности идеалу человѣчности.

Смыслъ человѣка есть онъ самъ, но только не какъ рабъ и орудіе злой жизни, а какъ ея побѣдитель и владыка. Если загадка мірового сфинкса разрѣшена явленіемъ природнаго человѣка, то загадка новаго сфинкса — души и любви человѣческой — разрѣшается явленіемъ духовнаго человѣка, дѣйствительнаго и вѣчнаго царя мірозданія, покорителя грѣха и смерти. И какъ первое явленіе разумнаго сознанія произошло въ природѣ и *изъ* природы, но *не отъ* природы, а отъ того разума, который изначала устроялъ самую природу для этого явленія и цѣлесообразно направлялъ естественный ходъ всемірнаго процесса, — подобнымъ образомъ и первое явленіе совершенной духовной жизни произошло въ человѣчествѣ и *изъ* человѣчества, но *не отъ* человѣчества, а отъ Того, Кто изначала вложилъ въ свой образъ и подобіе зародышъ высшаго совершенства, и какъ Грядущій приготавливалъ чрезъ всю исторію необходимыя условія своего дѣйствительнаго воплощенія.

Примкнуть къ «Вождю на пути совершенства», замѣнить роковое и убійственное наслѣдіе древняго хаоса духовнымъ и животворнымъ наслѣдіемъ новаго человѣка, или Сына человѣческаго, — первенца изъ мертвыхъ, — вотъ единственный исходъ изъ «злой жизни» съ ея кореннымъ раздвоеніемъ и противорѣчіемъ, — исходъ котораго не могла миновать вѣщая душа поэта:

О, вѣщая душа моя,
О, сердце полное тревоги,
О, какъ ты бьешься на порогѣ
Какъ бы двойного бытія!...
Такъ, ты — жилище двухъ міровъ:
Твой день — болѣзненный и страстный,

Твой сонъ — пророчески-неясный,
Какъ откровеніе духовъ...
Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя, —
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа на вѣкъ прильнуть...

«Роковое наслѣдіе» темныхъ силъ въ нашей душѣ не есть что-нибудь личное, оно одинаково принадлежитъ всему человѣчеству, — таково же и духовное наслѣдіе Христово: оно явилось не для одиночнаго утѣшенія отдѣльнаго человѣка, а для спасенія всего человѣчества. Но что такое это человѣчество, въ чемъ оно реально воплощается, гдѣ его дѣйствительное единство? На это у Тютчева былъ опредѣленный отвѣтъ, который я здѣсь только укажу, не оспаривая и не подтверждая его.

Какъ во всей природѣ нашъ поэтъ признавалъ живую душу, которою держится единство и цѣлость міра, подобнымъ же образомъ онъ признавалъ и живую душу человѣчества, и видѣлъ ее — въ Россіи. Какъ по словамъ одного учителя церкви, душа человѣческая *по природѣ* христіанка, такъ Тютчевъ считалъ Россію по природѣ христіанскимъ царствомъ. Такъ какъ смыслъ исторіи въ христіанствѣ, то Россія, какъ страна, по преимуществу, христіанская, призвана

внутренно обновить и внѣшнимъ образомъ объединить все человѣчество.

Для Тютчева Россія была не столько предметомъ любви, сколько вѣры — «въ Россію можно только вѣрить». Личныя чувства его къ родинѣ были очень сложны и многоцвѣтны. Было въ нихъ даже нѣкоторое отчужденіе, съ другой стороны — благоговѣніе къ религиозному характеру народа: «всю тебя, земля родная, — въ рабскомъ видѣ — Царь Небесный исходилъ, благословляя», — бывали въ нихъ, наконецъ, минутныя увлеченія самымъ обыкновеннымъ шовинизмомъ.

Тютчевъ не любилъ Россію той любовью, которую Лермонтовъ называетъ почему-то «странною». Къ русской природѣ онъ скорѣе чувствовалъ антипатію. «Сѣверъ роковой» былъ для него «сновидѣньемъ безобразнымъ»; родныя мѣста онъ прямо называетъ *не милыми*:

Итакъ, опять увидѣлся я съ вами,
Мѣста немилыя, хоть и родныя,
Гдѣ мыслилъ я и чувствовалъ впервые.

Ахъ, нѣтъ! не здѣсь, не этотъ край безлюдный
Быль для души моей родимымъ краемъ,
Не здѣсь расцвѣлъ, не здѣсь былъ величаемъ
Великій праздникъ молодости чудной!
Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ
То, чѣмъ я жить и чѣмъ я дорожилъ!...

Значить его вѣра въ Россію не основывалась на непосредственномъ органическомъ чувствѣ, а была дѣломъ сознательно выработаннаго убѣжденія. Первое, еще неопредѣленное, но зато высоко-поэтическое выраженіе этой вѣры онъ далъ еще въ молодости — въ прекрасномъ стихотвореніи: «На взятіе Варшавы». Въ своей борьбѣ съ братскимъ народомъ Россія руководилась не звѣрскими инстинктами, а только необходимостью «державы цѣлостъ соблюсти», для того, чтобы —

Славянъ родныя поколѣнья
Подъ знамя русское собрать
И вѣсть на подвигъ просвѣщенья
Единомысленную рать.
И это высшее созданье
Вело нашъ доблестный народъ;

Путей небесныхъ оправданье
Онъ смѣло на себя беретъ.
Онъ чуетъ надъ своей главою
Звѣзду въ незримой высотѣ,
И неуклонно за звѣзду
Идетъ къ таинственной мечтѣ.

Эта вѣра въ высокое призваніе Россіи возвышаетъ самого поэта надъ мелкими и злобными чувствами національнаго соперничества и грубаго торжества побѣдителей. Необычно у патріотическихъ пѣвцовъ гуманностью дышатъ заключительные стихи, обращенные къ Польшѣ:

Ты жъ, братскою стрѣлой пронзенный,
Судебъ свершая приговоръ,
Ты палъ, орелъ одноплеменный,
На очистительный костеръ!

Вѣрь слову русскаго народа:
Твой пепелъ мы свято бережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ Фениксъ возродится въ немъ!

Позже — вѣра Тютчева въ Россію высказывалась въ пророчествахъ болѣе опредѣленныхъ. Сущность ихъ въ томъ, что Россія сдѣлается всемірною христіанскою монархіей, —

...и перейдетъ во вѣкъ,
Какъ то провидѣлъ Духъ и Даніиль предрекъ.

Одно время условіемъ для этого великаго событія онъ считалъ соединеніе Восточной церкви съ Западною чрезъ соглашеніе Царя съ Папой, но потомъ отказался отъ этой мысли, находя, что папство несомвѣстимо со свободой совѣсти, т.-е. съ самою существенною принадлежностью христіанства.

Отказавшись отъ надежды мирнаго соединенія съ Западомъ, нашъ поэтъ продолжалъ предсказывать превращеніе Россіи во всемірную монархію, простирающуюся, по крайней мѣрѣ до Нила и до Ганга съ Царьградомъ, какъ столицей. Но эта монархія не будетъ, по мысли Тютчева, подобіемъ звѣринаго царства Навуходоносорова, — ея единство не будетъ держаться насиліемъ. По поводу извѣстнаго изреченія Бисмарка, Тютчевъ противопоставляетъ другъ другу *два единства*:

«Единство» — возвѣстилъ оракулъ нашихъ дней —
«Быть можетъ спасено желѣзомъ лишь и кровью»;
Но мы попробуемъ спаять его любовью, —
А тамъ увидимъ, что прочнѣй...

Великое призваніе Россіи предписываетъ ей держаться единства, основаннаго на духовныхъ началахъ; не гнилою тяжестью земного оружія должна она облечься, а «чистою ризою Христовою».

Надъ этой темною толпой
Непробужденнаго народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснетъ ли лучъ твой золотой?
Блеснетъ твой лучъ и оживить,
И сонъ разгонитъ и туманы...

Но старья, гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,
Растлѣныя душъ и пустота,
Что гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ...
Кто ихъ излѣчитъ, кто прикроетъ? —
Ты, риза чистая Христа...

Мнѣ остается только прибавить нѣсколько словъ, чтобы изъ патріотическихъ пророчествъ нашего поэта извлечь ихъ окончательный смыслъ.

Допустимъ, становясь на точку зрѣнія Тютчева, что Россія — душа человѣчества. Но, какъ въ душѣ природнаго міра, и въ душѣ отдѣльнаго человѣка свѣтлое духовное начало имѣетъ противъ себя темную хаотическую основу, которая еще не побѣждена, еще не подчинилась высшимъ силамъ, — которая еще борется за преобладаніе и влечетъ къ смерти и гибели, — точно такъ же, конечно, и въ этой собирательной душѣ человѣчества, т.-е. въ Россіи. Ея жизнь еще не опредѣлилась окончательно, она еще двоится, увлекаемая въ разныя стороны противоборствующими силами. Воплотился ли уже въ ней свѣтъ истины Христовой; спаяла ли она единство всѣхъ

своихъ частей любовью? Самъ поэтъ признаетъ, что она еще не покрыта ризою Христа.

Значить, — можно сказать поэту, — судьба Россіи зависитъ не отъ Царьграда и чего-нибудь подобнаго, а отъ исхода внутренней нравственной борьбы свѣтлаго и темнаго начала въ ней самой. Условіе для исполненія ея всемірнаго призванія есть внутренняя побѣда добра надъ зломъ въ ней, а Царьградъ и прочее можетъ быть только слѣдствіемъ, а никакъ не условіемъ желаннаго исхода. Пусть Россія, хотя бы безъ Царьграда, хотя бы въ настоящихъ своихъ предѣлахъ, станетъ христіанскимъ царствомъ въ полномъ смыслѣ этого слова — царствомъ правды и милости — и тогда все остальное, — навѣрное, — приложится ей.

Владимиръ Соловьевъ.

Тютчевъ, какъ поэтъ созерцатель.

Группа стихотвореній Тютчева, посвященныхъ изображенію, вѣрнѣе, одухотворенію природы, представляетъ нѣчто самобытное, рѣзко выдѣляющее этого художника изъ среды другихъ *dii minores* нашей поэзіи. Отъ проникнутаго непосредственнымъ созерцаніемъ стихотворенія «Весеннія воды» до строго продуманнаго гимна природѣ въ извѣстной пьесѣ «Не то, что мните вы, природа» поэтическое чувство Тютчева пережило немало перипетій; его серьезная, вдумчивая муза брала немало аккордовъ, извлекала много нѣжныхъ, тонкихъ звуковъ изъ этого вѣчно живого органа боговъ, вдохновлявшаго всѣхъ истинныхъ художниковъ. Тютчевъ стяжалъ себѣ славу одного изъ наиболѣе глубокихъ и отзывчивыхъ поэтовъ природы. Для него природа «не слѣпокъ, не бездушный ликъ».

Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Исканіе этой души природы, дѣлающее Тютчева, по выраженію одного изъ цѣнителей его поэзіи (Чешихина), «русскимъ пантеистомъ, точнѣе панпсихистомъ, налагаетъ рельефный отпечатокъ на все творчество этого симпатичнаго поэта. Не даромъ онъ сѣтуетъ о тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ мертва эта живая природа, этотъ *alter ego* человѣческаго духа.

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была.

Нельзя проще и лучше выразить все обаяніе этой таинственной, но близкой человѣку природы. Поэтъ постигаетъ ее не только въ цѣломъ, для него ясна не одна общая гармонія этой спутницы

поэта въ раскрытіи сущности жизни, ему одинаково близки и «кроткая улыбка увяданья», и «умильная, таинственная прелесть» осеннихъ вечеровъ, и ропоть лѣсныхъ исполиновъ, и «что-то радостно родное», что

Вѣтъ, свѣтится во всемъ.

«Все во мнѣ, и я во всемъ» — говоритъ этотъ созерцатель, такъ чутко постигающій «возвышенную стыдливость страданія» этой суровой и величественной для другихъ (напр. Тургенева) природы.

Для него

Обвѣянъ вѣщею дремотой,
Полураздѣтый лѣсъ грустить.
Гдѣ смертной жизни мѣста нѣтъ,
И легче и пустынно чище
Струя воздушная течеть,
Туда взлетая, духъ нѣмбѣтъ,

Лишь жизнь природы тамъ слышна,
И нѣчто праздничное вѣтъ,
Какъ дней воскресныхъ тишина.
На всемъ улыбка, жизнь на всемъ.
Мірѣ цвѣтущій, мірѣ природы
Избытковъ жизни упоень.

Въ этомъ избыткѣ жизни для нашего поэта открывается много родственнаго человѣческой душѣ. Его не плѣняютъ, какъ Майкова и Фета, свѣтлыя, яркія краски природы, ея блескъ и очарованіе; онъ по настроенію своей музы ближе къ А. Толстому и Полонскому, для которыхъ природа чувствуетъ и мыслить, говоритъ живымъ человѣческимъ языкомъ.

Тютчевъ тѣмъ болѣе склоненъ постигать не только «живой языкъ природы», но и проникающій ее духъ, что онъ, по самому существу своей натуры, далекъ отъ жизни, подчасъ совершенно чуждъ ей. Его тонкую, артистическую натуру пугаетъ «кругъ убійственныхъ заботъ». «Все мерзить; жизнь, какъ камней гряда, лежитъ на насъ».

Наиболѣе типичнымъ въ этомъ смыслѣ является его извѣстное стихотвореніе «Silentium», восхищавшее Ап. Григорьева.

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи!
Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?

Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!
Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй:
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушить наружный шумъ,
Дневные осѣнять лучи;
Внимай ихъ пѣнью и молчи!

Для Тютчева, любящаго грозу въ началѣ мая, одинаково веселье грохотъ лѣтнихъ бурь и тихій, томный, благовонный сумракъ, успокаивающій тревожныя думы. Пестрый калейдоскопъ жизни тяготитъ того, кому такъ близка, родственна природа, чья душа переживаетъ свои лучшія минуты на лонѣ этого друга поэтовъ. Отрѣшившись отъ индивидуализма и субъективности, свойственныхъ Полонскому, Плещееву, К. Р., Тютчевъ возвышается до той высоты художествен-

наго созерцанія, на которой исчезаютъ, по выраженію Тургенева, всё земныя суетности. Не даромъ онъ говоритъ о себѣ:

Душа моя — элизіумъ тѣней!
Тѣней безмолвныхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ...
Ни радостямъ ни горю не причастныхъ.
Душа моя — элизіумъ тѣней!
Что общаго межъ жизнью и тобою,
Межъ вами, призраки минувшихъ лучшихъ дней,
И сей безчувственной толпою?

Въ стихотвореніи Malagia поэтъ отрѣшается отъ обычныхъ чувствъ альтруизма въ угоду этой безпощадной, но законмѣрной природѣ. Его не смущаетъ, какъ Тургенева, равнодушно-безпощадное отношеніе природы къ человѣку; напротивъ, онъ, не стѣсняясь, говоритъ:

Люблю сей Божій гнѣвъ! Люблю сіе, незримо
Во всемъ разлитое, таинственное зло.

Въ пропитанной тлетворнымъ ядомъ природѣ поэтъ склоненъ искать

Предвѣстниковъ для насъ послѣдняго часа
И усладителей послѣдней нашей муки.

Впрочемъ, къ чести Тютчева нужно замѣтить, что это антипатичное по мысли стихотвореніе у него, можно сказать, единственное. Въ большинствѣ другихъ, наравнѣ съ любовью къ природѣ, проявляется и сочувствіе къ людямъ, особенно несчастнымъ и обездоленнымъ; наиболѣе извѣстное изъ нихъ «Пошли Господь свою отраду».

Несмотря на отчужденіе отъ людей, отъ жизни, презрѣніе къ буйной толпѣ, Тютчева нельзя назвать пессимистомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это названіе приложимо, напримѣръ, къ Баратынскому. Природа для него не представляетъ чего-либо похожего на неразгаданный сфинксъ, подавляющій смертнаго своимъ роковымъ величіемъ. Въ ея скрытой прелести, разнообразіи и своеобразной жизни поэтъ почерпаетъ отраду и бодрость духа. Сдержанный Тютчевъ подчасъ проникается даже тихимъ, фетовскимъ восторгомъ, какъ это показываетъ его извѣстное стихотвореніе «Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ», написанное вполне въ духѣ Фета.

Для Тютчева многосторонній Гёте, этотъ величайшій художникъ — пантеистъ, является

На древѣ человѣчества высокою
лучшимъ его листомъ.

Воспитанный его чистѣйшимъ сокомъ
Развить чистѣйшимъ солнечнымъ лучомъ,

Гёте при жизни

Пророчески бесѣдоваль съ грозюю
Иль весело съ зефирами играль...
И самъ собою палъ — какъ изъ вѣнка.

Сліяніе челоуѣка и природы въ лицѣ величайшаго генія поэта, облеченное въ форму своеобразнаго, красиваго сравненія, выражаетъ наиболѣе глубокую симпатію Тютчева, который въ образахъ природы, какъ и Пушкинъ, видѣлъ лучшее олицетвореніе жизни. Отзывъ поэзіи Баратынскаго на смерть творца Фауста производитъ совершенно иное впечатлѣніе. Въ немъ видно возвышеніе челоуѣка надъ міромъ этой живой природы, проникновеніе его духа въ тайны бытія. Мысль Тютчева не шла такъ далеко; она не раздвигала этихъ рамокъ, не отрывалась отъ окружающей дѣйствительности, то смѣло заглядывая въ будущее, то подводя философскіе итоги пережитому. Въ Тютчевѣ поклонникъ чистаго искусства бралъ верхъ надъ мыслителемъ. Образы природы для него были полны обаянія, проникнуты той чарующей прелестью, которая нашла себѣ счастливое выраженіе въ его поэзіи. Всѣ явленія природы, отъ самыхъ заурядныхъ до поражающихъ своею грандіозностью, находятъ въ Тютчевѣ тонкаго цѣнителя. Правда, въ смыслѣ мотивовъ, трактующихъ о природѣ, Тютчевъ бѣднѣе Фета, а по яркости красокъ и пластичности онъ стоитъ ниже Майкова, но неотъемлемое достоинство его поэзіи—ея искренность, простота, проникновеніе образа сознательною мыслью и свѣтлымъ чувствомъ. Въ изображеніи природы эти свойства чувствуются какъ-то сильнѣе. Тютчевъ мастеръ давать не особенно яркія, но вполне законченныя картины повседневныхъ явленій природы. Таковы стихотворенія «Восходъ солнца», «Утро въ горахъ», «Весенняя гроза», «Смотрю, какъ роцца зеленѣетъ», «Полдень», «Въ душномъ воздухѣ молчанье», «Есть въ осени первоначальной» и мн. др. Эти простыя вещи лучше всего знакомятъ насъ съ поэтическими приѣмами творчества Тютчева, чуждыми искусственности, рефлексіи, вытекающими изъ свойствъ души поэта. Тютчевъ въ нихъ вѣренъ своему взгляду на поэзію, выраженному въ одномъ изъ его лучшихъ стихотвореній. Изъ этихъ отдѣльныхъ образовъ при послѣдовательномъ перечитываніи стихотвореній получается художественная мозаика, довольно полно отражающая всю сумму образовъ и впечатлѣній природы. Особенно дороги Тютчеву моменты пробужденія и увяданія природы. Его извѣстныя стихотворенія, посвященныя веснѣ и осени, рисуютъ намъ непритязательное настроеніе отзывчиваго челоуѣка, способнаго любить и понимать природу. Гонцы молодой весны, будящіе сонный берегъ, молодые раскаты весенней грозы, хоробы тихихъ теплыхъ майскихъ дней, все это детали большой картины обновленія природы, генія жизни, по выраженію одного стараго поэта. Это «животворный океанъ» красокъ, звуковъ, неизвѣданныхъ чувствъ, столь цѣнимая Тютчевымъ полнота жизни. Весна

Свѣтла, блаженно-равнодушна!
Какъ подобаетъ божествамъ.

Она—отраженіе «божески-всемірной» жизни, врачующая людскія сердца. Это «прекрасное дитя» олицетворено Тютчевымъ и въ стихотвореніи, написанномъ народнымъ складомъ, противорѣчащимъ обыч-

Стихотворенія «Римъ ночью», «Альпы», «Ницца», «Женева», «Венеція» (последнее съ историческимъ колоритомъ) дополняютъ изображеніе юга. Волшебный міръ съ грозными и туманными, словно падшіе цари, Альпами, лазурная гладь женевскихъ водъ, ледяныя выси, играющія съ лазурью неба огневой, такими красками рисуется у Тютчева обаяніе южной природы.

Впечатлѣніями юга навѣяно и извѣстное стихотвореніе Тютчева «Какъ хорошо ты, о море ночное». Поразительная краса водной стихіи, вызвавшая шедевры Пушкина и Байрона, Гейне и Полежаева, плѣнила и Тютчева; обаяніе моря въ его безконечномъ просторѣ, блескъ, движеніи, грохотѣ валовъ и шумѣ волнъ неотразимо вліяютъ на душу поэта, потопляетъ ее въ этомъ волненіи, въ этомъ сіяніи. Плаваніе по тихому морю въ звѣздную ночь полно такой же прелести, какъ и созерцаніе освѣщеннаго луной моря (стих. «Плаваніе»). Вообще пробужденіе водной стихіи знаменуетъ для поэта «смертной мысли водометъ, водометъ неотразимый». Въ изящномъ стихотвореніи «Фонтанъ» проводится мысль о тщетѣ человѣческихъ духовныхъ стремленій, подчиненныхъ неизбѣжнымъ роковымъ законамъ. Сливающіяся съ роковой бездною, безразличныя, какъ стихія, льдины служатъ эмблемой оболъщенія нашей мысли, нашего «человѣческаго я».

Подъ вліяніемъ близости къ природѣ въ душѣ поэта развивается своего рода фатализмъ, слабое довѣріе къ силамъ и способностямъ человѣка; выраженіемъ этого безсилія ума и воли, подавляемыхъ внѣшними силами, является небольшое восьмистишіе, которое можетъ быть разсматриваемо, какъ своего рода поэтическое исповѣданіе Тютчева. Приводимъ его.

Не разсуждай, не хлопочи...
Безумство ищеть, глупость судить;
Дневныя раны сномъ лѣчи,
А завтра быть тому, что будетъ.

Живя, умѣй все пережить:
Печали, радость и тревогу.
Чего жалѣть, о чемъ тужить?
Вѣдь день прошелъ — и слава Богу.

Выводъ безотрадный, но неизбѣжный для того, кто видитъ въ человѣкѣ и его могучей мысли лишь слабое отраженіе игры «внѣшнихъ тайныхъ силъ», кто, какъ нашъ поэтъ, склоненъ признавать

Тотъ же все вѣчный прибой и отбой,
Тотъ же все призракъ тревожно пустой,

въ тѣсномъ сердцѣ и въ безбрежномъ морѣ видѣть проявленія одной стихіи въ смѣнѣ думъ и волнъ:

Судьба, какъ вихрь, людей мятеть,

таковъ выводъ поэзіи Тютчева.

Эстетики художественнаго пантеизма нужно искать у Тютчева въ группѣ стихотвореній, посвященныхъ изображенію ночи, звѣзднаго неба, обаянія ночной тишины, плѣнявшей столько поэтовъ.

Въ стихотвореніи «День вечерѣть, ночь близка» поэтъ говоритъ, что въ царствѣ ночныхъ волшебныхъ призраковъ

благодатная будетъ тѣнь
для очарованной души.

«Римъ ночью», «Ночные голоса», «О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной», «Святая ночь на небосклонѣ взошла», «Видѣніе», «Ночное небо такъ угрюмо» и др. стихотворенія объединены одною мыслью — вліяніемъ этой таинственной поры на душу поэта. Тотъ же тонъ слышенъ у Полонскаго въ его страстномъ томленіи, въ обращеніи къ ночи, лунному свѣту, звѣздамъ; но у Полонскаго эти мотивы относятся къ ранней порѣ творчества. У Тютчева они составляютъ одинъ изъ основныхъ мотивовъ его поэзіи. Иногда поэтъ пугаетъ эта темная бездна:

День отраднѣе, день любезнѣе,
Какъ золотой коверъ. . .
. накинутый надъ бездною,

смѣняется ночью.

И, какъ видѣнье, внѣшній міръ ушелъ...
И человѣкъ, какъ сирота бездомный,
Стоитъ теперь и немощенъ и голъ.
Лицомъ къ лицу предъ этой бездною темной.
И чудится давно минувшимъ сномъ
Теперь ему все свѣтлое, живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ ночномъ
Онъ узнаетъ наслѣдье роковое.

«Ночь хмурая, какъ звѣрь стоокій», не можетъ уничтожить обаянія ночныхъ голосовъ въ царствѣ волшебныхъ призраковъ. Поэту

не страшень мракъ ночной,
Не жаль скудѣющаго дня.

«Часы всемірнаго молчанья», «оный часъ явленій и чудесъ», когда

Живая колесница мірозданья
Открыто катится въ святилищѣ небесъ,
полонъ таинственнаго величія.

Музы дѣвственную душу
Въ пророческихъ тревожатъ боги снахъ.

Вѣчныя звѣзды Лермонтова, Гейне и Фета у Тютчева однѣ освѣщаютъ юдоль земного существованія, напоминая о другомъ высшемъ мірѣ. Для поэта

Таинственно, какъ въ первый день созданья,
Въ бездонномъ небѣ звѣздный сонмъ горитъ.
Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины,

освѣщая уснувшій городъ.

Въ черномъ выпречнемъ предѣлѣ
Звѣзды яркія горѣли,
Отвѣчая смертнымъ взглядамъ
Непорочными лучами.

Эта тѣсная связь между вѣчными міровыми свѣтилами и душой человѣка прекрасно выражена въ стихотвореніи «Душа хотѣла бѣ бытъ звѣздой».

Порываніе смертнаго къ безконечному на лонѣ природы находитъ свое выраженіе въ созерцаніи этихъ дивныхъ «свѣточей неба», идеальная красота и величіе которыхъ такъ художественно изображены Фетомъ, Хомяковымъ и К. Р. У Тютчева есть олицетвореніе Россіи въ изображеніи звѣзды, скрывающейся за туманомъ. Эта звѣзда для него не оптический обманъ, не пустой и ложный метеоръ; она такъ же близка его душѣ, какъ и величественный закатъ жизни и поэзіи Жуковского, который Тютчевъ сравниваетъ съ звѣздами.

Я видѣлъ вечеръ твой: онъ былъ прекрасен!
..... и тихъ и ясенъ
И весь насквозь проникнуть теплотой...
О, какъ они и грѣли и сіяли—
Твои, поэтъ, прощальные лучи...
А между тѣмъ замѣтно выступали
Ужъ звѣзды первыя въ его ночи.

Для поэта чувство и мечты всходятъ и заходятъ въ душевной глубинѣ,

Какъ звѣзды ясныя въ ночи.

Проникнутый чувствомъ духовнаго общенія съ природой, отзывчивый на ея явленія, Тютчевъ долженъ былъ смотрѣть сквозь дымку художественнаго пантеизма. Неизбѣжный для мыслящаго поэта антагонизмъ съ жизнью выливается у Тютчева въ болѣе мягкія симпатичныя формы раздумья надъ происходящимъ вокругъ или сочувствія къ страждущимъ въ жизни людямъ. Мягкая натура поэта исключила проявленіе какихъ-либо рѣзкихъ выраженій чувства недовольства. Самъ Тютчевъ говоритъ о себѣ:

Я слышалъ утреннія грезы
Лишь пробудившагося дня.
Но позднія, живыя грозы
Но взрывъ страстей, но страсти слезы...
Нѣтъ это все не для меня.

Примиреніе съ жизнью такой поэтъ, какъ Тютчевъ, находитъ не въ одной природѣ. Для него открытъ и внутренній міръ, область чувствъ. Въ приведенномъ выше стихотвореніи «Silentium» поэтъ раскрываетъ предъ нами этотъ «міръ таинственно волшебныхъ думъ»:

это, съ одной стороны, «Элизіумъ тѣней, безмолвныхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ», съ другой — стремленіе къ совершенству и цѣльности бытія (ст. «Я зналъ ее еще тогда»). «Злая жизнь съ ея мятежнымъ жаромъ» заставляетъ сказать

Прости всему, чѣмъ сердце жило,

Круковский.

Поэзія Тютчева, какъ выразительница внутренняго міра поэта.

Обращаясь къ своему внутреннему міру, Тютчевъ такъ опредѣляетъ его свойства:

О, вѣщая душа моя,
О, сердце, полное тревоги,
О, какъ ты бьешься на порогѣ
Какъ бы двойного бытія!...

Это «жилище двухъ міровъ»

не выстрадаетъ счастья,
Но можетъ выстрадать себя.

Въ прекрасныхъ отзывчивыхъ душахъ соединяется «земное очарованіе и неземная благодать». Поэтому ихъ страданіе вызываетъ въ лирѣ Тютчева трогательные, глубоко прочувствованные аккорды тихой грусти. Въ прекрасномъ стихотвореніи «Слезы» поэтъ постигаетъ всю глубину скрытаго человѣческаго горя. Стихотворенія на случай или же посвященные извѣстнымъ поэту лицамъ носятъ на себѣ яркій слѣдъ этого благороднаго, чуткаго альтруизма («Когда на то нѣтъ Божьяго согласья», «Memento», «При посылкѣ новаго завѣта», «Какъ неразгаданная тайна»); Сочувствіе тѣмъ,

Чья душа такъ царственно свѣтла,
Кто до конца сберегъ ее живую,

придаетъ поэзіи Тютчева особую духовную силу. Обращаясь къ одной изъ подвижницъ жизненной борьбы, Тютчевъ преклоняется предъ нею за то, что она

не измѣнила
Ни правдъ сердца ни себѣ.
Ты была съ мужествомъ немногихъ.

говорить онъ, —

И въ этомъ роковомъ бою
Изъ испытаній самыхъ строгихъ
Всю душу вынесла свою.

строение возникает въ немъ очень рано. Еще въ 1820 годахъ онъ пишетъ:

Сумракъ тихій, сумракъ сонный,
Лета въ глубь моей души,
Тихій, томный, благовонный
Все залей и утиши.

Чувства мглой самозабвенья
Переполни черезъ край,
Дай вкусить уничтоженья,
Съ міромъ дремлющимъ смѣшай¹⁾.

Быть-можетъ, сначала эта тоска была лишь временной реакціей молодости и жизни; однако она потомъ переходитъ у Тютчева въ то особое пессимистическое душевное настроеніе, съ оттѣнкомъ «міровой скорби», которое такъ свойственно нѣкоторымъ представителямъ нашей литературы, напримѣръ, Тургеневу. Поэтъ тяготится томительнымъ, однообразнымъ ходомъ своей жизни; онъ чувствуетъ себя одинокимъ:

Какъ надъ горячей золой
Дымится свитокъ и сгораетъ,
И огонь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожираетъ:
Такъ грустно тлится жизнь моя
И съ каждымъ днемъ уходитъ дымомъ:

Такъ постепенно гасну я
Въ однообразьи нестерпимомъ...
О, небо, если бы хоть разъ
Сей пламень развился на волѣ,
И, не томясь, не мучась долѣ
Я просіялъ бы — и погасъ²⁾.

Душа моя — элизіумъ тѣней,
Тѣней безмолвныхъ, свѣтлыхъ и пре-
красныхъ,
Ни замысламъ години буйной сей
Ни радостямъ ни горю не причастныхъ.

Душа моя, элизіумъ тѣней,
Что общаго межъ жизнью и тобою?
Межъ вами, призраки минувшихъ луч-
шихъ дней,
И сей безчувственной толпой³⁾?

Это же настроеніе приводитъ Тютчева и къ созданію стихотворенія *Silentium*, одного изъ перловъ нашей лирической поэзіи, въ которомъ съ замѣчательною яркостію выразилось и субъективное настроеніе поэта, гордаго въ своемъ одиночествѣ, и мысль о непреходимости того предѣла, который положенъ между душевнымъ настроеніемъ и обычными, хотя бы и самыми совершенными способами его выраженія:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои!
Пукай въ душевной глубинѣ
Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй:
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ;

И веходятъ и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи!
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!
Ихъ заглушить наружный шумъ,
Дневные ослѣпять лучи:
Внимай ихъ пѣнью и молчи⁴⁾.

¹⁾ Ibid. 29.

²⁾ Ibid. 93.

³⁾ Ibid. 110.

⁴⁾ Ibid. 103—104.

Однако въ этомъ настроеніи есть и своеобразное наслажденіе для поэта — правда, эгоистическое. Противоположны ему являются такія стихотворенія Тютчева, гдѣ онъ проникается чужимъ страданіемъ, чувствуетъ своимъ сердцемъ чужую горькую долю:

Слезы людскія, о слезы людскія,	Неистошимыя, неисчислимыя,
Льетесь вы ранней и поздней порой,	Льетесь какъ льются струи дождевыя
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,	Въ осень глухую, порою ночью ¹⁾ .

Сюда же относится и великолѣпное стихотвореніе «Пошли, Господь, свою отраду», въ которомъ красота наслажденія соперничаетъ съ глубиной чувства²⁾.

Пятуховъ.

Художественные приемы въ изображеніи природы Тютчева.

Въ творествѣ Тютчева можно различать двѣ струи: одну — *аполлоновскую*, свѣтлую, жизнерадостную, отражающую жизнь такъ, какъ она представляется острому и ясному взору художника; другую — *діонисійскую*, бьющую темной и кипучей волной изъ самыхъ нѣдръ души поэта, полную мистическихъ, прозрѣній и холоднаго ужаса. Вотъ эта вторая струя и составляетъ истинную основу творческой индивидуальности Тютчева, его право на совершенно особое, самостоятельное мѣсто среди русскихъ поэтовъ. Откиньте произведенія, въ которыхъ сказалось вѣяніе діонисійскаго начала, и поэзія Тютчева лишится самаго яркаго признака своей самобытности. Этимъ мы, однако, нисколько не хотимъ умалить художественной цѣнности другихъ его произведеній, проникнутыхъ аполлоновскимъ духомъ: мы хотимъ только сказать, что не въ нихъ нужно искать самаго интимнаго, что придаетъ Тютчеву ярко-опредѣленную и оригинальную фizioномію, что рѣзко выдѣляетъ его среди другихъ русскихъ поэтовъ.

Аполлоновское начало въ творествѣ Тютчева сказывается преимущественно въ его чисто-художественныхъ пьесахъ, въ которыхъ поэтъ ограничивается изображеніемъ внѣшняго міра или своихъ внутреннихъ переживаній, не пытаясь проникнуть въ интимную сущность этихъ явленій. Напротивъ того, діонисійскимъ духомъ отмѣчены именно тѣ лирическія произведенія Тютчева, которыя носятъ философскій характеръ, въ которыхъ онъ выступаетъ, какъ мыслитель, какъ искатель истины, пытающійся заглянуть въ запредѣльныя глубины міровой жизни и человѣческой души.

Остановимся прежде всего на пьесахъ первой категоріи, въ которыхъ Тютчевъ остается въ предѣлахъ чисто художественной за-

¹⁾ Ibid. 166.

²⁾ Ibid. 177—178.

дачи. Въ свою очередь эти пьесы могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: къ первой принадлежатъ пьесы объективнаго характера, въ которыхъ поэтъ даетъ отдѣльныя картинки природы, при чѣмъ его собственная личность какъ бы скрывается за изображаемой дѣйствительностью; ко второй группѣ относятся стихотворенія съ преобладаніемъ субъективнаго элемента, въ которыхъ поэтъ выражаетъ свои чувства или опредѣляетъ свое личное отношеніе къ явленіямъ внѣшняго міра.

Примѣры чисто объективнаго изображенія природы въ поэзіи Тютчева довольно многочисленны. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, что и самое отношеніе поэта къ природѣ носило характеръ объективности въ гораздо большей степени, чѣмъ, напр., отношеніе къ ней Лермонтова, для котораго внѣшній міръ служилъ главнымъ образомъ фономъ для изображенія личныхъ чувствъ и настроеній, громаднымъ резонаторомъ, отражавшимъ біеніе его собственнаго сердца. Для Лермонтова природа, была спасительнымъ при- бѣжищемъ, куда онъ уходилъ отъ скорбей жизни отъ чело- вѣческой пошлости и злобы, отъ внутреннихъ страданій и разочарованій. Для Тютчева же природа была близка и дорога сама по себѣ, безотносительно къ его собственному я, къ его личной ду- шевой жизни. Оттого, въ то время, какъ пейзажи Лермонтова боль- шею частью являются субъективно окрашенными и выдаютъ присут- ствіе самого поэта въ изображенной имъ картинѣ, — Тютчевъ достигаетъ иногда въ своихъ поэтическихъ пейзажахъ почти полной объективности, — насколько вообще возможна объективность въ ху- дожественномъ творчествѣ, гдѣ самый выборъ предмета, его освѣ- щеніе, расположеніе деталей, характеръ изобразительныхъ средствъ (эпитетовъ, метафоръ и проч.) являются показателями индивидуаль- ныхъ особенностей каждаго поэта.

Приведемъ нѣсколько образцовъ этой объективной манеры воспроизведенія природы. Такова, напр., картина ранняго утра въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Не двинулась ночная тѣнь,	А небо такъ еще всецѣло
Высоко въ небѣ мѣсяць свѣтитъ,	Ночнымъ сіяетъ торжествомъ...
Царитъ себѣ — и не замѣтитъ,	Но не пройдетъ двухъ-трехъ мгновеній,
Что ужъ родился юный день,	Ночь испарится надъ землей, —
Что хоть лѣнливо и несмѣло	И въ полномъ блескѣ проявленій,
Лучъ возникаетъ за лучомъ —	Насъ вдругъ охватитъ міръ дневной.

Тотъ же моментъ пробужденія природы отъ ночного сна изоб- раженъ и въ стихотвореніи «Восходъ солнца»: повсюду царитъ предразсвѣтное «чуткое молчанье», въ которомъ чудится какое-то смутное ожиданье... — «Еще въ туманѣ лѣсъ и доли, спятъ города и дремлютъ селы», — но уже въ небѣ занимается утро и, «словно скрытной страстью рдѣя», разгорается на немъ багровая полоса:

Еще минута, — и во всей
 Неизмѣримости эфирной
 Раздастся благовѣсть всемірный
 Побѣдныхъ солнечныхъ лучей...

Противоположная картина,—холодный, вѣтреный закатъ изображенъ въ слѣдующей пьесѣ, съ другимъ, болѣе короткимъ, какъ бы порывистымъ, хорейскимъ ритмомъ. Обращаетъ на себя вниманіе также обиліе въ ней *красочныхъ* эпитетовъ, воспроизводящихъ непосредственное зрительное впечатлѣніе и придающихъ всей пьесѣ особенную колоритность.

Подъ дыханьемъ непогоды,
Вздувшись, потемнѣли воды
И подернулись свинцомъ;
И сквозь глянецъ ихъ суровый
Вечеръ пасмурно-багровый
Свѣтитъ радужнымъ лучомъ,

Сыплетъ искры золотыя,
Сѣтъ розы огневая—
И уноситъ ихъ потокъ.
Надъ волной темнолазурной
Вечеръ пламенный и бурный
Обрываетъ свой вѣнокъ.

Вотъ другой «эюдъ съ натуры», являющійся какъ бы программой для цѣлой картины («Успокоеніе»):

Гроза прошла. Еще курясь, лежалъ
Высокій дубъ, перунами сраженный,
И сизый дымъ съ вѣтвей его бѣжалъ
По зелени, грозой освѣженной;

А ужъ давно звучнѣе и полнѣй
Пернатыхъ пѣснь по роцѣ раздалася,
И радуга концомъ дуги своей
Въ зеленыя вершины уперлася!..

Чисто живописнымъ характеромъ отличается и небольшая пьеса «Утро въ горахъ», носящая помѣту: Зальцбургъ, 1830 г.:

Лазурь небесная смѣтается,
Ночной омытая грозой,
И между горъ росисто вьется
Долина свѣтлой полосой.

Лишь высшихъ горъ до половины
Туманы покрываютъ скать,
Какъ бы воздушныя руины
Волшебствомъ созданныхъ палатъ.

Всѣ приведенныя стихотворенія отличаются своей строгой объективностью. Самъ поэтъ какъ бы скрывается за нарисованной имъ картиной, ничѣмъ не выдавая собственнаго настроенія. Какъ мы уже отмѣчали выше, изображенія природы у Тютчева особенно богаты чисто-живописными элементами, заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ яркихъ зрительныхъ образовъ, передающихъ намъ непосредственное *оптическое* впечатлѣніе. Форма, окраска, движеніе — вотъ тѣ элементы внѣшняго міра, которые преимущественно улавливаются и воспроизводятся Тютчевымъ въ его поэтическихъ пейзажахъ. Тютчевъ отъ природы былъ одаренъ замѣчательной способностью *видѣть*, особенной остротой зрѣнія; благодаря этому дару художественной наблюдательности, отъ него не ускользали даже мимолетныя, мелочныя впечатлѣнія дѣйствительности, при помощи которыхъ онъ иногда двумя-тремя штрихами умѣлъ создавать цѣлую картину, полную свѣта, жизни и движенія.

Своей объективностью и наглядностью пейзажи Тютчева отчасти напоминаютъ художественные приемы Пушкина. Но у послѣдняго картины природы отличаются своей широтой и слагаются обыкновенно изъ совокупности многихъ типическихъ признаковъ, характеризующихъ то или другое явленіе природы (вспомнимъ его «Осень»

и картины природы въ «Евг. Онѣгинѣ»). Пейзажи Пушкина нерѣдко совмѣщаютъ въ себѣ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ моментовъ, и потому представляются протяженными не только въ пространствѣ, но и во времени; такъ, напр., въ своей картинѣ осени въ 4-й главѣ «Евг. Онѣгина» Пушкинъ въ своемъ изображеніи связываетъ въ одно цѣлое отдѣльныя типическія черты русской осени, которыя въ дѣйствительности являются разрозненными и разновременными. Напротивъ того, Тютчевъ, при изображеніи природы, обыкновенно сосредоточиваетъ свое вниманіе на одномъ избранномъ моментѣ, и благодаря такому сосредоточенію, пейзажи его приобрѣтаютъ характеръ особенной законченности, а обиліе мѣтко схваченныхъ деталей придаетъ имъ яркую наглядность, какъ это мы видимъ, напр., въ извѣстномъ стихотвореніи, изображающемъ картину лѣтней грозы:

Какъ весель грохотъ лѣтнихъ бурь,	Какъ подъ незримою пятой
Когда, взметая прахъ летучій,	Лѣсные гнутся исполины;
Гроза нахлынувшая тучей	Тревожно ропщутъ ихъ вершины,
Смутитъ небесную лазурь,	Какъ совѣщаясь межъ собой;
И опрометчиво-безумно	И сквозь внезапную тревогу
Вдругъ на дубраву набѣжить,	Немолчно слышенъ птичій свистъ,
И вся дубрава задрожитъ	И кой-гдѣ первый желтый листъ,
Широколиственно и шумно!	Крутясь, слетаетъ на дорогу...

Этотъ желтый листъ, «крутясь» слетающій на дорогу, — мастерской заключительный штрихъ, завершающій всю картину и придающій ей яркую жизненность. Подобную же мѣткость художественнаго наблюденія и наглядность изображенія находимъ мы и въ стихотвореніи: «Гроза дорогой», гдѣ также точность рисунка сочетается съ полной объективностью:

Неохотно и несмѣло	Пламень бѣглый и летучій
Солнце смотритъ на поля...	Окаймилъ ея края.
Чу! за тучей прогремѣло.	Чаще капли дождевыя,
Принахмурилась земля.	Вихремъ пыль летитъ съ полей,
Вѣтра теплаго порывы,	И раскаты громовые
Дальній громъ и дождь порой...	Все сердитѣй и смѣлѣй.
Зеленѣющія нивы	Солнце разъ еще взглянуло
Зеленѣе подъ грозой.	Исподлобья на поля,
Вотъ пробилась изъ-за тучи	И въ сѣяньи потонула
Синей молніи струя;	Вся смятенная земля.

Однако, при всей своей объективности, Тютчевскія картины природы вовсе не производятъ впечатлѣнія чего-то безстрастнаго и равнодушнаго. Всѣ онѣ проникнуты той скрытой теплотою чувства, которая придаетъ всѣмъ истинно-художественнымъ созданіямъ ихъ неотразимую силу воздѣйствія на душу читателя. Къ числу лучшихъ образцовъ объективной лирики Тютчева принадлежит его извѣстное стихотвореніе, посвященное изображенію ранней осени:

Есть въ осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоитъ какъ бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Гдѣ бодрый серпъ гулялъ и падалъ колось,
 Теперь ужъ пусто все — просторъ вездѣ;
 Лишь паутины тонкій волосъ
 Блеститъ на празднои бороздѣ.
 Пустѣтъ воздухъ, птицъ не слышно болѣ;
 Но далеко еще до первыхъ зимнихъ бурь,
 И льется чистая и теплая лазурь
 На отдыхающее поле.

Стихотвореніе это очень типично для Тютчевской манеры изображенія природы. Объективность, полная простота, точность и мѣткость эпитетовъ, иногда совершенно неожиданныхъ («хрустальный» день), умѣнье схватить мелкую, но характерную для изображаемаго момента черту («паутины тонкій волосъ») и, вмѣстѣ съ тѣмъ, передать и общее впечатлѣніе, — чувство свѣтлаго спокойствія, безмятежной покорности, — вотъ главнѣйшія черты, характеризующія художественные приемы Тютчева. Линіи его рисунка удивительно просты и благородны, краски не ярки, но мягки и прозрачны, и вся пьеса производитъ впечатлѣніе мастерской акварели, тонкой и изящной, ласкающей глазъ гармоническимъ сочетаніемъ красокъ.

Замѣчательная воспримчивость Тютчева къ впечатлѣніямъ внѣшняго міра обнаруживается также въ томъ совершенствѣ, съ которымъ онъ умѣетъ сжиться съ природой, прочувствовать и передать настроеніе, разлитое въ ней, не примѣшивая къ нему никакого субъективнаго оттѣнка, — передать то, что нѣмцы называютъ *reine Naturstimmung*. Тишиной и прохладой лѣтней ночи вѣетъ отъ этихъ задумчиво-спокойныхъ стиховъ:

Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ	Усыпительно-безмолвны,
Какъ на небѣ звѣзды рдѣютъ!	Какъ блещутъ во тьмѣ ночной
Какъ подъ сумрачнымъ ихъ свѣтомъ	Золотистыя ихъ волны,
Нивы дремлющія зрѣютъ...	Убѣленные луной!

Ощущеніемъ спокойной и удовлетворенной полноты жизни проникнуто стихотвореніе «Полдень»:

Лѣниво дышитъ полдень мгlistый;	И всю природу, какъ туманъ,
Лѣниво катится рѣка;	Дремота жаркая объемлетъ;
И въ тверди, пламенной и чистой,	И самъ теперь великій Панъ
Лѣниво таютъ облака.	Въ пещерѣ нимфъ спокойно дремлетъ.

Объ эти пьесы воспроизводятъ настроеніе *тишины въ природѣ*, но въ обоихъ уловлены разные моменты, и поэтому производимое ими впечатлѣніе различно. Вообще тишина въ природѣ, не менѣе чѣмъ жизнь и движеніе въ ней, можетъ имѣть разнообразный характеръ: тишина цвѣтущей долины и покой лунной ночи, затишье на морѣ и молчанье горныхъ высей, дремота стоячихъ болотныхъ водъ и безмолвіе туманнаго утра, — во всѣхъ этихъ случаяхъ одинъ и тотъ же мотивъ тишины въ природѣ носитъ различный оттѣнокъ и вызываетъ различное настроеніе. Такъ и у Тютчева, на ряду съ при-

веденными пьесами, можно указать и другія, которыя также изображают тишину въ природѣ, но носятъ уже другой отпечатокъ; таково, напр., стихотвореніе: «Есть въ осени первоначальной...», въ которомъ съ такимъ искусствомъ передано настроеніе яснаго осенняго дня. Еще инымъ, болѣе торжественнымъ характеромъ, отмѣчена тишина лѣтняго дня, въ рамкѣ горнаго пейзажа, въ стихотвореніи, носящемъ помѣту: Ротенбургъ 1837 г.

Надъ виноградными холмами
Плывутъ золотыя облака;
Внизу зелеными волнами
Шумитъ померкшая рѣка.
Взоръ постепенно изъ долины
Подъемаясь, всходитъ къ высотамъ
И видитъ на краю вершины,
Круглообразный, свѣтлый храмъ.

Тамъ въ горнемъ, неземномъ жилищѣ,
Гдѣ смертной жизни мѣста нѣтъ,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течетъ.
Туда взлетая, звукъ нѣмѣетъ,—
Лишь жизнь природы тамъ слышна,
И нѣчто праздничное вѣетъ,
Какъ дней воскресныхъ тишина.

Другимъ настроеніемъ проникнута картина, въ которой съ замѣчательнымъ мастерствомъ уловлена жуткая тишина, царящая ночью въ лѣсу, полная какого-то зловѣщаго молчанія и притаившихся ужасовъ:

Песокъ сыпучій по колѣни.
Мы ѣдемъ; поздно, меркнетъ день;
И сосенъ по дорогѣ тѣни
Уже въ одну слилися тѣнь.

Чернѣй и чаще боръ глубокой...
Какія грустныя мѣста!
Ночь хмурая, какъ звѣрь стоокій,
Глядитъ изъ каждаго куста¹⁾.

Въ этомъ стихотвореніи уже чувствуется присутствіе субъективнаго элемента: то настроеніе ночной жути, которымъ оно проникнуто, въ сущности, передаетъ впечатлѣніе, какое производитъ данный моментъ и окружающая обстановка на душу человѣка; впечатлѣніе это проецируется во внѣ, а послушное воображеніе создаетъ образы, въ которыхъ это настроеніе конкретно воплощается («ночь — звѣрь стоокій»).

Вообще стихотвореній съ субъективнымъ содержаніемъ у Тютчева значительно больше, чѣмъ чисто-объективныхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ этотъ субъективный элементъ сказывается въ отдѣльныхъ намекахъ, въ характеристическихъ эпитетахъ, въ общемъ тонѣ. Въ другихъ личность поэта, его чувства и настроенія выдвигаются на первое мѣсто, а картины природы служатъ лишь поводомъ для ихъ про-

¹⁾ Аналогичный образъ находимъ мы у Лермонтова:

И миллионномъ черныхъ глазахъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста. (Мцыри.)

Быть можетъ, это совпаденіе у обоихъ поэтовъ объясняется бессознательной реминисценціей одного мѣста изъ Гётевскаго стихотворенія «Willkommen und Abschied»:

...Wo Fiesterniss aus dem Cesträuche
Mit hundert schwarzen Augen sah.

явленія. Большой интересъ представляютъ тѣ пьесы Тютчева, въ которыхъ поэтъ самъ опредѣляетъ свое отношеніе къ природѣ, говорить о характерѣ того чувства, которое связывало его съ ней. Чувство природы отличалось у Тютчева гораздо большей силой и интимностью, чѣмъ у Пушкина и даже у Лермонтова. Онъ любилъ ее глубокой и безотчетной любовью, основанной на органическомъ, непосредственномъ влеченіи. Тютчевъ самъ хорошо сознавалъ это свойство своей натуры, — ея тяготѣніе къ природѣ, къ *земному* міру. Въ одномъ изъ раннихъ своихъ стихотвореній (конца 20-хъ г.) онъ говоритъ:

Нѣтъ, моего къ тебѣ пристрастья
Я скрыть не въ силахъ, мать-земля!
Духовъ безплотныхъ сладострастья,
Твой вѣрный сынъ, не жажду я.
Что предъ тобой утѣхи рая,
Пора любви, пора весны,
Цвѣтущее блаженство мая,
Румяный свѣтъ, золотыя сны!

Весь день, въ бездѣйствіи глубококомъ,
Весенній теплый воздухъ пить,
На небѣ чистомъ и высококомъ
Порою облака слѣдить;
Бродить безъ дѣла и безъ цѣли
И ненарокомъ, на-лету,
Набрести на свѣжій духъ синели
Или на свѣтлую мечту!...

Здѣсь наслажденіе природой взято въ его чистомъ, можно сказать — наивномъ видѣ, въ формѣ беззаботнаго *dolce far niente*. Поэтъ не задумывается ни надъ собственнымъ своимъ чувствомъ, ни надъ отношеніемъ къ природѣ, ни надъ отношеніемъ природы къ нему, — онъ чуждъ всякой рефлексіи, всякаго анализа. вмѣстѣ съ тѣмъ это стихотвореніе характеризуетъ и преобладающіе вкусы Тютчева, по отношенію къ природѣ. Тютчевъ чаще всего останавливается въ своемъ изображеніи природы на моментахъ наибольшаго напряженія ея творческихъ силъ, высшаго расцвѣта ея красоты, на тѣхъ, моментахъ, когда —

. цвѣтущій міръ природы
Избыткомъ жизни упоень.

Свѣтлой и радостной, полной жизни и движенія, — вотъ какой чаще всего является природа въ лирикѣ Тютчева. Изъ всѣхъ временъ года наибольшее число стихотвореній посвящено имъ веснѣ и лѣту. Но и въ его «весеннихъ» стихотвореніяхъ можно отмѣтить характерную черту: не ранняя весна, съ ея жаждой чего-то болѣе полнаго, законченнаго, съ ея смутнымъ томленіемъ, съ ея сладкой и грустной нѣгой, вдохновляла Тютчева, а «цвѣтущее блаженство мая», свѣтлый праздникъ природы, пора ея торжествующей юности.

Этотъ «избытокъ жизни», ея полнота и богатство чувствуется и въ тѣхъ картинахъ, которыя изображаютъ тишину въ природѣ, моменты покоя и сна («Полдень», «Тихой ночью»...); сквозь эту тишину слышится однако у Тютчева мощное и спокойное дыханіе дремлющей природы, глубокая вибрація ея жизненныхъ силъ:

Смотри, какъ роща зеленѣетъ,
Палящимъ солнцемъ облита,
И въ ней какую нѣгой вѣетъ
Отъ каждой вѣтки и куста!

Войдемъ и сядемъ надъ корнями
Деревъ, поймыхъ родникомъ —
Тамъ, гдѣ обвѣянный ихъ мглами,
Онъ шепчетъ въ сумракѣ нѣмомъ.

Надъ нами бредятъ ихъ вершины,
Въ полдневный зной погружены,
И лишь порою крикъ орлиный
До насъ доходить съ вышины...

Но еще нагляднѣе этотъ «избытокъ жизни», разлитый въ природѣ, обнаруживается въ игрѣ космическихъ силъ, которою такъ любовался Тютчевъ, и которая такъ часто вдохновляла его. Въ одномъ изъ наиболѣе извѣстныхъ своихъ стихотвореній поэтъ говоритъ:

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые;
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотитъ.

Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной и шумъ нагорный —
Все вторитъ весело громамъ.
Ты скажешь: вѣтреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣяся, на землю пролила.

Вообще явленіе грозы очень часто останавливало на себѣ вниманіе нашего поэта, возбуждало въ его душѣ поэтической отголосокъ. Онъ живописалъ ее въ различныхъ ея видахъ и проявленіяхъ, — то воспѣвая «веселый грохотъ лѣтнихъ бурь» или «весенній первый громъ», то изображая жуткія и угрюмыя воробьиныя ночи, когда «надъ тусклою землею» «небо, полное грозой», трепещетъ отъ зарницъ, которыя —

Воспламеняясь чередой,
Какъ демоны глухонѣмые,
Ведутъ бесѣду межъ собой...

Саводникъ.

Тютчевъ—пѣвецъ природы.

Тютчевъ былъ, по преимуществу, пѣвецъ природы, которая была для его ума раскрытой книгой, а для сердца существомъ, полнымъ движенія и жизни:

Не то, что мните вы,—природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Въ особенности любить онъ живописать переходныя времена года—весну и осень. Вотъ одно изъ стихотвореній, посвященныхъ осени:

Обвѣянъ вѣщею дремотой,
Полураздѣтый лѣсъ груститъ;
Изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на вѣткѣ шелеститъ.
Гляжу съ участиемъ умилненнымъ,
Когда, пробившись изъ-за тучъ,

Вдругъ по деревьямъ испещреннымъ
Молніевидный брызнетъ лучъ.
Какъ увядающее мило!
Какая прелесть въ немъ для насъ,
Когда, что такъ цвѣло и жило,
Теперь такъ немощно и хило,
Въ послѣдній улыбнется разъ!..

А изъ «весеннихъ» стихотвореній довольно напомнить «Весеннія воды» («Еще въ поляхъ бѣлѣтъ снѣгъ»...), которыя каждый въ дѣтствѣ училъ наизусть.

Вотъ затѣмъ картинка знойнаго лѣтнаго дня:

Въ небѣ таютъ облака,	И съ бѣлѣющихъ полей
И лучистая на зноѣ	Вѣтъ запахомъ медовымъ.
Въ искрахъ катится рѣка,	Чудный день!—Пройдутъ вѣка
Словно зеркало стальное...	Такъ же будетъ въ вѣчномъ строѣ
Часъ отъ часу жаръ сильнѣй,	Течь и искриться рѣка
Тѣнь ушла къ нѣмымъ дубравамъ,	И поля дышать на зноѣ

Или совершенно фетовскій «Полдень».

Лѣниво дышитъ полдень мглистый,	И всю природу, какъ туманъ,
Лѣниво катится рѣка,	Дремота жаркая объемлетъ,
И въ тверди пламенной и чистой	И самъ теперь великій Панъ
Лѣниво таютъ облака.	Въ пещерѣ нимфъ спокойно дремлетъ.

Вообще въ извѣстной части своихъ стихотвореній, посвященныхъ природѣ, Тютчевъ съ Фетомъ имѣетъ много общаго и, подобно ему, является большимъ мастеромъ въ передачѣ душевнаго настроенія при изображеніи природы, съ которой онъ чувствуетъ постоянную и близкую связь. Отсюда является понятнымъ, почему Фетъ въ своихъ воспоминаніяхъ почтилъ въ Тютчевѣ одного изъ величайшихъ лириковъ, существовавшихъ на землѣ, «самое воздушное воплощеніе поэта, какимъ его рисуетъ себѣ романтизмъ». Тютчевъ нерѣдко даетъ въ своихъ стихотвореніяхъ своеобразное поэтическое сплетеніе образовъ изъ видимой природы и душевныхъ настроеній:

Дума за думой, волна за волной
Два проявленья стихій одной!
Въ сердцѣ ли тѣсномъ, въ безбрежномъ ли морѣ,
Здѣсь—въ заключеніи, тамъ на просторѣ;
Тотъ же все вѣчный прибой и отбой,
Тотъ же все призракъ тревожно пустой.

Въ такихъ стихотвореніяхъ душевное настроеніе поэта какъ бы вставлено имъ въ изображеніе окружающей природы, и если искать для современныхъ импрессионистовъ—родоначальниковъ въ старой литературѣ, то однимъ изъ лучшихъ представителей этого рода будетъ именно Тютчевъ. Однако, тутъ же налицо и огромная разница: у Тютчева настроеніе нисколько не навязано читателю; оно является само собой, какъ естественный результатъ вдумчиваго и глубокаго отношенія къ природѣ.

Пытуховъ.

Картины природы въ стихотвореніяхъ Тютчева.

Стихи Тютчева не выдаются особенною бойкостью, наружною красивою, силою и звучностью; но, взамѣнъ этихъ качествъ, они отличаются совершенно своеобразною фактурою; ихъ мелодичность не похожа на музыкальный строй, если не одинаковый, то довольно общій у прочихъ нашихъ поэтовъ. Что особенно плѣняетъ въ поэзи Тютчева, это ея необыкновенная грація, не только внѣшняя, но еще болѣе внутренняя. Все жестокое, рѣзкое и яркое чуждо его стихамъ; на всемъ художественная мѣра; все извнѣ и извнутри, такъ сказать, обвѣяно изяществомъ. Самое вещество словно какъ бы теряетъ свою вещественность, — которою именно такъ любятъ играть и щеголять нѣкоторые поэты, которая составляетъ своего рода специальную красоту въ стихахъ, напримѣръ, Языкова. Вещество слова у Тютчева какъ-то одухотворяется, становится прозрачнымъ. Мыслью и чувствомъ трепещетъ вся его поэзія. Его музыкальность не въ одномъ внѣшнемъ гармоническомъ сочетаніи звуковъ и рѣчь, но еще болѣе въ гармоническомъ соответствіи формы и содержанія.

Почти всѣ стихотворенія Тютчева равно граціозны и музыкальны, но приведемъ теперь для примѣра хоть нѣкоторыя изъ нихъ, гдѣ это свойство его поэзи, при относительной незначительности содержанія, выступаетъ, такъ сказать, на первый планъ.

Вотъ, напримѣръ, одно изъ самыхъ молодыхъ стихотвореній, написанное, можетъ-быть, лѣтъ 45 тому назадъ¹⁾ и внушенное ему 16-лѣтнею красавицею за границею:

Я помню время золотое,	И вѣтеръ тихій мимолетомъ
Я помню сердцу милый край...	Твоей одеждою игралъ
День вечерѣлъ. Мы были двое.	И съ дивихъ яблонь цвѣтъ за цвѣтомъ
Внизу, въ тѣни, шумѣлъ Дунай.	На плечи юныя свѣвалъ.
И на холму, тамъ, гдѣ бѣлѣя,	Ты беззаботно вдаль глядѣла...
Руина замка вдаль глядитъ,	Край неба дымно гасъ въ лучахъ;
Стояла ты, младая фея,	День догоралъ; звучнѣе пѣла
На мшистый опершись гранить,	Рѣка въ померкшихъ берегахъ.
Ногой младенческой касаясь	И ты, съ веселостью безпечной,
Обломковъ груды вѣковой...	Счастливымъ провожала день...
И солнце медлило, прощаясь	И сладко жизни быстротечной
Съ холмомъ и съ замкомъ и съ тобой.	Надъ нами пролетала тѣнь.

Какъ граціозна эта картина лѣтняго вечера и молодой дѣвушки у развалинъ стараго замка, озаренной догорающими лучами солнца, — какая мягкость тоновъ и нѣжность колорита! Съ трудомъ вѣрится, что это стихотвореніе, — написанное, если не ошибаемся, въ ранней молодости, — принадлежитъ поэту, который еще не задолго предъ тѣмъ, подъ влияніемъ образцовъ такъ называемой русской классической поэзи, считалъ себя обязаннымъ пѣть въ важномъ и напы-

¹⁾ Статья написана въ 1874 году.

ценномъ тонѣ и добровольно сковывалъ свое творчество, пока не махнулъ рукой на «сочинительство», на печать и на всякую авторскую славу. А вотъ другое, изъ позднѣйшей поры, написанное уже въ шестидесятыхъ годахъ; вотъ въ какомъ легкомъ и изящномъ образѣ выражено имъ нравственное изнеможеніе:

О этотъ югъ, о эта Ницца!..

О, какъ ихъ блескъ меня тревожитъ!

Мысль, какъ подстрѣленная птица,

Подняться хотеть и не можетъ...

Нѣтъ ни полета ни размаху:

Висятъ подломанныя крылья,

И вся дрожитъ, прижавшись къ праху,

Въ сознаньи грустнаго безсилья.

Впрочемъ, трудно выбрать стихотвореніе, которое служило бы примѣромъ только одной граціозности. Это свойство его поэзіи неразлучно съ каждымъ проявленіемъ его поэтическаго творчества, какъ увидить далѣе и самъ читатель.

Но гдѣ Тютчевъ является совершеннымъ мастеромъ, мало имѣющимъ себѣ подобныхъ, это въ изображеніи картинъ природы. Нѣтъ, конечно, сюжета болѣе избитаго стихотворцами всего міра. Къ счастью, самъ сюжетъ, т.-е. сама природа, отъ этого нисколько не опошляется, и ея дѣйствіе на духъ человѣческой не менѣе неотразимо. Сколько бы тысячъ писателей ни пыталось передать намъ ея языкъ, — всегда и вѣчно онъ будетъ звучать свѣжо и ново, какъ только душа поэта станетъ въ прямое общеніе съ душою природы. Оттого и картины Тютчева исполнены такой же бессмертной красоты, какъ бессмертна красота самой природы. — Вообще, вѣрность изображенія не только того, что зовется «природой», но и всякаго предмета, явленія и даже ощущенія, заключается вовсе не въ обиліи подробностей, вовсе не въ *аккуратной* передачѣ всякой, даже самой мелкой черты, вовсе не въ той фотографической точности, которою такъ хвалятся художники-реалисты позднѣйшаго времени. Многіе изъ нашихъ новѣйшихъ писателей любятъ кокетничать наблюдательностью, и, думая изобразить чью-либо фізіономію, перечисляютъ углы и изгибы рта, губъ, носа, чуть не каждую бородавку на лицѣ; если же рисуютъ бытъ, то съ неумолимою отчетливостью передаютъ каждую ничтожную частность, иногда совершенно случайную, зыбкую, вовсе не типичную... Они только утомляютъ читателя и нисколько не уловляютъ внутренней правды. Истинный художникъ, напротивъ того, изъ всѣхъ подробностей выберетъ одну, но самую характерную; его взоръ тотчасъ угадываетъ черты, которыми опредѣляется весь внѣшній и внутренней смыслъ предмета, и опредѣляется такъ полно, что остальные черты и подробности сами уже собой досказываются въ воображеніи читателя. Воспринимая впечатлѣніе отъ наружности ли человѣческой, отъ иныхъ ли внѣшнихъ явленій, мы прежде всего воспринимаемъ это впечатлѣніе непосредственно, еще безъ анализа, еще не успѣвая, да иногда и не задаваясь трудомъ: изучить и разобратъ всѣ соотношенія линій и всю игру мускуловъ въ фізіономіи, или же всѣ формы и движенія частей, составляющихъ, на примѣръ,

картину природы. Слѣдовательно, художественная задача — не въ томъ, чтобъ сдѣлать рабскій снимокъ съ натуры (что даже и невозможно), а въ воспроизведеніи того же именно впечатлѣнія, какое произвела бы на насъ сама живая натура. Это умѣнье передавать нѣсколькими чертами всю цѣлость впечатлѣнія, всю реальность образа, требуетъ художественнаго таланта высшей пробы и принадлежитъ Тютчеву вполнѣ, особенно въ изображеніяхъ природы.

Приведемъ въ доказательство слѣдующее стихотвореніе Тютчева:

Есть въ осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоитъ какъ бы хрустальный,
И лучезарны вечера...
Гдѣ бодрый серпъ гулялъ и падалъ колосъ,
Теперь ужъ пусто все — просторъ вездѣ;
Лишь паутины тонкій волосъ
Блеститъ на празднои бороздѣ.
Пустьбѣтъ воздухъ, птицъ не слышно болѣ;
Но далеко еще до первыхъ зимнихъ буръ,
И льется чистая и тихая лазурь
На отдыхающее поле.

Здѣсь нельзя уже ничего прибавить; всякая новая черта была бы излишня. Достаточно одного этого «тонкаго волоса паутины», чтобъ однимъ этимъ признакомъ воскресить въ памяти читателя былое ощущеніе подобныхъ осеннихъ дней, во всей его полнотѣ.

Или вотъ это стихотвореніе, — другая сторона осени:

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная таинственная прелесть...
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій
шелестъ;

Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно сиротѣющей землею,

И, какъ предвѣстье близящихся буръ,
Порывистый, холодный вѣтръ порою;
Ущербъ, изнеможенъ и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья.

Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

Не говоря уже о прекрасномъ граціозномъ образѣ «стыдливаго страданья», — образѣ, въ который претворилось у Тютчева ощущеніе осенняго вечера, самый этотъ вечеръ воспроизведенъ такими точными, хоть и немногими, чертами, что будто самъ ощущаешь и переживаешь всю его жуткую прелесть.

Этотъ мотивъ повторенъ Тютчевымъ и въ другой пьесѣ, но образъ осени умильнѣе, нѣжнѣе и сочувственнѣе:

Объявъ въщей дремотой,
Полураздѣтый мѣсь груститъ;
Изъ лѣтнихъ мѣтѣвъ развѣ сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на вѣткѣ шелеститъ.
Гляжу съ участвомъ умиленнымъ,
Когда, пробившись изъ-за тучъ,

Вдругъ по деревьямъ испещреннымъ
Молніевидный брызнетъ лучъ...
Какъ увядающее мило!
Какая прелесть въ немъ для насъ.
Когда, что такъ цвѣло и жило,
Теперь такъ немощно и хило,
Въ послѣдній улыбнется разъ!...

Такая же истина и въ этой картинѣ осени:

.....	Вдругъ вѣтръ подуетъ, <i>теплый</i> и <i>сырой</i> ,
Такъ иногда осеннею порой,	
Когда поля ужъ пусты, рощи голы,	Опавшій листъ погонитъ предъ собою
Блѣднѣе небо, пасмурнѣе доли, —	И душу вамъ обдастъ какъ бы весною...

Именно *теплый* и *сырой* вѣтеръ. Это именно то, что нужно. Кажется, какія незатѣйливыя слова, но въ этомъ-то и достоинство, въ этомъ-то и прелесть: они просты, какъ сама правда.

У Тютчева эта мѣткость качественныхъ опредѣленій простирается не на одни предметы внѣшняго міра, какъ и увидимъ ниже.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ изображенія природы у Тютчева; мы поставили курсивомъ тѣ именно выраженія, которыя намъ кажутся художественно точными и простыми:

Полдень.

<i>Лѣниво</i> дышитъ полдень <i>мглистый</i> ,	И всю природу, какъ туманъ,
Лѣниво катится рѣка,	Дремота жаркая объемлетъ,
И въ тверди пламенной и чистой	И самъ теперь великій Панъ
<i>Лѣниво таютъ</i> облака.	Въ пещерѣ нимфѣ спокойно дремлетъ.

Здѣсь это одно «лѣниво таютъ» стоитъ всякаго длиннаго, подробнаго описанія.

Или вотъ это выраженіе:

Не остывшая отъ зною
Ночь іюльская блистала...

Вотъ картина лѣтней бури:

Какъ весель грохотъ лѣтнихъ бурь,	<i>Широколиственно и шумно!</i>
Когда, взметая прахъ летучій,
Гроза, нахлынувшая тучей,	И сквозь внезапную тревогу
Смутитъ небесную лазурь,	Немолчно слышенъ птичій свистъ,
<i>И опрометчиво-безумно</i>	<i>И кой-гдѣ первый желтый листъ,</i>
<i>Вдругъ на дубраву набѣжитъ,</i>	<i>Крутясь, слетаетъ на дорогу...</i>
<i>И вся дубрава задрожитъ,</i>	

Ради простоты и точности очертаній приведемъ еще два отрывка:

Родной ландшафтъ подъ дымчатымъ навѣсомъ	<i>Стоячихъ водъ, покрытыхъ первымъ льдомъ.</i>
Огромной тучи снѣговой;	Ни звуковъ здѣсь, ни красокъ, ни движенья.
Синѣетъ даль съ ея угрюмымъ лѣсомъ,	Жизнь <i>отошла</i> , и, покорясь судьбѣ,
Окутаннымъ осенней мглой.	Въ какомъ-то забытій изнеможенъ,
Все голо такъ и пусто, необъятно	Здѣсь человекъ лишь снится самъ
Въ однообразіи нѣмомъ;	себѣ.
<i>Мѣстами лишь просвѣчиваютъ пятна</i>	

Здѣсь не только внѣшняя вѣрность образа, но и вся полнота внутренняго ощущенія.

Какъ неожиданно и ярко;	Одинъ конецъ въ лѣса вонзила,
На <i>влажной</i> неба синевѣ	Другимъ за облака ушла;
Воздушная воздвиглась арка	Она полнеба охватила
Въ своемъ <i>минутномъ торжествѣ.</i>	И въ высотѣ <i>изнемогла!</i>

Изнемогла! Выраженіе не только глубоко вѣрное, но и смѣлое. Едва ли не впервые употреблено оно въ нашей литературѣ въ такомъ именно смыслѣ. А между тѣмъ нельзя лучше выразить этотъ внѣшній процессъ постепеннаго таянія, ослабленія, исчезновенія радуги. Еще г. Тургеневъ замѣтилъ, что «языкъ Тютчева часто поражаетъ смѣлостью и красотою своихъ оборотовъ».

Трудно разстаться съ картинами природы въ поэзіи Тютчева, не выписавъ еще нѣсколько примѣровъ. Вотъ его «Весеннія воды»:

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный берегъ,
Бѣгутъ и блещутъ и гласятъ.
Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ, весна идетъ.»

Мы молодой весны гонцы,
Она насъ выслала впередъ!
Весна идетъ, весна идетъ!»
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней!

Эти стихи такъ и обдають чувствомъ весны, молодымъ, добрымъ, веселымъ. Вотъ отрывокъ и другого стихотворенія, которое можно бы назвать: «Предъ грозю».

Въ душномъ воздухѣ молчанье,
Какъ предчувствіе грозы,
Жарче розъ благоуханье,
Звонче голосъ стрекозы.
Чу! за бѣлой, дымной тучей
Глухо прокатился громъ,

Небо молніей летучей
Опясалось кругомъ...
Нѣкій жизни избытокъ
Въ знойномъ воздухѣ разлить,
Какъ божественный напитокъ,
Въ жилахъ млѣть и дрожить...

Заключимъ этотъ отдѣлъ поэзіи Тютчева однимъ изъ самыхъ молодыхъ его стихотвореній: «Весенняя гроза»:

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвися и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые!
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотитъ.

Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ.
И гамъ лѣсной и шумъ нагорный:
Все вторитъ весело громамъ.
Ты скажешь: вѣтреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила.

Такъ и видится молодая, смѣющаяся вверху Геба, а кругомъ влажный блескъ, веселье природы и вся эта майская грозовая потѣха. Это стихотвореніе было напечатано въ «Галатеѣ» еще въ 1829 году, но такова странная судьба поэзіи Тютчева, что оно не обратило тогда на себя ни малѣйшаго вниманія.

Ив. Аксаковъ.

Стихотворенія Тютчева принадлежатъ къ немногимъ блестящимъ явленіямъ въ области русской поэзіи. Тютчевъ написалъ очень немного; но все написанное имъ носить на себѣ печать истиннаго и прекраснаго таланта, нерѣдко самобытнаго, всегда граціознаго, исполненнаго мысли и неподдѣльнаго чувства. Мы увѣрены, что

если бъ Тютчевъ писалъ болѣе, талантъ его доставилъ бы ему одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ русской поэзіи.

Главное достоинство стихотвореній Тютчева заключается въ живомъ, граціозномъ, пластически-вѣрномъ изображеніи природы. Онъ горячо любитъ ее, прекрасно понимаетъ, ему доступны самыя тонкія, неуловимыя черты и оттѣнки ея, и все это превосходно отражается въ его стихотвореніяхъ. Конечно, самый трудный родъ поэтическихъ произведеній — это тѣ произведенія, въ которыхъ, повидимому, нѣтъ никакого содержанія, никакой мысли; это пейзажъ въ стихахъ, картинка, обозначенная двумя-тремя чертами. Уловить именно тѣ черты, по которымъ въ воображеніи читателя можетъ возникнуть и дорисоваться сама собою данная картина, дѣло величайшей трудности. Тютчевъ въ совершенствѣ владѣетъ этимъ искусствомъ. Вотъ нѣсколько стихотвореній, которыя подтверждаютъ нашу мысль:

УТРО ВЪ ГОРАХЪ.

Лазурь небесная смѣется,
Ночной омытая грозой,
И между горъ росисто вьется
Долина свѣтлой полосой.

Лишь высшихъ горъ до половины
Туманы покрываютъ скать,
Какъ бы воздушныя руины
Волшебствомъ созданныхъ палатъ.

СНѢЖНЫЯ ГОРЫ.

Уже полдневная пора
Палитъ отвѣсными лучами,
И задымилася гора
Съ своими черными лѣсами.

Едва въ трепещущихъ листахъ
Перебирается прохлада,
Звонкомъ пасушагося стада
Почти замолкъ на высотахъ.

Внизу, какъ зеркало стальное,
Синѣютъ озера струи,

И съ камней, блестящихъ на зноѣ,
Въ родную глубь снѣшать ручьи.
И между тѣмъ какъ полусонный,
Нашъ дольний міръ, лишенный силъ,
Проникнуть нѣгой благовонной,
Во мглѣ полуденной почилъ, —

Горѣ, какъ божества родныя
Надъ издыхающей землей.
Играютъ выси ледяныя
Съ лазурью неба огневой.

Стихотворенія эти очень коротки, а между тѣмъ ни къ одному изъ нихъ рѣшительно нечего прибавить. Каждое слово мѣтко, полно-вѣсно, и оттѣнки расположены съ такимъ искусствомъ, что въ цѣломъ обрисовываютъ предметъ, какъ нельзя полнѣе. Нечего уже и говорить, что утро Тютчева не похоже на вечеръ, а полдень на утро, какъ это часто случается у нѣкоторыхъ и не совсѣмъ плохихъ поэтовъ.

Какъ на превосходный примѣръ удивительной способности Тютчева схватывать характеристическія черты картинъ и явленій природы, можно указать на стихотвореніе «Осенній вечеръ»¹⁾. Какая превосходная картина въ немъ! Каждый стихъ хватается за сердце, какъ хватаютъ за сердце въ иную минуту безпорядочные, внезапно набѣгающіе порывы осенняго вѣтра; ихъ и слушать больно и пере-

¹⁾ Страница 17.

стать слушать жаль. Впечатлѣніе, которое испытываешь при чтеніи этихъ стиховъ, можно только сравнить съ чувствомъ, какое овладѣваетъ человѣкомъ у постели молодой умирающей женщины, въ которую онъ былъ влюбленъ. Только талантамъ сильнымъ и самобытнымъ дано затрогивать такія струны въ человѣческомъ сердцѣ; вотъ почему мы нисколько не задумались бы поставить Тютчева рядомъ съ Лермонтовымъ; жаль, что онъ написалъ слишкомъ мало. Нечего и говорить о художественномъ достоинствѣ «Осенняго вечера»: каждый стихъ его перлъ, достойный любого изъ нашихъ великихъ поэтовъ. Вотъ еще стихотвореніе Тютчева въ этомъ же родѣ:

Что ты клонишь надъ водами,
Ива, магушку свою
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь бѣглую струю?

Хоть томится, хоть трепещетъ
Каждый листъ твой надъ струей...
Но струя бѣжитъ и плещетъ,
И, на солнцѣ нѣжась, блещетъ
И смѣется надъ тобой...

Ничего не прибавляемъ въ похвалу этому стихотворенію. Замѣтимъ только одно, что, несмотря на всю разность содержанія, оно напоминало намъ стихотвореніе Лермонтова «Вѣлѣтъ парусъ одинокій», которому оно, по нашему мнѣнію, нисколько не уступаетъ по своему достоинству.

Одною изъ лучшихъ картинъ, написанныхъ перомъ Тютчева, почитаемъ мы стихотвореніе «Весеннія воды»¹⁾. Сколько жизни, веселости, весенней свѣжести въ трехъ стихахъ:

...Весна идетъ, весна идетъ,
Мы молодой весны гонцы,
Она насъ выслала впередъ!

Читая ихъ, чувствуешь весну, когда самъ не знаешь, почему дѣлается весело и легко на душѣ, какъ - будто нѣсколько лѣтъ свалилось долой съ плечъ, — когда любишься и едва показавшейся травкой и только что распускающимся деревомъ, и бѣжишь, — бѣжишь, какъ ребенокъ, полной грудью, впивая живительный воздухъ и забывая, что бѣжать совсѣмъ неприлично, не по лѣтамъ, а слѣдуетъ итти степенно, и что радоваться тоже совсѣмъ нечего и нечему...

Вотъ еще одно изъ прелестныхъ стихотвореній Тютчева:

В Е С Н А.

Какъ ни гнететъ рука судьбины,
Какъ ни томить людей обманъ,
Какъ ни браздятъ чело морщины,
И сердце, какъ ни полно ранъ,
Какимъ бы строгимъ испытаньямъ
Вы ни были подчинены,
Что устоитъ передъ дыханьемъ
И первой встрѣчею весны!

Весна — она о васъ не знаетъ. —
О васъ, о горѣ и о злѣ;
Безсмертьемъ взоръ ея сіяетъ,
И ни морщины на челѣ...
Своимъ законамъ лишь послушна,
Въ условный часъ слетаетъ къ намъ.
Свѣтла, блаженно-равнодушна,
Какъ подобаетъ божествамъ.

¹⁾ Стран. 20.

Цвѣтами сыплеть надъ землею,
Свѣжа, какъ первая весна;
Была ль другая передъ нею,
О томъ не вѣдаетъ она.
По небу много облакъ бродить,
Но эти облака ея:
Она ни слѣду не находитъ
Отцвѣтшихъ весенъ бытія.
Не о быломъ вздыхаютъ розы,
И соловей въ ночи поетъ;
Благоухающія слезы
Не о быломъ Аврора льетъ,

И страхъ кончины неизбежной
Не свѣтъ съ древа ни листа;
Ихъ жизнь, какъ океанъ безбрежный,
Вся въ настоящемъ разлита.
Игра и жертва жизни частной,
Приди жъ, отвергни чувствъ обманъ
И ринься, бодрый, самовластный,
Въ сей животворный океанъ!
Приди — струей его эфирной
Омой страдальческую грудь
И жизни божески-всѣмирной
Хотя на мигъ причастенъ будь!

Теперь переходимъ къ тѣмъ стихотвореніямъ, въ которыхъ къ мастерской картинѣ природы присоединяется мысль, постороннее чувство, воспоминаніе. Въ этомъ отношеніи мы можемъ указать на слѣдующія стихотворенія:

Давно ль, давно ль, о югъ блажен-
ный,
Я зрѣлъ тебя лицомъ къ лицу,
И какъ эдемъ, ты растворенный,
Доступенъ былъ мнѣ, пришлецу!
Давно ль, — хотя безъ восхищенья,
Но новыхъ чувствъ не даромъ полнъ, —
И я заслушивался пѣнья
Великихъ средиземныхъ волнъ!
И пѣснь ихъ, какъ во время оно,
Полна гармоніи была,
Когда изъ ихъ родного лона
Киприда свѣтлая всплыла...
Онѣ все тѣ же и понынѣ,
Все также блещутъ и звучатъ;
По ихъ лазоревой равнинѣ
Родные призраки скользятъ.

Но я... я съ вами распростился,
Я вновь на сѣверъ увлеченъ;
Вновь надо мною опустился
Его священный небосклонъ.
Здѣсь воздухъ колетъ, снѣгъ обильный
На высотахъ и въ глубинѣ,
И холодъ, чародѣй весильный,
Одинъ господствуетъ полною.
Но тамъ, за этимъ царствомъ выюги,
Тамъ, тамъ, на рубежѣ земли,
На золотомъ, на свѣтломъ югѣ,
Еще я вижу васъ вдали:
Вы блещете еще прекраснѣй,
Еще лазурнѣй и свѣжѣй.
И говоръ вашъ еще согласнѣй
Доходитъ до души моей.

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Земная жизнь кругомъ объята снами,
Настанетъ ночь, и звучными волнами
Стихія бьютъ о берегъ свой.

То гласъ ея: онъ нудитъ насъ и про-
ситъ,
Ужъ въ пристани волшебный ожилъ
челнъ,

Приливъ растеть и быстро насъ уносить
Въ неизмѣримость темныхъ волнъ
Небесный сводъ, горящій славой
звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины,
И мы плывемъ, пылающею бездной
Со всехъ сторонъ окружены.

Послѣдніе четыре стиха удивительны: читая ихъ, чувствуешь невольный трепетъ. Наконецъ, стихотвореніе «Я помню время золотое»¹⁾ принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Тютчева, да и вообще всей русской поэзіи. Прочитавъ это стихотвореніе, читатель, конечно, согласится съ нами въ томъ, что сказали мы о талантѣ

¹⁾ См. стран. 15.

Тютчева; нѣтъ сомнѣнія, отъ такого стихотворенія не отказался бы и Пушкинъ. Не входимъ въ подробный разборъ этой пьесы и не отмѣчаемъ лучшихъ стиховъ ея, предоставляя это самимъ читателямъ. Любовь къ природѣ, сочувствіе къ ней, полное пониманіе ея и умѣнье мастерски воспроизводить ея многообразныя явленія, — вотъ главныя черты таланта Тютчева. Онъ съ полнымъ правомъ и полнымъ сознаніемъ могъ обратиться къ непонимающимъ и не умѣющимъ цѣнить природы съ слѣдующими энергическими стихами:

Не то, что мните вы, природа —
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.
Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семь мірѣ, какъ впотьмахъ,
Для нихъ и солнца, звать, не дышатъ,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.
Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была!
И языками неземными
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза.
Не ихъ вина: пойми, коль можетъ,
Органы жизнь, глухонѣмой!
Увы, души въ немъ не встревожить
И голосъ матери самой.

Да, мы вѣримъ, что автору этого стихотворенія понятенъ и смыслъ и языкъ природы... Н. Н.

Историко-національныя отраженія лирики Тютчева.

Намъ остается указать еще на одинъ видъ мотивовъ поэзіи Тютчева — историко-національныя отраженія его лирики. Какъ поэтъ историческихъ переживаній, Тютчевъ стоитъ между представителями старой школы и новѣйшими представителями этого направленія (Майковъ, Розенгеймъ, Голенищевъ-Кутузовъ).

Поклонникъ Карамзина, которому онъ посвятилъ прочувствованное юбилейное стихотвореніе, Тютчевъ во многомъ повторяетъ мотивы старыхъ поэтовъ, въ родѣ Языкова, Хомякова, Растопчиной. Онъ одинъ изъ представителей того направленія, которое Пыпинъ обозначилъ именемъ официальной народности. Такія его стихотворенія, какъ «Декабристамъ», «Нашъ вѣкъ», «Князю А. А. Суворову», «На смерть графа Д. Н. Блудова», «На смерть графа М. Н. Муравьева», заключаютъ въ себѣ наиболѣе опредѣленно выраженные мотивы этой народности.

Но у Тютчева есть и другая группа стихотвореній, проникнутых идеями болѣе высокаго типа, роднящими его съ такими писателями, какъ Достоевскій, Вл. Соловьевъ, Ив. Аксаковъ. Горячая, нѣсколько мистическая любовь къ родной землѣ и сочувствіе единомысленнымъ славянамъ сближаютъ Тютчева съ поэтами славянофилами.

«Въ Россію можно только вѣрить» — заключаетъ Тютчевъ одно изъ своихъ стихотвореній, посвященныхъ родинѣ, будущее которой нерѣдко повергало его въ раздумье, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ такія стихотворенія, какъ «Надъ этой темною толпой», «Ужасный сонъ тяготѣлъ надъ нами», «Хотя бъ она сошла съ лица земного». Чайніями славянофильства проникнуто его небольшое стихотвореніе «Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ», сближающее Тютчева съ воззрѣніями Достоевскаго, высказанными въ «Дневникѣ писателя» во время войны 1877—1878 гг. Чуткое сердце поэта готово вѣрить, что

Все лучшее въ Россіи, все живое

будетъ жить для блага родного края; онъ съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ этотъ «край долготерпѣнья», онъ вѣритъ, что «золотой лучъ свободы»

Блеснетъ... и оживитъ,
И сонъ разгонитъ и туманы.

Въ посланіи къ кн. Горчакову онъ ставитъ въ заслугу этому государственному человѣку —

Обманутой, обиженной Россіи
Вы честь спасли, — и выше нѣтъ заслугъ.

Въ трогательномъ стихотвореніи «На смерть графа Д. Н. Блудова» Тютчевъ привѣтствуетъ годину обновленія,

Великій день, новозавѣтный день.

Эти горячія симпатіи Тютчева, возвышающія его, какъ гражданина и человѣка, заставляютъ забывать и уость его общественной, построенной на Карамзинскихъ идеалахъ, программы и тѣ неэстетическія выходки, которыя сквозятъ во многихъ его пьесахъ. Условная антиобщественная и антиисторическая точка зрѣнія омрачила въ общемъ свѣтлое и симпатичное міровоззрѣніе Тютчева; она заставляла его видѣть «растлѣніе духа», господство безвѣрія, фетишизмъ и холопство цивилизаціи тамъ, гдѣ другіе, болѣе просвѣщенные писатели, видѣли зерно здороваго общественнаго развитія. Характерны въ этомъ отношеніи стихотворенія «Декабристамъ» и «Теперь тебѣ не до стиховъ». Въ настоящее время, при научномъ освѣщеніи нашего историческаго прошлаго, слишкомъ наивными кажутся взгляды Тютчева на «жертвы мысли безразсудной», «богохульные умы и богомерзкіе народы», его слѣпая вѣра въ возможность обновленія родины внѣ серьезной работы общественнаго сознанія.

Курковскій.

Творчество Тютчева.

Стихи Тютчева представляют тот же характер внутренней искренности и необходимости. Вотъ почему онъ и долженъ быть причисленъ къ Пушкинскому періоду, хотя, по особенной случайности, его стихи проникли въ русскую печать уже тогда, когда почти отзвучали пѣсни Пушкина и прочихъ нашихъ поэтовъ, когда время властительства поэзіи надъ умами уже миновало. Десятками лѣтъ пережилъ Тютчевъ и Пушкина, и весь его поэтическій періодъ, но оставался вѣренъ себѣ и своему таланту. Не переставая быть «современнѣйшимъ изъ современниковъ» по своему горячему сочувствію къ совершающейся кругомъ его жизни, онъ, среди диссонансовъ новѣйшей поэзіи, продолжалъ дарить насъ гармоніей стариннаго, но никогда не старѣющаго, поэтическаго строя. Онъ былъ среди насъ, подобно мастеру какой-либо старой живописной школы, еще живущей и творящей въ его лицѣ, но не допускающей ни повторенія ни подражанія.

Отмѣтивъ эту общую историческую черту его поэзіи, перейдемъ теперь къ особенностямъ его таланта.

Стихи Тютчева отличаются такою *непосредственностью творчества*, которая, въ равной степени, по крайней мѣрѣ, едва ли встрѣчается у кого-либо изъ поэтовъ. Поэзія не была для него сознаною спеціальностью, своего рода литературнымъ *Fach*, какъ выражаются нѣмцы, общественнымъ, официальнымъ положеніемъ или же такою обязанностью, которою и самъ поэтъ невольно признаетъ за собой, признаютъ и другіе за нимъ; напротивъ, до 1836 года никто въ немъ и не признаетъ поэта, т.-е. до той поры, какъ служившій въ Мюнхенѣ князь Иванъ Гагаринъ, собравъ цѣлую тетрадь его стихотвореній, привезъ ее къ Пушкину, и Пушкинъ далъ имъ мѣсто въ своемъ «Современникѣ», хотя и безъ подписи полнаго имени Тютчева. Съ 1840 года его стихи снова перестаютъ появляться въ печати, и такое воздержаніе отъ печатной гласности продолжается четырнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ Тютчевъ не напечаталъ ни строчки, хотя и не переставалъ писать. Но какъ писать? На вопросъ: надъ чѣмъ вы теперь работаете, онъ не могъ бы отвѣчать, подобно другимъ: «пишу стихи: вчера кончилъ стихотвореніе къ Аглаѣ, сегодня додѣлаю «Огнедышущую гору»; имѣю намѣреніе обработать въ стихахъ такой-то сюжетъ». Онъ былъ поэтъ по призванію, которое было могущественнѣе его самого, но не по *profession*. Онъ священнодѣйствовалъ, какъ поэтъ, но не замѣчая, не сознавая самъ своего священнодѣйствія, не облакаясь въ жреческую хламиду, не исполняясь нѣкотораго благоговѣнія къ себѣ и своему жречеству. Его умъ и его сердце были, повидимому, постоянно заняты: умъ виталъ въ области отвлеченныхъ, философскихъ или историческихъ помысловъ; сердце искало живыхъ ощущеній и тревоженій; но прежде всего

и во всемъ онъ былъ поэтъ, хотя собственно стиховъ онъ оставилъ по себѣ, сравнительно, и не очень много. Стихи у него не были плодомъ *труда*, хотя бы и вдохновеннаго, но все же труда, подчасъ даже усидчиваго у иныхъ поэтовъ. Когда онъ ихъ писалъ, то писалъ невольно, удовлетворяя настоятельной, неотвязчивой потребности, потому что онъ не могъ ихъ не написать: вѣрнѣе сказать, онъ ихъ не писалъ, а только *записывалъ*. Они не *сочинялись*, а *творились*. Они сами собой складывались въ его головѣ, и онъ только *ронялъ* ихъ на бумагу, на первый попавшійся лоскутокъ. Если же некому было припрятать къ мѣсту оброненное, подобрать эти лоскутки, то они нерѣдко и пропадали. Эти-то лоскутки и постарался подобрать князь И. Гагаринъ, когда вздумалъ показать стихи Тютчева Пушкину; но очень можетъ быть, что многое пропало и истребилось безвозвратно. Къ Тютчеву именно примѣняются слова Гётевскаго пѣвца:

Ich singe wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnt;
Das Lied, das aus der Kehle dringt,
Ist Lohn, der reichlich lohnet¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ же состояла *награда*, *Lohn*, пѣвца Тютчева, во время его 22-лѣтняго пребыванія за границею, какъ не въ самой спѣтой пѣсни, никѣмъ кромѣ его не слышимой? Условіемъ всякаго преуспѣянія таланта считается сочувственная среда, живой обмѣнъ впечатлѣній. А Тютчеву четверть вѣка приходилось пѣть какъ бы въ безвоздушномъ пространствѣ. Когда читаешь, напримѣръ, его стихи, написанные къ первой женѣ и къ другимъ иностранкамъ, ни слова не знавшимъ по-русски, да едва ли и подозрѣвавшимъ въ немъ поэта, невольно спрашиваешь себя: для чего же и для кого онъ писалъ? Уже гораздо позже, въ Россіи, когда подросли его дочери и вторая его супруга выучилась по-русски, стали тщательно наблюдать за нимъ и подбирать лоскутки съ его стихами, а иногда и записывать стихи прямо подъ его диктовку. Такъ, однажды, въ осенній дождливый вечеръ, возвратясь домой на извозчичьихъ дрожкахъ, почти весь промокшій, онъ сказалъ встрѣтившій его дочери: *j'ai fait quelques rimes*, и, пока его раздѣвали, продиктовалъ ей слѣдующее прелестное стихотвореніе:

Слезы людскія, о слезы людскія,	Неистошима, непсчислима,
Льетесь вы ранней и поздней порой,	Льетесь какъ льются струи дождевыя,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незрима,	Въ осень глухую, порою ночной...

¹⁾ Въ русскомъ переводѣ К. С. Аксакова:

Пою какъ птица вольная,
Что по вѣтвямъ летаетъ,
И пѣснь свободная моя
Богато награждаетъ.

Здѣсь почти наглядень для насъ тотъ истинно-поэтический процессъ, которымъ вѣшнее ощущеніе капель частаго осенняго дождя, лившаго на поэта, пройдя сквозь его душу, претворяется въ ощущеніе слезъ и облекается въ звуки, которые сколько словами, столько же самою музыкальностью своею, воспроизводятъ въ насъ и впечатлѣніе дождливой осени, и образъ плачущаго людскаго горя... И все это въ шести строчкахъ!

Еще болѣе объяснится намъ характеръ его поэтическаго творчества, когда мы припомнимъ, что этотъ человѣкъ, по его собственному признанію, тверже выражалъ свою мысль по-французски, нежели по-русски, свои письма и статьи писалъ исключительно на французскомъ языкѣ и, конечно, на десять десятыхъ болѣе говорилъ въ своей жизни по-французски, чѣмъ по-русски. А между тѣмъ стихи у Тютчева творились *только по-русски*. Значить, изъ глубочайшей глубины его духа била ключомъ у него поэзія, изъ глубины недосягаемой даже для его собственной воли; изъ тѣхъ тайниковъ, гдѣ живетъ наша первообразная природная стихія, гдѣ обитаетъ самая правда человѣка... Здѣсь кстати привести то, что самъ Тютчевъ высказалъ уже въ 1861 году, въ стихахъ на юбилей князя Вяземскаго, по поводу «музы» этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ поэта:

Давайте жъ, князь, поднимемъ въ честь богинѣ
Вашъ полный пѣнистый фіаль,
Богинѣ въ честь, *хранившей благородно*
Залогъ всего, что свято для души,
Родную рѣчь...

Тютчевъ могъ еще съ большимъ основаніемъ обратить это званіе къ своей собственной музы.

Само собой разумѣется, что при подобномъ процессѣ творчества, Тютчевъ не способенъ былъ ничего творить въ обширномъ размѣрѣ. Поэтому самыя лучшія его стихотворенія — короткія; они цѣльны, словно отлиты изъ одного куска чистаго золота. Въ его талантѣ, какъ уже и замѣчено было нашими критиками, нѣтъ никакихъ эпическихъ или драматическихъ началъ. Его поэзія, какъ выразились бы нѣмецкіе эстетика, вполне *субъективна*; ея поводъ — всегда въ личномъ ощущеніи, впечатлѣніи и мысли; она неспособна отрѣшаться отъ личности поэта и гостить въ области вымысла, въ мірѣ вѣшнемъ, отвлеченномъ, чуждомъ его личной жизни. Онъ ничего не выдумывалъ, а только *выражался*. Онъ не былъ тѣмъ *maestro*, тѣмъ художникомъ-*хозяйномъ* въ поэзіи, какимъ, напримѣръ, является Пушкинъ, этотъ полновластный распорядитель звуковъ и формъ, разнообразно направлявшій силы своего генія, по указанію своей свободной поэтической воли, умѣвшій творить не однимъ мгновеннымъ наитіемъ вдохновенія, но и медленнымъ вдохновеннымъ трудомъ. Да и у всѣхъ поэтовъ, рядомъ съ непосредственнымъ творчествомъ, слышится *дѣланіе*, обработка. У Тютчева дѣланнаго нѣтъ

ничего: все творится. Оттого нерѣдко въ его стихахъ видна какая-то внѣшняя небрежность: попадаютъ слова устарѣлыя, вышедшія изъ употребленія, встрѣчаются неправильныя рѣмы, которыя, при малѣйшей наружной отдѣлкѣ, легко могли бы быть замѣнены другими.

Этимъ опредѣляется и отчасти ограничивается его значеніе, какъ поэта. Но это же придаетъ его поэзіи какую-то особенную прелесть задумчивости и личной искренности. Хомяковъ — самый лирический стихотворецъ — говорилъ, и, по нашему мнѣнію, справедливо, что не знаетъ другихъ стиховъ, кромѣ Тютчевскихъ, которые бы служили лучшимъ образцомъ *чистѣйшей* поэзіи, которые бы въ такой мѣрѣ, насквозь, *durch und durch*, были проникнуты поэзіей.

Аксаковъ.

Особенности содержанія и формы поэзіи Тютчева.

Тютчевъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ; мы скажемъ болѣе: въ нашихъ глазахъ, какъ оно ни обидно для самолюбія современниковъ, Тютчевъ, принадлежащій къ поколѣнію предыдущему, стоитъ рѣшительно выше всѣхъ своихъ собратьевъ по Аполлону. Легко указать на тѣ отдѣльныя качества, которыми превосходятъ его болѣе даровитые изъ теперешнихъ¹⁾ нашихъ поэтовъ: на плѣнительную, хотя нѣсколько однообразную, грацію Фета, на энергическую, часто сухую и жесткую страстность Некрасова, на правильную, иногда холодную живопись Майкова; но на одномъ Тютчевѣ лежитъ печать той великой эпохи, къ которой онъ относится и которая такъ ярко и сильно выразилась въ Пушкинѣ; въ немъ одномъ замѣчается та соразмѣрность таланта съ самимъ собою, та соотвѣтственность его съ жизнью автора, — словомъ, хотя часть того, что въ прошломъ развитіи своемъ составляетъ отличительные признаки великихъ дарованій. Кругъ Тютчева не обширенъ — это правда, но въ немъ онъ дома. Талантъ его не состоитъ изъ безсвязно разбросанныхъ частей: онъ замкнутъ и владѣетъ собою; въ немъ нѣтъ другихъ элементовъ, кромѣ элементовъ чисто лирическихъ, но эти элементы опредѣлительно ясны и срослись съ самою личностью автора; отъ его стиховъ не вѣетъ сочиненіемъ; они всѣ кажутся написанными на извѣстный случай, какъ того хотѣлъ Гёте, то-есть они не придуманы и выросли сами, какъ плодъ на деревѣ, и по этому драгоценному качеству мы узнаемъ, между прочимъ, вліяніе на нихъ Пушкина, видимъ въ нихъ отблескъ его времени.

Стихотворенія Тютчева отличаются неподдѣльностью его вдохновенія, тѣмъ поэтическимъ дуновеніемъ, которымъ вѣетъ отъ его страницъ; подъ наитіемъ этого вдохновенія, самый языкъ Тютчева часто поражаетъ читателя счастливою смѣлостью и почти пушкин-

¹⁾ Статья писана въ 1854 г.

ской красотой своих оборотовъ. Любопытно также наблюдать, какимъ образомъ зарождались въ душѣ автора тѣ, въ сущности немногочисленные, стихотворенія (ихъ не болѣе ста), которыми онъ означилъ пройденный свой путь. Если мы не ошибаемся, каждое его стихотвореніе начиналось мыслью, но мыслью, которая, какъ огненная точка, вспыхивала подъ вліяніемъ глубокаго чувства или сильнаго впечатлѣнія; вслѣдствіе этого, если можно такъ выразиться, свойства происхожденія своего, мысль Тютчева никогда не является читателю нагою и отвлеченною, но всегда сливается съ образомъ, взятымъ изъ міра души или природы, проникается имъ, и сама его проникаетъ нераздѣльно и неразрывно. Исключительно почти мгновенно лирическое настроеніе поэзіи Тютчева заставляетъ его выражаться сжато и кратко, какъ бы окружить себя стыдливо-тѣсной и изящной чертой; поэту нужно высказать одну мысль, одно чувство, слиться вмѣстѣ, и онъ, болѣею частью, высказываетъ ихъ единымъ образомъ, именно потому, что ему нужно высказаться, потому что онъ не думаетъ ни щеголять своимъ ощущеніемъ передъ другими ни играть съ нимъ передъ самимъ собой. Въ этомъ смыслѣ поэзія его заслуживаетъ названія дѣльной, то-есть искренней, серіозной. Самыя короткія стихотворенія Тютчева почти всегда самыя удачныя. Чувство природы въ немъ необыкновенно тонко, живо и вѣрно. Сравненія человѣческаго міра съ родственнымъ ему міромъ природы никогда не бывають натянуты и холодны у Тютчева, не отзываются наставническимъ тономъ, не стараются служить поясненіемъ какой-нибудь обыкновенной мысли, явившейся въ головѣ автора и принятой имъ за собственное открытіе. Кромѣ всего этого, въ Тютчевѣ замѣтенъ тонкій вкусъ — плодъ многосторонняго образованія, чтенія и богатой жизненной опытности. Языкъ страсти, языкъ женскаго сердца ему знакомъ и дается ему. Стихотворенія Тютчева, почерпнутыя имъ не изъ собственнаго родника, какъ-то: «Наполеонъ» и др., намъ нравятся менѣе. Въ дарованіи Тютчева нѣтъ никакихъ драматическихъ или эпическихъ началъ, хотя умъ его, безспорно, проникъ во всѣ глубины современныхъ вопросовъ исторіи. И. Т.

Личность Тютчева.

Въ 1822 году переѣздъ изъ Россіи за границу значилъ не то, что теперь. Это просто былъ временный разрывъ съ отечествомъ. Желѣзныхъ дорогъ и электрическихъ телеграфовъ тогда еще и въ поминѣ не было; почтовые сообщенія совершались медленно; русскіе путешественники были рѣдки. Отторгнутый отъ Россіи въ самой ранней, нѣжной молодости, когда ему было съ небольшимъ 18 лѣтъ, закинутый въ дальній Мюнхень, предоставленный самому себѣ, Тютчевъ одинъ, безъ руководителей, переживаетъ на

чужбинѣ весь процессъ внутренняго развитія, отъ юности до зрѣлаго мужества, и возвращается въ Россію на водвореніе, когда ему пошелъ уже пятый десятокъ лѣтъ. Двадцать два года лучшей поры жизни проведены Тютчевымъ за границею...

Представимъ же его себѣ одного, брошеннаго чуть не мальчикомъ въ водоворотъ высшаго иностраннаго общества, окруженнаго всеми соблазнами большого свѣта, искушаемаго собственными дарованіями, которыя тотчасъ же, съ перваго его появленія въ этой блестящей европейской средѣ, доставили ему столько сочувствія и успѣха, — наконецъ, любимаго, балуемаго женщинами, съ сердцемъ, падкимъ на увлеченія страстныя, безоглядочныя... Какъ, казалось бы, этой 18-лѣтней юности не поддаться обольщеніямъ тщеславія, даже гордости? Какъ не растратить въ этомъ вихрѣ суеты, въ обаяніи внѣшней жизни, сокровища жизни внутренней, высшія стремленія духа? Не слѣдовало ли ожидать, что и онъ, подобно многимъ нашимъ поэтамъ, поклонится кумиру, называемому свѣтомъ, приобщится его злой пустотѣ, и въ погонѣ за успѣхами принесетъ не мало нравственныхъ жертвъ въ ущербъ и правдѣ и таланту?

Но здѣсь-то и поражаетъ насъ своеобразность его духовной природы. Именно къ тщеславію онъ и былъ всего менѣе склоненъ. Можно сказать, что въ тщеславіи у Тютчева былъ *органическій* недостатокъ. Онъ любилъ свѣтъ — это правда: но не личный успѣхъ, не утѣхи самолюбія влекли его къ свѣту. Онъ любилъ его блескъ и красоту, ему нравилась эта театральная, почти международная арена, воздвигнутая на общественныхъ высотахъ, гдѣ въ роскошной сценической обстановкѣ выступаетъ изящная внѣшность европейскаго обществитія со всею прелестью утонченной культуры; гдѣ, — во имя единства цивилизаціи, условныхъ формъ и приличій, — сходятся граждане всего образованнаго міра, какъ равноправная группа актеровъ. Но любя свѣтъ, всю жизнь вращаясь въ свѣтѣ, Тютчевъ ни въ молодости не былъ ни потому не сталъ «свѣтскимъ человѣкомъ». Соблюдая, по возможности, все внѣшнія свѣтскія приличія, онъ не рабствовалъ предъ ними душою, не покорялся условной свѣтской «морали», хранилъ полную свободу мысли и чувства. Блескъ и обаяніе свѣта возбуждали его нервы, и словно ключомъ било наружу его вдохновенное, граціозное остроуміе. Но самое проявленіе этой способности не было у него дѣломъ *тщеславнаго расчета*: онъ самъ тутъ же забывалъ сказанное, никогда не повторялся и охотно предоставлялъ другимъ авторскія права на свои, нерѣдко геніальныя, изреченія. Вообще, какъ въ устномъ словѣ, точно такъ и въ поэзіи, его творчество только въ самую минуту творенія, не далѣе, доставляло ему авторскую отраду. Оно быстро, мгновенно вспыхивало и столь же быстро, выразившись въ рѣчи или въ стихахъ, угасало и исчезало изъ памяти.

Онъ никогда не становился ни въ какую позу, не рисовался, былъ всегда самъ собою, таковъ какъ есть, простъ, независимъ,

произволенъ. Да ему было и не до себя, то-есть не до самолюбивыхъ соображеній о своемъ личномъ значеніи и важности. Онъ слишкомъ развлекался и увлекался предметами, для него несравненно болѣе занимательными: съ одной стороны блистаніемъ свѣта, съ другой — личною, искреннею жизнью сердца, и затѣмъ высшими интересами знанія и ума. Эти послѣдніе притягивали его къ себѣ еще могуще-ственнѣе, чѣмъ свѣтъ. Онъ уже и въ Россіи учился лучше, чѣмъ многіе его сверстники-поэты, а германская среда была еще способнѣе расположить къ ученію, чѣмъ тогдашняя наша русская, и особенно петербургская. Переѣхавъ за границу, Тютчевъ очутился у самаго родника европейской науки: тамъ она была въ подлинникѣ, а не въ жалкой копіи или карикатурѣ, у себя, въ своемъ дому, а не въ гостяхъ, на чужой квартирѣ.

Окунувшись разомъ въ атмосферу стройнаго и строгаго нѣмецкаго мышленія, Тютчевъ быстро отрѣшается отъ всѣхъ недостатковъ, которыми страдало тогда образованіе у насъ въ Россіи и пріобрѣтаетъ обширныя и глубокія свѣдѣнія. По свидѣтельству одного иностранца (барона Пфеффеля), напечатавшаго въ концѣ прошлаго года небольшую статью о немъ въ одной парижской газетѣ, Тютчевъ ревностно изучалъ нѣмецкую философію, часто водился съ знаменитостями нѣмецкой науки, между прочимъ съ Шеллингомъ, съ которымъ часто спорилъ, доказывая ему несостоятельность его философскаго истолкованія догматовъ христіанской вѣры. Тотъ же Пфеффель, вспоминая эти годы молодости Тютчева въ Мюнхенѣ, выражается о немъ слѣдующимъ образомъ въ одномъ частномъ письмѣ, которое намъ довелось прочесть: «*nous sudissions le charme de ce merveilleux esprit* (мы находились подъ очарованіемъ этого диковиннаго ума)». Не менѣе замѣчательенъ и отзывъ И. В. Кирѣевского, который, уже въ 1830 году, пишетъ изъ Мюнхена къ своей матери въ Москву, про 27-лѣтняго Тютчева: «онъ уже однимъ своимъ присутствіемъ могъ бы быть полезенъ въ Россіи: такихъ европейскихъ людей у насъ перечесть по пальцамъ». Тютчевъ обладалъ способностью читать съ поразительною быстротою, удерживая прочитанное въ памяти до малѣйшихъ подробностей, а потому и начитанность его была изумительна, — тѣмъ болѣе изумительна, что времени для чтенія, повидимому, оставалось у него немного. Вообще, при его необыкновенной талантливости, занятія наукою не мѣшали ему вести, по наружности, самую разсѣянную жизнь и не оставляли на немъ никакой пыли труда, той почтенной пыли, которую многіе ученые любятъ выставлять на показъ и которая такъ способна снискивать благоговѣніе толпы.

Могутъ замѣтить, что самая основательность пріобрѣтенной Тютчевымъ образованности достаточно предохраняла его отъ искушеній того мелкаго тщеславія, которое въ состояніи довольствоваться поверхностными успѣхами въ свѣтѣ или дешевою популярностью въ полуневѣжественныхъ кругахъ. Но для Тютчева, при богатствѣ

его знанія и даровъ, существовала возможность искушеній болѣе высшаго порядка. Ему естественно было пожелать для себя не только извѣстности, но и славы. Десятой доли его свѣднѣй и талантовъ было бы довольно иному для того, чтобъ сумѣть приобрѣсти почести и значеніе, занять выгодную общественную позицію, стать оракуломъ и прогремѣть, особенно въ нашемъ отечествѣ. Если бы онъ хоть сколько-нибудь о томъ постарался, молва о немъ прошумѣла бы въ Россіи еще въ первой половинѣ его жизни, и слава умнаго чело-вѣка и поэта не осѣнила бы его такъ поздно, и притомъ въ предѣлахъ только избранныхъ круговъ русскаго общества. Отъ времени до времени доходили, конечно, о немъ, чрезъ русскихъ путешественниковъ, извѣстія и въ Россію, подобные отзыву Кирѣевского, но, тѣмъ не менѣе, имя его въ отечествѣ долго оставалось невѣдомымъ, и даже Жуковскій, если не ошибаемся уже въ 1841 году, встрѣтятся съ Тютчевымъ гдѣ-то за границею, писалъ о немъ, какъ о какомъ-то неожиданномъ, пріятномъ открытіи. Мы уже знаемъ, какъ хлопоталъ онъ о своей стихотворческой извѣстности!... Все блестящее соединеніе даровъ было у Тютчева какъ бы оправлено *скромностію*, но скромностію особаго рода, не выставлявшеюся на видъ и въ которой не было ни малѣйшей умышленности или аффектаціи. Эта замѣчательная психическая черта требуетъ пристального разсмотрѣнія.

Если, несмотря на всѣ соблазны свѣта и увлеченія сердца, Тютчевъ даже и въ молодости постоянно расширялъ кругозоръ своей мысли и свои познанія, которымъ такъ дивились потомъ и русскіе и иностранцы, — все же было бы ошибкою предполагать здѣсь, съ его стороны, какое-либо дѣйствіе воли, нравственный подвигъ, побѣду надъ искушеніями, и т. п. Нисколько. Лѣнивый, избалованный съ дѣтства, непривыкшій къ обязательному труду, но притомъ совершенно равнодушный къ внѣшнимъ выгодамъ жизни, онъ только свободно подчинялся влеченіямъ своей, въ высшей степени интеллектуальной, природы. Онъ только утолялъ свой врожденный, всегда томившій его, умственный голодь. Съ наслажденіемъ вкушала онъ отъ готовой трапезы знанія и разумѣнія, но никогда не удовлетворялся ею вполнѣ; никогда не испытывалъ того самодовольства сытости, которое съ такою пріятностію ощущаютъ умы менѣе требовательные... Вообще, всякое самодовольство было ненавистно его существу.

Въ томъ-то и дѣло, что этотъ чело-вѣкъ, котораго многіе, даже изъ его друзей, признавали, а можетъ-быть признаютъ еще и теперь, за «хорошаго поэта» и сказателя острыхъ словъ, а большинство — за свѣтскаго говоруна, да еще самой пустой, праздною жизни, — этотъ чело-вѣкъ, рядомъ съ мѣткимъ, изящнымъ остроуміемъ, обладалъ умомъ необычайно прозорливымъ, не допускавшимъ никакого самообольщенія. Вообще это былъ духовный организмъ, трудно дающійся пониманію: тонкій, сложный, многострунный. Его внутреннее содержаніе было самага серіознаго качества. Самая способность Тют-

чева отвлекаться от себя и забывать свою личность объясняется тѣмъ, что въ основѣ его духа жило искреннее *смирение*: однакожь не какъ христіанская высшая добродѣтель, а, съ другой стороны, какъ природженное личное и отчасти *народное* свойство (онъ былъ весь добродушіе и незлобіе); съ другой стороны, какъ постоянное философское сознание ограниченности человѣческаго разума, и какъ постоянное же сознание своей личности нравственной немощи. Преклоняясь умомъ предъ высшими истинами вѣры, онъ возводилъ *смирение* на степень философско-нравственнаго историческаго принципа. Поклонение человѣческому *я* было вообще, по его мнѣнію, тѣмъ лживымъ началомъ, которое легло въ основаніе историческаго развитія современныхъ народныхъ обществъ на западѣ. Мы увидимъ, какъ рѣзко изобличаетъ онъ въ своихъ политическихъ статьяхъ это гордое сомообожаніе разума, связывая съ нимъ объясненіе европейской революціонной эры, и какъ, наоборотъ, возвеличиваетъ онъ значеніе духовно-нравственныхъ стихій русской народности. Понятно, что если такова была точка отправленія его философскаго міросозерцанія, то тѣмъ менѣе могло быть имъ допущено поклоненіе своему личному *я*. При всемъ томъ его скромность относительно своей личности не была въ немъ чѣмъ-то усвоеннымъ, сознательно приобрѣтеннымъ. Его *я* само собою забывалось и утопало въ богатствѣ внутренняго міра мысли; умалялось до исчезновенія въ виду откровенія Божія въ исторіи, которое всегда могущественно приковывало къ себѣ его умственные взоры. Вообще его умъ, непрерывно питаемый и обогащаемый знаніемъ, *постоянно мыслилъ*. Каждое его слово сочилось мыслью. Но такъ какъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ былъ поэтъ, то его процессъ мысли не былъ тѣмъ отвлеченнымъ, холоднымъ, логическимъ процессомъ, какимъ онъ является, на примѣръ, у многихъ мыслителей Германіи: нѣтъ, онъ не разобщался въ немъ съ художественно-поэтической стихіею его души и весь насквозь проникался ею. При этомъ его уму была въ сильной степени присуща *иронія*, — но не ѣдкая иронія скептицизма и не злая насмѣшка отрицанія, а какъ свойство, нерѣдко встрѣчаемое въ умахъ особенно крѣпкихъ, всестороннихъ и зоркихъ, отъ которыхъ не ускользаютъ, рядомъ съ важными и несомнѣнными, комическія и двусмысленныя черты явленій. Въ ироніи Тютчева не было ничего грубаго, желчнаго и оскорбительнаго; она была всегда остра, игрива, изящна и особенно тонко задѣвала замашки и обольщенія человѣческаго самолюбія. Конечно, при такомъ свойствѣ ума, не могли же иначе, какъ въ ироническомъ свѣтѣ, представляться ему и самолюбивыя поползновенія его собственной личности, если они только когда-нибудь возникали.

Но кромѣ того, его *я* уничтожалось и подавлялось въ немъ, какъ мы уже сказали, сознаніемъ недостижимой высоты христіанскаго идеала и своей неспособности къ напряженію и усилію. Потому что, рядомъ съ его, такъ сказать, *безкорыстною*, безличною жизнью мысли, была другая область, гдѣ обрѣталъ онъ самого себя всецѣло,

гдѣ онъ жилъ только для себя, всею полнотою своей личности. То была жизнь сердца, жизнь чувства, со всѣми ея заблужденіями, тревоженіями, муками, поэзіей, драмою страсти; жизнь, которой, впрочемъ, онъ отдавался всякій разъ не иначе, какъ въ слѣдствіе самаго искренняго, внезапно овладѣвавшаго имъ увлеченія, — отдавался безъ умысла и безъ борьбы. Но она была у него про себя, не была предметомъ похвалы и ликованія, всегда обращалась для него въ источникъ тоски и скорби и оставляла болѣзненный слѣдъ въ его душѣ.

Душа моя — элизіумъ тѣней,
Тѣней безмолвныхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ,
Ни замысламъ години буйной сей,
Ни радостямъ, ни горю не причастныхъ.
Душа моя — элизіумъ тѣней,
Что общаго межъ жизнью и тобою?...

Такъ высказывался онъ самъ въ своихъ стихахъ. Замыслы, радости и горе години не переставали однакожъ занимать и тревожить его умъ; страстные увлеченія сердца не ослабляли дѣятельности его философской мысли, но они тѣмъ не менѣе вносили тягостное раздвоеніе въ его бытіе. Ничто не могло омрачить въ немъ сознанія правды. Немерцающій свѣточъ ума и совѣсти постоянно разоблачалъ предъ нимъ всю тьму противорѣчій между признаваемымъ, сочувственнымъ его душѣ, нравственнымъ идеаломъ и жизнью, между возвышенными запросами и отвѣтомъ.

О вѣщая душа моя,
О сердце полное тревоги,
О какъ ты бьешься на порогѣ
Какъ бы двойнаго бытія!...

Этотъ крикъ сердечной боли, какъ бы невольно вырвавшійся изъ груди поэта, разрѣшается, чрезъ нѣсколько строкъ, воплемъ скорби и вѣрующаго смиренія въ слѣдующихъ стихахъ:

Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя —
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа навѣкъ прильнуть!...

Самая способность смиренія, этой силы очищающей, уже служитъ залогомъ высшихъ свойствъ его природы. Біографу Тютчева нѣтъ затѣмъ никакой надобности входить въ подробности этой стороны его существованія болѣе, чѣмъ сколько нужно для уразумѣнія его нравственнаго облика и сокрытыхъ мотивовъ его поэзіи... Но не въ одной этой области томился онъ внутреннимъ раздвоеніемъ и душевными муками.

Умъ сильный и твердый — при слабодушіи, при безсиліи воли, доходившемъ до немощи; умъ зоркій и трезвый — при чувствительности нервовъ самой тонкой, почти женской, — при раздражительности, воспламенимости, однимъ словомъ при творческомъ процессѣ души поэта, со всеѣми ея мгновенно вспыхивающими призраками и самообманомъ; умъ дѣятельный, не знавшій ни отдыха ни истомы — при совершенной неспособности къ дѣйствию, при усвоенныхъ съ дѣтства привычкахъ лѣни, при неборимомъ отвращеніи къ вѣшнему труду; къ какому бы то ни было принужденію; умъ постоянно голодный, пытливый, серьезный, сосредоточенно проникавшій во все вопросы исторіи, философіи, знанія; душа ненасытно жаждущая наслажденій, волненій, разсѣянія, страстно отдававшаяся впечатлѣніямъ текущаго дня, такъ что къ нему можно было бы примѣнить его собственные стихи про творенія природы весною:

Ихъ жизнь, какъ океанъ безбрежный,
Вся въ настоящемъ разлита.

Духъ мыслящій, неуклонно сознающій ограниченность человѣческаго ума, но въ которомъ сознание и чувство этой ограниченности недовольно восполнялись живительнымъ началомъ вѣры; вѣра, признаваемая сердцемъ, но не владѣвшая ими всецѣло, не управлявшая волею, недостаточно освящавшая жизнь, а потому не вносившая въ нее ни гармоніи ни единства... Въ этой двойственности, въ этомъ противорѣчьи и заключался трагизмъ его существованія. Онъ не находилъ ни успокоенія своей мысли ни мира своей душѣ. Онъ избѣгалъ оставаться наединѣ съ самимъ собою, не выдерживалъ одиночества, и какъ ни раздражался «безсмертною пошлостью людскою», по его собственному выраженію, однако не въ силахъ былъ обойтись безъ людей, безъ общества, даже на короткое время.

Только поэтическое творчество было въ немъ цѣльно: вслѣдствіе именно этой сложности его духовной природы, не могло быть въ немъ продолжительно, и вслѣдъ за мгновеніемъ творческаго наслажденія, онъ уже стоялъ выше своихъ произведеній, но уже не могъ довольствоваться этими неполными, и потому не всеѣмъ вѣрными, по его сознанию, отголосками его думъ и ощущеній; не могъ признавать ихъ за *дѣланіе* достаточно важное и цѣнное, достойно отвѣчающее требованіямъ его ума и таланта. А что требованія эти бывали велики, тревожили иногда его собственную душу съ настойчивостью и властью, что пламень таланта порою жегъ его самого и стремился вырваться на волю; что эти высокіе призывы, остававшіеся неудовлетворенными, наводили на него припадки меланхоліи и унынія, особенно въ тридцатыхъ годахъ его жизни, во время пребыванія за границей, гдѣ впервые, вдали отъ отечества, зашевелились и заговорили въ немъ все силы его дарованій, гдѣ не могъ онъ порою не тяготиться своимъ одиночествомъ, — обо всемъ этомъ мы узнаемъ, отчасти, изъ сохранившихся писемъ его первой жены. Именно ради

разсѣянія и отпросился онъ въ плаваніе съ дипломатическими депешами къ Ионическимъ островамъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ также написанныя около того же времени слѣдующія два стихотворенія, представляющія, кромѣ своего высокаго достоинства, психологическій и биографическій интересъ. Первое изъ нихъ то самое *Silentium*, которое, напечатанное въ 1835 году въ «Молвѣ», не обратило на себя никакого вниманія и въ которомъ такъ хорошо выражена вся эта немощь поэта — передать точными словами, логическою формулою рѣчи, внутреннюю жизнь души въ ея полнотѣ и правдѣ:

*Молчи, скрывайся и тай
И чувства и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясны въ ночи:
Любуйся ими и молчи.
Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Поймешь ли онъ, чѣмъ ты живешь?*

*Мысль изреченная есть ложь;
Взрывая — возмутитъ ключи;
Питайся ими и молчи.
Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй!
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ:
Ихъ заглушить наружный шумъ,
Дневные ослѣплять лучи, —
Внимай ихъ пѣнью — и молчи.*

Въ другомъ превосходномъ стихотвореніи эта тоска доходить уже своего высшаго выраженія.

*Какъ надъ горячею золой
Дымится свитокъ и сгораеть,
И огонь сокрытый и глухой
Слова и строки пожираеть, —
Такъ грустно тлится жизнь моя
И съ каждымъ днемъ уходитъ дымомъ;*

*Такъ постепенно гасну я
Въ однообразьи нестерпимомъ
О небо! если бы хоть разъ
Сей пламень развился по волю,
И не томясь, не мучась долѣ,
Я просіялъ бы — и погасъ!*

Но и потомъ, гораздо позже, нерѣдко вслѣдъ за игривымъ, шутливымъ словомъ, можно было подслушать какъ бы невольные стоны, исторгавшіеся изъ его груди. Его умъ сверкалъ ироніей, — его душа ныла... А между тѣмъ не было, повидимому, человѣка пріятнѣе и любезнѣе. Его присутствіемъ оживлялась всякая бесѣда; неистощимо сыпались блестящія остроумія; жадно подхватывались окружающими его мѣткія изреченія, изъ которыхъ каждое было въ своемъ родѣ артистическимъ издѣліемъ самой тонкой, узорчатой, художественной чеканки; онъ плѣнялъ и утѣшалъ все вниманіе ему общество. Но вотъ, внезапно, неожиданно скрывшись, онъ — на обратномъ пути домой; или вотъ онъ, съ накинутомъ на спину пледомъ, бродитъ долгіе часы по улицамъ Петербурга, не замѣчая и удивляя прохожихъ... Тотъ ли онъ самый?

Стройнаго, худоцаваго сложенія, небольшого роста, съ рѣдкими, рано посѣдѣвшими волосами, небрежно осѣнившими высокой, обнаженный, необыкновенной красоты лобъ, всегда отгнѣнный глубокою думою; съ разсѣяніемъ во взорѣ, съ легкимъ намекомъ ироніи на устахъ, — хилый, немощный и по наружному виду, онъ казался влачившимъ тяжкое бремя собственныхъ дарованій, страдавшимъ

отъ нестерпимаго блеска своей собственной, неугомонной мысли. Понятно теперь, что въ этомъ блескѣ тонули для него, какъ звѣзды въ сіяніи дня, его собственные поэтическія творенія. Понятны его пренебреженіе къ нимъ и такъ называемая авторская скромность.

Таковъ былъ этотъ своеобразный, высокодаровитый, смѣлый и смиренный мыслитель и поэтъ; таковъ былъ этотъ замѣчательный человѣкъ, неотразимо привлекательный изяществомъ всѣхъ проявленій своего духа, — самымъ сочетаніемъ силы и слабости.

Аксаковъ.

Исторія литературы представляетъ иногда явленія, совершающіяся по законамъ умственной дѣятельности не общимъ, а какъ бы исключительнымъ. То, что называется постепенностію развитія, въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ талантовъ нерѣдко ускользаетъ отъ наблюденія. Ж. Ж. Руссо сорока лѣтъ вышелъ въ первый разъ на поприще писателей и занялъ между ними первое въ своемъ родѣ мѣсто. Этого нельзя иначе изъяснить, какъ глубокимъ въ раннемъ возрастѣ постиженіемъ важности призванія писателя. Безъ яснаго, полного проникновенія въ тайны изящнаго искусства, молодому человѣку трудно; почти невозможно защититься отъ соблазна извѣстности и преждевременнаго поползновенія къ славѣ.

Подобный примѣръ предохраненія себя отъ первоначальныхъ опытовъ поэзіи представляетъ въ нашей литературѣ Тютчевъ. Онъ только въ послѣдній годъ жизни Пушкина въ первый разъ напечаталъ въ «Современникѣ» нѣсколько своихъ стихотвореній, исполненныхъ глубины мыслей, яркости красокъ, новости и силы языка. Во всемъ была ощутительна свѣжая кисть художника. Онъ каждому предмету сообщаетъ ясный образъ, привлекательное положеніе и удивительную грацію. Въ изданіяхъ его нѣтъ того повторенія приготовленныхъ предшественниками формъ поэзіи, которое, свидѣтельствуя о безсиліи дарованія, успокаиваетъ автора близостію труда его къ современному успѣху.

Не станемъ поддерживать парадокса, что на подобныхъ людей только во второй половинѣ ихъ жизни нисходитъ вдохновеніе, и вдругъ изъ окриленного ихъ ума вызываетъ вполне возмужавшіе образы, наподобіе баснословной Минервы.

Вся тайна, какъ замѣчено выше, объясняется раннею жаждой истиннаго совершенства, настойчиво властвующаго надъ мелкимъ самолюбіемъ. Такимъ образомъ, Тютчевъ умѣлъ устроить изъ первоначальныхъ своихъ опытовъ потаенную лѣстницу, по которой поднялся на высоту прочнаго успѣха съ своей раннею любовью къ трудамъ умственнымъ, онъ ими питалъ умъ свой въ тишинѣ и размышленіяхъ. Дипломатическая служба, еще въ первой своей молодости, увлекла его за границу. Тамъ онъ еще болѣе почувствовалъ необходимость совершенствованія. Находясь долгое время близъ лучшихъ источни-

ковъ просвѣщенія и образованности, естественно онъ становился строже. Иностранные языки, усвоенные имъ, какъ отечественный, представили ему средства не только извлекать изъ нихъ сокровища души, но и развѣртывать разнородныя силы ума въ собственныхъ работахъ, воплощая мысли въ этихъ новыхъ формахъ мышленія.

Въ литературѣ нашей смотрять на Тютчева только какъ на одного изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ. Но молодое поколѣніе писателей успѣло уже убѣдиться, какой тонкій и высокій критическій умъ соединяется въ немъ съ поэтическимъ талантомъ. Его пронзительный взглядъ, указывая на самыя живыя красоты всякаго новаго произведенія, въ то же время обнимаетъ значеніе общей идеи творчества, планъ исполненія ея, соразмѣрность и связь частей и всѣ необходимыя принадлежности искусства вообще. Если бы когда нибудь можно было, въ дополненіе къ небольшому числу изданныхъ имъ сочиненій, присоединить все, чѣмъ онъ увлекаетъ внимательный умъ, какъ публицистъ, какъ философъ, какъ историкъ и даже юристъ, то, безъ сомнѣнія, въ его лицѣ представился бы намъ замѣчательный челоуѣкъ нашего времени, не только по таланту и уму, но и по обширности современныхъ знаній.

Плетневъ.

- VI вып. Объ европейскомъ просвѣщеніи XVII — XVIII вѣковъ и вліяніи его на русскую литературу и общество.
- VII „ О литературной дѣятельности Екатерины II. Ц. 1 р.
- VIII „ О Фонвизинѣ и значеніи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р.
- IX „ О Державинѣ и значеніи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р. 50 к.
- X „ О просвѣщеніи въ древней Руси. Ц. 3 р.
- XI „ О просвѣщеніи въ XVIII в. Ц. 3 р. 50 к.
- XII „ О положеніи и состояніи русскаго общества въ XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
- XIII „ О русскихъ сатирическихъ журналахъ. Ц. 3 р.
- XIV „ О Новиковѣ. Ц. 3 р. 50 к.
- XV „ О Радищевѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Сокращенная историческая хрестоматія. Ч. I. (Сборникъ историко-литературныхъ изслѣдованій о народной и книжной словесности до эпохи Петра.) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній (8^о, 516 стр.). Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к. *Рекоменд. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. II. (Сборникъ историко-литературныхъ статей о Кантемиръ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Енатеринѣ II, Фонвизинѣ и Державинѣ.) Пособіе при изученіи литературы для учениковъ среднеучебныхъ заведеній (8^о, 1175 стр.). Изд. 3-е. Ц. 2 р. 50 к. *Одобрена Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. III. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Нарамзинѣ, Крыловѣ, Жуковскомъ и Грибоѣдовѣ.) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 75 к. (8^о, 825 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. IV. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Пушкинѣ.) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8^о, 733 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. V. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ.) Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8^о, 648 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VI. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Гончаровѣ, Островскомъ, Тургеневѣ и Л. Толстомъ.) (8^о, 1045 стр.). Изд. 3-е. Ц. 2 р. 50 к. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VII. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Майновѣ, Фетѣ, А. Толстомъ и Тютчевѣ.) (8^о, 702 стр.). Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія. Изд. 2-е. Ц. 20 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ.*

Систематическій диктантъ для среднеучебныхъ заведеній, городскихъ и начальныхъ училищъ. Ч. I. Этимологія. Изд. 17-е. Ц. 50 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв., Уч. Ком. при Св. Синодѣ для духовныхъ училищъ и Учил. Сов. при Св. Синодѣ для церковно-приходскихъ школъ.*

Тоже. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 15-е. Ц. 60 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. при Св. Синодѣ.*

Имена существительныя, употребляющіяся только во множественномъ числѣ. Ихъ родъ и окончанія. Ц. 20 к.

Справочный орфографическій словарь. Изд. 11-е. Ц. 25 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

**Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются книги,
составленныя В. И. ПОКРОВСКИМЪ:**

Аксаковъ, С. Т. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 к.

Гоголь, Н. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 1 р.

Гончаровъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Грибоѣдовъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 50 коп.

Григоровичъ, Д. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Державинъ, Г. Р. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Достоевскій, Ф. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Часть I. Цѣна 50 коп.

Екатерина II. Ея жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Жуковский, В. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Кантемиръ, А. Д. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Карамзинъ, Н. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Кольцовъ, А. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Крыловъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 50 коп.

Лермонтовъ, М. Ю. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Ломоносовъ, М. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Майковъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Некрасовъ, Н. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Никитинъ, И. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 50 коп.

Новиковъ, Н. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Островскій, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Плещеевъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

Полонскій, Я. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб.

Пушкинъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Радищевъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 75 коп.

Сумароковъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Толстой, А. К. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Толстой, Л. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Тургеневъ, И. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 75 коп.

Тютчевъ, Ф. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 15 коп.

Фетъ, А. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 20 коп.

Фонвизинъ, Д. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Чеховъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 2 руб. 50 коп.